B31 8/7
2 4

A 21 5/13
A X 10/28
A 8/8
7

А 31 8/2 Броневский В.Б. А 01 5/13

ЗАПИСКИ
МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ КАМПАНІИ НА СРЕДИЗЕМНОМЪ МОРѢ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛА ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА СЕНЯВИНА:

ОТЪ 1805 ПО 1810 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

По повелѣнію и на иждивеніи Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Въ Морской Типографіи
1819 года.

ЦЕРКОВНАЯ БИБЛІОТЕКА

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 330620
193 г.

W

УВѢДОМЛЕНІЕ.

При изданіи четвертой Части, долгомъ почитаю предварить почтеннѣйшую публику, что щедроты Государя Императора, награды Государынь Императрицъ и Великаго Князя; пособія Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента и Россійской Академіи, при таковомъ значительномъ числѣ Преномерантовъ, каковаго сначала не могъ я ожидать, даютъ мнѣ возможность не надбавлять цѣны на *мои записки* и по совершенномъ изданіи оныхъ.

Принося чувствительнѣйшую благодарность за столь лестное вниманіе публики къ трудамъ моимъ, обязанностію также поставляю повторить мою признательность Особамъ, удостоившимъ меня своей довѣренности сообщеніемъ частныхъ происшествій, до предмета моего касающихся.

Благосклоннымъ принятіемъ перваго моего сочиненія поощренный, съ надеждою на таковоеже, предпріемлю я сдѣлать извлеченіе изъ журнала, доставленнаго мнѣ однимъ изъ товарищей моихъ съ тѣмъ, чтобы я воспользовался онымъ при печатаніи моихъ записокъ. Но какъ журналъ его заключаетъ въ себѣ событія 1804 года, высадку нашихъ и Англинскихъ войскъ подъ предводительствомъ Генералъ-Аншефа де Ласси въ Неаполѣ, описаніе великолѣпной сей столицы съ ея окрестностями, также Гаэты, Венеціи и многихъ другихъ городовъ, въ коихъ я не былъ; посему

и совѣтовалъ ему переложить журналъ въ письма и напечатать оныя особо, на что онъ и согласился, предоставя изданіе оныхъ моему попеченію. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ я на себя сей трудъ, что журналъ его какъ по оригинальности слога, такъ и по любопытнымъ замѣчаніямъ, съ нѣкоторою увѣренностію могу думать, доставитъ любителямъ словесности пріятное, занимательное и полезное чтеніе; и притомъ вмѣстѣ съ моими записками составитъ полное обозрѣніе тѣхъ странъ, въ которыхъ флотъ нашъ отъ 1804 по 1810 годъ находился. По выходѣ въ свѣтъ сихъ писемъ, если обстоятельства позволятъ, надѣюсь также отдать въ печать продолженіе сихъ записокъ, заключающее въ себѣ путешествіе мое отъ Тріеста до С. Петербурга.

В. . . Б. . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Возвращеніе фрегата Венуса въ Средиземное море - - - - - 3.

Пребываніе въ Палермѣ:

Портъ и укрѣпленія - - - - 9.
Два знакомства - - - - 10.
Монастырь св. Мартына - - - 14.
Монтъ-Реале - - - - - 27.
Белведеръ - - - - - 31.
Пещера святой Розаліи - - - 34.
Китайскій домикъ - - - - 38.
Королевское собраніе - - - - 40.
Дворецъ - - - - - - 45.
Больница бѣдныхъ - - - - 53.
Поле мертвыхъ - - - - 56.
Дворянское собраніе - - - - 60.
Гримальди - - - - - 63.
Рыбная ловля - - - - - 66.
День моднаго свѣта - - - - 69.
Нѣчто о нравахъ и обычаяхъ - - 78.
Церковные обряды на страстной и въ недѣлю Пасхи - - - - - 93.
Дворянство - - - - - 105.
Духовенство - - - - - 107.
Народъ - - - - - - 109.
Правленіе - - - - - - 111.
Законы и судопроизводство - - 115.
Власть Короля—Доходы—Войска - - 121.

Стран.

Древности - - - - - - 129.
Минеральныя воды—Произведенія—Торговля 136.
Война съ Англіею—сдача фрегата Венуса Сицилійскому Правительству - 142.
На пути отъ Палермы до Тріеста.—Нѣчто о Мессинѣ - - - - 174.

Пребываніе въ Тріестѣ.

Портъ и укрѣпленія - - - 192.
Карантинъ - - - - - - 194.
Взглядъ на городъ - - - - 203.
Боскетто Сантъ-Андрея - - - 210.
Театръ - - - - - - - 215.
Карнавалъ - - - - - - 227.
Гротъ въ Липцахъ - - - - 231.
Поступки Французовъ въ Тріестѣ - 235.
Произшествія во время пребыванія Россійской Эскадры въ Тріестѣ.—Возвращеніе въ Россію - - - - 249.
Отъѣздъ Принца Регента Португальскаго въ Бразилію. Лиссабонскій договоръ - 264.
Продолженіе дѣйствій Россійской Эскадры въ Портслутѣ—Поднесеніе Вице-Адмиралу Сенявину Вазы.—Прибытіе въ Ригу - - - - - 292.
Эскадра Капитана Гетцена въ Тулонѣ - 310.
Шлюпъ Шпицбергенъ въ Портѣ Виго - 315.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Содержащая происшествія отъ объявленія войны Англіи до возвращенія въ Россію.

Возвращеніе фрегата Венуса въ Средиземное море.

Какъ слухи о войнѣ Россіи съ Англіею подтверждались болѣе и болѣе, и какъ извѣстно стало, что Принцъ-Регентъ, по невозможности защищаться противу превосходнаго числа Французскихъ войскъ вступившихъ въ Португалію, рѣшился переѣхать въ Бразилію; то по симъ политическимъ обстоятельствамъ, такожъ и по невозможности прежде весны возвратиться намъ въ свои Балтійскіе порты исправя важныя поврежденія кораблей, для коихъ Принцъ Регентъ всѣ нужные матеріалы приказалъ отпустить, Главнокомандующій положилъ зимовать въ Лиссабонѣ. Въ слѣдствіе сего Капитанъ фрегата Венуса получилъ повелѣніе отправиться обратно въ Средиземное море, сыскать тамъ эскадру Капитанъ-Командора

Баратынскаго, и дать ему знать куда идти для соединенія со флотомъ, также отвезть депеши въ Палерму къ Министру Д. П. Татищеву и повелѣнія въ Корфу. Капитану фрегата Спѣшнаго, который съ однимъ транспортомъ отправленъ былъ изъ Россіи для доставленія на флотъ денегъ и запасовъ, и остановился въ Портсмутѣ въ ожиданіи прибытія туда флота, послано также повелѣніе, чтобы онъ немедленно шелъ въ Лиссабонъ.

По болѣзни Капитана Е. ф. Развозова фрегатъ нашъ порученъ Капитану К. И. Андреянову. 9 го Ноября при тихомъ вѣтрѣ снялись мы съ якоря; теченіемъ навалило насъ на корабль Ретвизань, однакожъ разошлись съ нимъ безъ всякаго вреда. Никогда съ такою неохотою не оставляли мы флота, какъ теперь; какое то тайное предчувствіе приводило каждаго въ скуку, и мы думали, что надолго разлучаемся съ товарищами. Вышедъ въ море большимъ фарватеромъ, увидѣли въ Каскаіѣ Англинскую изъ 7 кораблей эскадру стоящую на якорѣ, которую давно ожидали для способствованія переѣзда Королевской фамиліи въ Америку. Шлюпъ; принадлежащій сей эскадрѣ, подошедъ къ намъ спрашивалъ именемъ своего Контръ-Адмирала Сиднея Смита, куда идемъ и здоровъ ли нашъ Вице-Адмиралъ? Получивъ отвѣтъ, Англичане пожелали намъ добраго пути, а мы поставивъ всѣ паруса, при Сѣверномъ умѣренномъ вѣтрѣ, скоро потеряли изъ вида всѣ береговые предметы.

Лиссабонъ, величественная рѣка Таго со множествомъ кораблей остались только въ воображеніи, и мы не видя ничего кромѣ неба и воды, и вдали играющей зарницы, какъ осиротѣвшіе, одни безъ всякаго товарищества плыли къ югу въ необозримое пространство Океана. Ночью зарница увеличилась до того, что вся небесная твердь покрылась багрянымъ цвѣтомъ, пламенѣла подобно раскаленному металлу и представляла зрѣлище великолѣпное и тихое; но вдругъ нашелъ шквалъ отъ Сѣверо-запада, зарница угасла, темнота сдѣлалась непроницаемая, скоро съ крѣпкимъ вѣтромъ началась гроза, удары грома были столь сильны, что казалось самый небесный сводъ колеблется. Сильный шумъ по мѣрѣ приближенія увеличивавшейся, въ осторожность принудилъ насъ убрать верхніе паруса; но мы обманулись; вмѣсто ожидаемаго съ той стороны вѣтра, былъ дождь столь обильный и благотворный, что чрезъ полчаса гроза умолкла, вѣтръ уменьшился, небо очистилось, заблистали звѣзды и сребристая луна показалась во всемъ блескѣ.

10го Ноября при ясной погодѣ и умѣренномъ вѣтрѣ обошедъ мысъ Санъ-Винценть, встрѣтились мы съ шлюпомъ Шпицбергеномъ. Командиръ онаго Капитанъ-Лейтенантъ Качаловъ былъ очень доволенъ, что ему идти въ Лиссабонъ, а не далѣе; ибо онъ не зналъ гдѣ флотъ находится. Шлюпъ сей не успѣвъ обойти при крутомъ бейдевиндѣ островъ Маритимо, поворотомъ на другой галсъ ушелъ

время не болѣе часа, и отсталъ отъ флота на 45ть дней, въ продолженіи которыхъ въ плаваніи Средиземнымъ моремъ имѣлъ всегда противные вѣтры, а мы напротивъ шли всегда попутнымъ. Вотъ примѣръ, сколь драгоцѣнны минуты для мореходцевъ. Шлюпъ для налитія водою заходилъ въ Гибралтаръ, гдѣ отъ Англинскихъ купцовъ получилъ нѣсколько провіанта, не смотря на то, что слухъ о войнѣ почти былъ достовѣрный, они не усумнились отпустить припасовъ подъ росписку Капитана на значущую для нихъ сумму.

11го Ноября чѣмъ ближе подходили мы къ Гибралтарскому проливу, вѣтръ свѣжелъ, небо покрылось мрачностію. Гибралтарская скала показывается отъ стороны океана островомъ; (*) другая, находящаяся на Варварійскомъ берегу называемая Обезьянная гора, также издали кажется островомъ; почему въ пасмурную погоду крайне остерегаться должно, дабы принявъ одну за другую, идучи изъ Средиземнаго моря не найти на низкой перешеекъ Малбаія, соединяющій Гибралтаръ съ матерымъ берегомъ или не подвергнуться опасности въ Тетуанскомъ заливѣ, гдѣ Обезьянная гора возвышается въ видѣ сахарной головы. Гибралтарскій рейдъ очень неудобенъ, только у Новой Молы, корабли могутъ становиться на якорь на 10 саженяхъ глубины,

(*) Смотри видъ Гибралтара.

Видъ Гибралтара отъ Океана

11 cp 6

грунтъ песчаной и съ раковинами перебиваетъ канатъ. При западномъ вѣтрѣ отъ большаго волненія опасно оставатся на рейдѣ, а при восточныхъ бываютъ столь сильные порывы, что корабли срываетъ съ якорей. Въ Новой Молѣ помѣститься могутъ только пять кораблей, въ старой же до десяти малыхъ судовъ, что при недостаткѣ воды и съѣстныхъ припасовъ дѣлаетъ Гибралтарскій портъ неудобнымъ и опаснымъ.

Намъ должно было изъ Гибралтара послать рапортъ къ Адмиралу, но западный вѣтръ былъ такъ силенъ, что ни стать на якорь, ни послать шлюпку въ городъ было не возможно, къ счастію у самаго Европейскаго мыса встрѣтилось съ нами Американское судно, шедшее въ Лиссабонъ, шхиперъ охотно взялся доставить рапортъ Адмиралу. Едва вступили мы въ Средиземное морѣ, воздухъ и небо все перемѣнилось, въ океанѣ погода постоянно была пасмурная и суровая, теперь же настала самая пріятная; умѣренныя попутные вѣтры не заставили насъ скучать медленнымъ плаваніемъ, небо было ясно, воздухъ теплъ, а въ полдень даже жарокъ. Вчера будучи въ тойже широтѣ, въ Океанѣ было холодно, а сего дня какъ бы нечаянно перешли въ другой климатъ. Плаваніе наше Средиземнымъ моремъ до Сардиніи было благополучно, перемѣна предметовъ до мыса Тапо занимала меня безпрестанно. Одинъ разъ ночью подошли мы столь близко къ берегу,

что заштилѣли, совершенная тишина нарушалась токмо всплескомъ волнъ разбивавшихся о кремнистую скалу, грозно предъ нами стоявшую. На вершинѣ ея видно было нѣсколько хижинъ; кое-гдѣ мелькали въ окнахъ огоньки. Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ внималъ я звонкому голосу сторожевыхъ собакъ, воображалъ себѣ, что путешествую по землѣ, и утомившись отъ дальняго пути, спѣшу въ деревню на ночлегъ. Все, что составляетъ противоположность съ мятежною нашею жизнію, все, что связуется въ мысляхъ съ сельскою бытностію, привлекаетъ и нравится мореходцамъ, ибо и столь обыкновенные предметы рѣдко имъ представляются; мы еще большую ощущаемъ радость тѣхъ, которые на коротkое время лѣтомъ переѣзжаютъ изъ столицы въ деревню.

У Сардиніи встрѣтилъ насъ противный вѣтръ, пять дней лавировали мы въ виду оной и едва на сто верстъ подвинулись впередъ, однакожъ не безъ пользы провели сіе скучное время, по точнымъ наблюденіямъ нашли, что наша и Англинская карта невѣрны, по нашей Сардинія отнесена къ Сѣверу на 2, а по Англинской на $4\frac{1}{4}$ Нѣмец. миль; островокъ Торо, на первой отнесенъ на NO 50 градусовъ на 9. Нѣмец. миль, а на послѣдней на NO 38 градусовъ на 6. Нѣмец. миль. 20 Ноября при безпокойной зыби, оставшейся отъ крѣпкаго вѣтра, усмотрѣно, что голова руля сгнила и сверху раскололась. Послѣ

Портъ
ПАЛЕРМО
въ Сицилии.
Итал. мили.
Кладбище
Бельведере
Монтъ Реале
Р. Рароне
Фикаращи
ПАЛЕРМО
Мон. Св. Франческо
Цитадель
Иль коле
Маякъ
Арсеналъ
Крѣпость
Бегариа
ПАЛЕРМСКІЙ ЗАЛИВЪ
Каз. Кон. Фр. Венуса
Домъ Д. де белмонте
Башня Модраге
Цер. Св. Розалій
Гора Пелегрино
Агате
Монделла
М. Собрано
М. Пелегрино
Мысъ Галло
Маг.
Ист.
Скл. 15° W.

штиля продолжавшагося по 21 число, подулъ свѣжій попутный вѣтръ; быстро перешли мы пространство раздѣляющее Сардинію отъ Сициліи, 22го Ноября, великолѣпная Палерма покрытая легкимъ отъ испареній туманомъ открылась, и мы бросили якорь между Молою и Англинскою эскадрою, состоящею изъ 5 кораблей и 2 фрегатовъ. Вице-Армиралъ Торнброу имѣлъ флагъ свой на сто-пушечномъ кораблѣ Рояль-Соверинъ.

Пребываніе въ Палермѣ.

Портъ и укрѣпленія (*).

Обширный заливъ заключенный мысомъ *Собрано* отъ востока и горою Палегрино отъ запада, открытый Сѣвернымъ вѣтрамъ, дѣлаетъ Палермскій портъ только въ лѣтнее время удобнымъ. Корабли останавливаются предъ городомъ на глубинѣ 18 и 20 сажень, грунтъ илъ съ травою. Сѣверо-восточный вѣтръ разводитъ большее волненіе; почему противу его и должно класть фертоингъ. Въ Моло длиною 200 саженъ, укрѣпленной двумя малыми крѣпостями, изъ коихъ въ крайней къ морю зажигается каждую ночь фонарь. Три или четыре корабля и столько же фрегатовъ на глубинѣ 5 и 6 саженъ могутъ укрыться отъ

(*) Смотри карту.

всѣхъ вѣтровъ. Городъ обнесенъ четыре-угольною стѣною съ башнями, имѣетъ четверо воротъ прямо на Сѣверъ, Югъ, Востокъ и Западъ; пушекъ на стѣнахъ нѣтъ, и самая Цитадель подлѣ Сѣверной стѣны находящаяся, и редутъ на концѣ набережной построенный, не могутъ защищать городъ, какъ только съ моря и то слабо. Не смотря на неудобство порта, рейдъ всегда полонъ военныхъ и купеческихъ кораблей. Палерма, по торговлѣ соперница Мессинѣ, и уступаетъ ей только потому, что гавань послѣдней, искуствомъ и природою сдѣлана совершенно покойною. Изъ Палермы отправляется много хлѣба, вина, масла, плодовъ, шелковыхъ матерій, манны и разныхъ лѣкарственныхъ травъ.

Два знакомства.

Подъ всѣми парусами вошли мы въ гавань и стали подлѣ Архимеда, одного токмо линейнаго корабля, оставшагося у Неаполитанскаго Короля. Множество любопытныхъ собралось на Молѣ. Нѣсколько хорошо одѣтыхъ господъ просились взойти на фрегатъ; Капитанъ имъ позволилъ; а я съ четырьмя товарищами поѣхалъ на берегъ. Переѣздъ былъ коротокъ, стоило только толкнуть яликъ и мы вышли на пристань, скорыми шагами прошли мимо арсенала, потомъ широкую аллею, чрезъ главныя ворота вошли въ улицу Макведа и лишь ступили на тротуаръ, толпа маленькихъ мак-

леровъ, предложили услуги, кому что угодно? мы не могли ихъ отъ себя отогнать, вечеръ имъ благопріятствовалъ. Куда итти спросилъ одинъ изъ товарищей? Въ саду конечно теперь ни кого нѣтъ, а въ театръ еще рано, разумѣю что ты хочешь сказать, пойдемъ..... отвѣчалъ другой...и они пошли за замаранными амурами. Я остался одинъ, вѣстники Сиренъ вертѣлись предо мною, выхваляли, божились; я смѣялся и продолжалъ итти, какъ вдругъ нѣкто сзади меня сказалъ: если позволите спросить, конечно вы иностранецъ? Въ первомъ движеніи я хватился за карманы, но при свѣтѣ фонаря увидѣвъ щеголевато одѣтаго молодаго человѣка въ лицѣ котораго ничего не было злаго. Успокоившись отвѣчалъ ему, что я Руской, tanto meglio, продолжалъ незнакомецъ, не вѣрьте, сударь, этой городской чумѣ (Pesta di citta); наши Сирены очень опасны. Поблагодаривъ за благой совѣтъ, я просилъ Барона N. такъ онъ себя назвалъ, на чашку шеколада. Баронъ выпилъ не одну, не отказался и отъ рюмки вина и опорожнилъ цѣлую бутылку. Слова текли рѣкою, комплементы, высокій титулъ Eccelenza! похвала моему благоразумію, и наконецъ предложеніе взять ложу въ театрѣ, ни малаго не подавали мнѣ повода, думать о немъ иначе, какъ о самомъ благовоспитанномъ человѣкѣ. Почитая себя знающимъ физіономистомъ, я обращался съ Барономъ съ довѣренностію; но обманулся и обманулся жестоко. Мы вмѣстѣ

рука съ рукой пошли въ театръ, взяли ложу въ Бенуарѣ. Занавѣсъ еще не поднимался, театръ былъ полонъ, разумѣется чтожъ было дѣлать, какъ не смотрѣть на право, на лѣво, въ раекъ и партеръ; замѣтивъ одно прекрасное лице, спросилъ я друга своего (такъ онъ уже меня называлъ) не знаетъ ли онъ этой дамы, которая сидѣла въ противной отъ насъ ложѣ. Очень знаю, я нѣкогда ей нравился, теперь въ чистой отставкѣ и числюсь въ длинномъ спискѣ ея друзей. Я покраснѣлъ отъ нескромнаго отвѣта, и досадовалъ на Лафатера, однакожъ не вѣрилъ, чтобы прелестная дама была такъ вѣтрена. Впрочемъ не слишкомъ желая, чтобы она была постояннна, скоро согласился на доводы ея стараго друга, которой тутъже предложилъ познакомить меня съ нею и ручался, что я хорошо буду принятъ. По окончаніи перваго дѣйствія Баронъ подчивалъ меня мороженымъ, ликеромъ, конфектами, и послѣ втораго дѣйствія пошелъ въ ложу къ дамѣ. Вскорѣ по выходѣ его вошелъ слуга и просилъ съ меня червонецъ за лакомство, я догадался кто былъ Баронъ, хватился за карманъ и платка въ немъ не было. Баронъ больше не возвращался.

Двѣ дамы, сидѣвшія въ ложѣ подлѣ моей, сожалѣли, что у нихъ въ столицѣ такъ много плутовъ, которые весьма искусно обманываютъ добрыхъ иностранцевъ. Это сожалѣніе было достаточнымъ вознагражденіемъ за два червонца и платокъ. Разговоръ начался, въ

продолженіи котораго я подумалъ, что прекрасная Люкреція (имя Маркизы) должна быть подобна Римской, но скоро поссорился съ Лафашеромъ и первое заключеніе было невѣрно. Театръ кончился, я подалъ руку дамамъ, свелъ ихъ съ лѣстницы, помогъ войти въ карету, меня поблагодарили и напомнили, что завтра въ Флорѣ будетъ большее гуланье. Медленно возвратился я на фрегатъ, а на другой день очень заблаговременно пришелъ въ садъ, и послѣ трехъ часовъ скучнаго исканія, наконецъ встрѣчаю Маркизу съ прекраснымъ молодымъ кавалеромъ! Она меня рекомендовала ему, но такъ холодно, что я поклонившись хотѣлъ итти другою аллеею; къ счастію подруга ея была одна, надобно было подать ей руку. Маркиза изрѣдка обращалась ко мнѣ съ двумя, тремя словами, и я скоро исправясь отъ перваго впечатлѣнія, увидѣлъ пристань куда должно было мнѣ править. Дама, которую я велъ, была молодая вдова и сестра Маркизы, Донъ Розаріо, кавалеръ ея, богатый дворянинъ, ловкій и любезный молодой человѣкъ; онъ старался снискать мою довѣренность, мы съ нимъ въ нѣсколько минутъ познакомились такъ коротко, что проводя дамъ домой ужинали вмѣстѣ, и отъ всего сердца смѣялись двумъ моимъ неожиданнымъ знакомствамъ.

Монастырь Св. Мартына.

Мы располагались пробыть въ Палермѣ только нѣсколько дней, но судьба, которая самонравно располагаетъ всѣми случаями, удержала насъ нѣсколько мѣсяцовъ въ сей мраморной столицѣ Неаполитанскаго Короля; я говорю мраморной, ибо здѣсь оный употребленъ какъ у насъ кирпичъ и дикой камень. Въ продолженіе пяти мѣсячнаго пребыванія въ Палермѣ я имѣлъ время замѣтить въ ономъ много любопытнаго; выберу лучшіе предметы и во первыхъ скажу, монастырь Св. Мартына достоинъ особаго вниманія всякаго путешественника.

Монастырь сей почитается изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, построенъ въ горахъ въ разстояніи отъ Палермы въ 12 верстахъ. Товарищи мои, бывшіе въ немъ, разсказывали много хорошаго; но жаловались на дурной пріемъ. Сему была причина, они ошиблись въ выборѣ провожатаго, точно такъ какъ я въ Баронѣ. Казначей монастыря, чрезъ нѣсколько дней посѣтилъ фрегатъ, объяснилъ причину прежняго холоднаго пріема и просилъ сдѣлать монастырю честь вторичнымъ посѣщеніемъ, назначилъ день и прислалъ для сопровожденія насъ одного изъ своихъ собратій, монаха умнаго, веселаго и говорившаго по Француски и по Англински. Мы отправились въ четырехъ наемныхъ весьма красивыхъ коляскахъ. Дорога чрезъ равнину окружающую Палерму

шла между садовъ. Приближившись къ горамъ, сколь величественно равнину облегающимъ, вдругъ всѣ предметы перемѣнились. Излучистая битая дорога шла на крутую гору и между скалъ отчасу становилась страшнѣе и затруднительнѣе; по одну сторону былъ высокій утесъ, по другую пропасть. Лошади часто останавливались и отдыхъ не укрѣплялъ ихъ силъ, мы шли пѣшкомъ скинувши кафтаны и чрезмѣрно устали, наконецъ вдали открылось великолѣпное зданіе, оно скоро опять скрылось и съ нимъ трудная дорога перемѣнилась въ ровное какъ полъ шоссе; мы въѣхали въ широкую аллею, которая привела насъ къ стѣнамъ монастыря.

Колокольчикъ зазвѣнѣлъ, желѣзныя рѣшетчатыя ворота на тяжелыхъ верёяхъ скрыпнули, отворились, монахъ распрысканный духами съ благородною осанкою встрѣтилъ насъ поклономъ и просилъ оставить наши шпаги у привратника; въ утѣшеніе наше онъ прибавилъ, что самъ Король дѣлаетъ тоже (*). Вошедъ на обширный усыпанный пескомъ дворъ, мы увидѣли длинный фасадъ монастыря, у котораго фронтонъ и поршикъ, лежащіе на стройной колоннадѣ, дѣлали его похожимъ болѣе на царскій чертогъ, нежели на скромное жи-

(*) Женщинамъ какого бы званія онѣ ни были запрещенъ входъ въ сей монастырь, но монахамъ незапрещено видѣть ихъ внѣ онаго.

лище отшельниковъ. Въ сѣняхъ, ведущихъ къ парадной лѣстницѣ, представляется взору монументъ Св. Мартына. Конная статуя въ Срацынской военной одеждѣ, поставленная на камнѣ подобномъ подножію статуи Петра Великаго, изображаетъ святаго Мартына, раздирающаго свою мантію; подлѣ него бѣжитъ нищій и принимаетъ половину оной. Конь, святый и нищій хладны какъ мраморъ, изъ котораго они сдѣланы; въ монументѣ нѣтъ искуства, отдѣлка очень посредственна. Столь огромный монументъ въ сѣняхъ, отнимая видъ у себя и у оныхъ совершенно не соотвѣтствуетъ красотѣ лѣстницы. Въ самыхъ сѣняхъ встрѣтили насъ нѣсколько монаховъ. По бѣлой мраморной парадной лѣстницѣ, прикасаясь рукою къ агатовымъ перилямъ прошли мы къ огромнымъ дверямъ, онѣ предъ нами разкрылись и мы вошли въ длинную и высокую залу. Мраморный паркетъ, плафонъ разкрашенный, широкіе карнизы и чрезвычайный свѣтъ отражаемый отъ бѣлизны мраморныхъ стѣнъ, даютъ великое поняшіе о богашствѣ монастыря сего. Проходя потомъ длиннымъ коридоромъ, пересѣченнымъ накрестъ другимъ, гдѣ выставлены были портреты кардиналовъ, святыхъ мужей и настоятелей сего монастыря; попирая ногами разноцвѣтные мраморы, вошли мы въ пріемную комнашу. Какое великолѣпіе! штучный полъ изъ зеленаго, сѣровашаго и чернаго мрамора сосшавленный,

порфирный каминъ, бѣлыя стѣны съ розовою каймою, широкіе промежутки между оконъ, украшенные огромными зеркалами, рѣзная позолоченная мебель, и весь сей совокупный блескъ изумилъ меня, и въ тоже время возродилъ во мнѣ мысль, что роскошь сія излишня для монаховъ. Что же долженъ я сказать о томъ, что видѣлъ послѣ? Согласиться, что монахи хорошо употребляютъ 300.000 рублей своего годоваго дохода.

Предъ диваномъ, на которомъ мы посажены были, вдругъ отворяются настежь множество дверей, одна за другою; въ пріемную вбѣгаетъ малаго роста монахъ, въ длинной шелковой мантіи и четвероугольной шапочкѣ; за нимъ вдали, съ поникшимъ взоромъ, шли попарно человѣкъ 30 тучныхъ, румяныхъ монаховъ. Маленькой монахъ былъ Настоятель. Онъ, не дожидая нашего привѣтствія, насказалъ намъ тысячу вѣжливостей, садился, вставалъ, обращался съ разговоромъ то къ тому, то къ другому, весьма живо и ловко перемѣнялъ всѣ положенія тѣла; потомъ жаловался, что уже дни три стоитъ дурная погода, что онъ не можетъ сносить холода, и думаетъ, что онъ въ Россіи замерзъ бы при первомъ утренникѣ, потомъ божился и увѣрялъ насъ, что это есть рѣдкая нечаянность случившаяся съ Палермскимъ климатомъ; наконецъ перемѣнивъ и понизивъ свой голосъ, который былъ довольно громокъ, продолжалъ медленно: „я увѣренъ, что почтен-

33062

нѣйшіе господа Рускіе удостоятъ раздѣлить съ нами скудную нашу трапезу. „Поблагодаривъ за приглашеніе, и дабы не дать ему времени начать новый разговоръ, одинъ изъ насъ просилъ позволенія осмотрѣть церковь и другія достопамятности монастыря. Все, что вамъ угодно; располагайте мною, приказывайте; я самъ бы за особое удовольствіе почелъ сопровождать васъ; но старость моя и больныя ноги тому препятствуютъ. Конечно вы пожелаете, продолжалъ Настоятель, прежде всего видѣть нашу Библіотеку; она имѣетъ 40.000 томовъ и много древнихъ рукописей. Музеумомъ, надѣюсь будете довольны, шамъ приготовлена для васъ нечаянность .... Тутъ вступилъ онъ въ ученыя разсужденія, разгорячился, говорилъ весьма краснорѣчиво, замысловато, и открылъ въ себѣ умъ обогащенный великими познаніями.

Сперва привели насъ въ библіотеку, помѣщенную въ большой залѣ. Библіотекарь съ важнымъ видомъ поднесъ намъ каталогъ, и потомъ по требованію нашему подавалъ классическія книги во всѣхъ родахъ наукъ, а въ заключеніе положилъ предъ нами нѣсколько рукописей Греческихъ, Латинскихъ, Еврейскихъ и Готѳскихъ; мы перебирали листы въ первыхъ съ видомъ учености, а на послѣднія только взглянули; никто изъ насъ, да и самые монахи, какъ я думаю, не разумѣли, что въ нихъ написано. Самая любопытная изъ рукописей

была посланіе къ Римлянамъ Апостола Павла, какъ увѣряли насъ, писанная имъ самимъ; наконецъ показывали намъ какой-то Славянскій свитокъ, въ которомъ, кромѣ нѣкоторыхъ буквъ, большею частію съ пергамина сшершихся, ни одного слова разобрать не могли. Мы думали, что рукопись сія есть Болгарская или Сербская, писанная въ 12 мъ или 13 мъ столѣтіи.

Изъ Библіотеки перешли мы въ Музеумъ. Нѣсколько залъ наполнены всякаго рода рѣдкостями. Разсматриваніе каждой изъ нихъ порознь заняло бы охотника до древностей нѣсколько дней. Но мы на ихъ только взглянули и обошли всѣ залы кругомъ. Первая составляетъ арсеналъ, наполненный ружьями, пистолетами, разныхъ родовъ кольчугами, шлемами, мечами, сѣкирами, бердышами и булáвами. Вторая занята собраніемъ рѣдкихъ древнихъ произведеній, какъ то чашъ, слезохранительницъ, обломковъ древнѣйшихъ статуй, вывезенныхъ изъ Греціи, и между прочими туловище Юпитера, также нѣкоторые Египетскіе истуканы и Греческихъ храмовъ корнизы, барильефы и рильефы. Тутже хранится рѣдкое собраніе медалей Сиракузскихъ, Карѳагенскихъ, окаменѣлостей и множество Этрурскихъ сосудовъ. Въ сей залѣ по обѣ стороны дверей поставлены двѣ восковыя статуи во весь ростъ Императрицъ Екатерины II и Маріи Терезіи. Въ лицѣ Великой нашей Царицы матери, къ сожа-

лѣнію нѣтъ никакого сходства, одежда же ея состоитъ изъ фуро на фижмахъ, корсетъ сдѣланъ изъ раковинъ наподобіе чешуи, выдумка неудачная и монахи обѣщали намъ перемѣнить головной уборъ и сдѣлать статую повыше ростомъ. Статуя Маріи Терезіи еще хуже отработана; взглянувъ на нее нечаянно, можно испугаться. Третья зала наполнена произведеніями моря и земли, въ числѣ послѣднихъ показывали намъ на небольшемъ кускѣ бѣлаго мрамора удивительную игру природы, которая изобразила на немъ дерево столь сходно, что одинъ Англинскій путешественникъ желая увѣриться не нарисовано ли оно, купилъ кусочикъ, разбилъ оный, и подарилъ обратно. Въ числѣ минераловъ находятся и Сибирскіе. Въ четвертой самой большей комнатѣ, видѣлъ я страусовъ, пеликановъ, тигровъ, крокодиловъ, гіенъ, львовъ, Венеръ, дѣвочекъ, стариковъ и дѣтей, въ чучелахъ, статуяхъ, наконецъ уродовъ въ спиртѣ и видѣлъ ихъ столько, что утомился смотрѣніемъ, и въ заключеніе признаться должно, что я почти ничего не видалъ; наконецъ монахъ, насъ провожавшій, съ улыбкою выноситъ, кладетъ на столъ богатый сафьянный футляръ, вынимаетъ изъ него черной глины сосудъ, и съ важностію говоритъ: вотъ кубокъ, изъ котораго Сократъ принялъ ядъ! (Si signori)! да, милостивые Государи! Сократъ принялъ ядъ! При семъ приподнялся онъ нѣсколько, и близко къ нашимъ

глазамъ держалъ обѣими руками сосудъ. Товарищи его и мы улыбнулись. Хранитель рѣдкостей не перемѣняя лица, показалъ одному изъ насъ Греческую надпись на сосудѣ: *Socratus* и спросилъ: не ужели и теперь вы сомнѣваетесь! Чтобъ не подать повода сему страстному любителю древностей еще сильнѣйшими убѣждать насъ доказательствами, мы согласились, и вошли въ послѣднюю комнату, занятую Анатомическимъ театромъ достойнымъ особаго вниманія. Восковыя части тѣла отдѣланы, каждая порознь, съ такимъ искуствомъ и точностію, что представляютъ въ совершенствѣ бренный и мудрый составъ внутренностей человѣка.

Изъ Музеума, темными переходами, привели насъ въ церковь. Какая мрачность, обширность и великолѣпіе! вотъ первыя слова, которыя скажешь при вступленіи. Едва вышли мы на средину храма, сотряслись своды его, громкій маршъ остановилъ, привелъ меня въ изумленіе. Роскошный блескъ металловъ, драгоцѣнныхъ мраморовъ и мусикійское согласіе, перешедшее въ тихій гимнъ, напоминали присутствіе того, кого мы не постигаемъ, но ощущаемъ въ самихъ себѣ и въ каждомъ предметѣ. Органы, конечно были дѣломъ великаго мастера, онѣ подражаютъ 40 инструментамъ. Помощію механизма, надувающаго мѣхи, дѣйствуютъ также литавры и гармоника двухъ родовъ: первая изъ металическихъ колоколь-

чиковъ, вторая изъ хрусталя. На органахъ играютъ только два человѣка. Дѣйствіе ошголосковъ столь сильно, что когда перестали играшь, поющіе звуки еще долго были слышимы. На главномъ придѣлѣ Св. Мартына, замѣчашельна прорѣзная серебряная доска, наложенная на малиновомъ бархатѣ и служащая украшеніемъ престола; работа по истиннѣ искусная и прекрасная. Предъ сѣмъ же олтаремъ стоятъ два большихъ золотыхъ подсвѣчника, они только по тому хороши, что стоютъ 15,000 унцій (по нынѣшнему курсу около 200,000 рублей). Изъ множества каршинъ и статуй, которымъ можно удивляться, три остались въ моей памяти. 1.) *Жертвоприношеніе Авраама.* Сія каршина удивительна по дѣйствію ею производимому. Пашріархъ подъемлетъ жертвенный ножъ для закланія сына; въ лицѣ его, обращенномъ къ небу, видишь вѣру и надежду на Бога, и хотя замѣчаешь Ангела спѣшно парящаго, дабы удержашь его руку, но привсѣмъ томъ цѣпенѣешь отъ ужаса, боишься, что Авраамъ скоро кончишъ свою молишву; ибо Ангелъ еще далеко, а Пашріархъ кажется уже обращаетъ голову къ сыну. 2.) *Іяковъ* сидящій на одрѣ пріемлетъ окровавленную одежду Іосифа. Горесть отца сѣдинами убѣленнаго, растерзанная его одежда, одна рука приложенная къ слезящимъ глазамъ, выпадающая изъ другой руки Іосифова одежда, притворная печаль однихъ, искренняя скорьбь другихъ, взаимныя укоризны изобра-

женныя на лицахъ сыновъ его окружающихъ, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго. Искусная кисть оживотворила тутъ различныя чувства. Переходя взоромъ съ одного лица на другое, не льзя не плакать съ однимъ, не льзя не гнушаться преступленіемъ другаго, а раскаяніе третьяго извлекаетъ невольный вздохъ. Не можно даже сказать, что лучше изображено: горесть ли отца или терзаніе совѣсти одного изъ сыновъ его? Самый жестокосердый, несострадательный сказалъ бы послѣднему: прощаю тебя. 3.) *Статуя Св. Севастіана*, подражаніе рѣзцу Пуджешову. Выраженіе вѣры и кротости въ очахъ, бореніе жизни съ смертію тутъ удивительно; гонители пронзили прекрасное тѣло святаго на сквозь стрѣлою и хладный мраморъ точно страдаетъ. Моленіе святаго за своихъ мучителей изображено во взорѣ его не подражаемо; нельзя безъ умиленія видѣть, съ какою Ангельскою кротостію, смиреніемъ ожидаетъ онъ послѣдняго вздоха, той минуты, когда душа перейдетъ изъ временной въ вѣчную жизнь. Въ церкви много превосходныхъ образовъ и статуй; но послѣ сихъ трехъ, я сомкнулъ глаза, дабы не выронить изъ сердца перваго пріятнаго впечатлѣнія. Я не упомянулъ о наружности церкви. Вотъ три слова: мраморъ, тяжесть и нестройность.

Провожавшій насъ монахъ спросилъ, не желаемъ ли видѣть ихъ кладбища. Товарищи согласились и пошли въ подземелье; я боясь

сыроести, туда не пошелъ и съ другимъ монахомъ посѣтилъ трехъ воспитанниковъ. Каждый изъ нихъ былъ запертъ въ особой кельѣ, отъ коей ключъ у дежурнаго. Не уже-ли воспитанники ваши навсегда осуждены на столь строгое уединеніе, спросилъ я у Пріора. О! нѣтъ; всему опредѣлено время, они каждый день когда хорошая погода, могутъ гулять въ саду и должны тамъ, что кому угодно обработать своими руками; въ дурное время есть зала для гимнастическихъ упражненій, и тамъ подъ надзоромъ учителя позволены всякія забавы приличныя ихъ возрасту; только на шѣ часы, когда должны приготовлять свои уроки, они порознь запираются. Монастырь на своемъ содержаніи обучаетъ, кормитъ и одѣваетъ 21 го воспитанника, кои принимаются девяти лѣтъ, а выпускаются 21 года. По истеченіи сего срока каждый изъ нихъ воленъ избрать родъ жизни. По приглашенію сходилъ я въ кельи монаховъ; нѣкоторые занимаютъ шесть комнатъ, богато но безъ вкуса убранныхъ. Надобно знать, что всѣ монахи изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій, очень обходительны, хорошо воспитаны и большая изъ нихъ часть люди ученые, посвятившіе себя наукамъ.

Въ четыре часа сѣли мы не за скудную монашескую трапезу, а за обѣдъ самый роскошный, гдѣ *Caſsava*, *Mille foglie*, *piato di Priccia o di Premura*, приправленный въ сахаръ цитронъ и всякаго рода сласти съ ванилью

и шеколадомъ, вина и плоды, подавались одни за другими. Настоятель показывалъ остроту ума своего, шутилъ надъ Волтеромъ, превозносилъ похвалами Попе, сожалѣлъ, что не разумѣетъ нашего Ломоносова и Державина, шутилъ на счетъ женщинъ, и бранилъ наконецъ Бонапарте; когда встали изъ за стола, онъ приказалъ воспитанникамъ пѣть нѣжныя аріи Метастазія и уснулъ на диванѣ. Мы потихоньку вышли въ садъ.

Растѣнія въ Ботаническомъ саду разсажены по Линнеевой системѣ. Монахъ трудившійся надъ онымъ съ важностію, какъ бы съ кафедры, толковалъ намъ свойство каждаго цвѣтка и листка. Вычищенной лѣсъ лучше мнѣ понравился, нежели правильный садъ еще неоконченный. Подъ кровомъ цитронныхъ деревъ, на зеленой площадкѣ, въ средоточіи всѣхъ дорожекъ, излучинами какъ бы случайно пробитыхъ, я остановился и съ полнымъ отъ удовольствія сердцемъ, сказалъ провожавшему меня монаху: вотъ по истиннѣ прекрасной садъ и самой Армидинъ конечно не былъ лучше сего. Не знаю существовалъ ли оный когда, отвѣчалъ мнѣ монахъ, но тотъ, который вы видите есть плодъ столѣтнихъ трудовъ. Мы вошли въ бесѣдку построенную на холмѣ, откуда открываются вокругъ монастыря прекрасные виды. Съ одной стороны показывалась часть песчаной долины, по коей извивалась рѣчка со многими мѣльницами, съ другой зеленыя горы поросшія лѣсомъ, а въ проме-

жуткахъ ихъ, вдали блистали сребристыя волны обширнаго моря. Бесѣдуя съ монахомъ между прочимъ узналъ отъ него о происхожденіи ихъ братства. Въ четвертомъ вѣкѣ, въ память милосердія Св. Мартына, которое объясняетъ статуя поставленная въ парадныхъ сѣняхъ, основалось ихъ братство. Не извѣстно въ какое точно время построенъ на семъ мѣстѣ бѣдный монастырь; при владычествѣ Испанцевъ оный получилъ богатыя помѣстья, состоящія наиболѣе въ мраморныхъ ломкахъ. Монаховъ считается нынѣ 80, изъ коихъ 30 живутъ въ Неаполѣ; они Бенедиктинскаго ордена. Настоятель имѣетъ при Дворѣ не маловажную довѣренность.

Монахи приглашали насъ остаться ночевать, но намъ должно было возвратиться на фрегатъ; и такъ изъявивъ нашу благодарность за вѣжливость и гостепріимство, мы сѣли въ коляски, когда уже начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихій и пріятный, мы шли нѣсколько пѣшкомъ, въ аллеѣ; повара и слуги монастырскіе, какъ бы не нарочно, вышли пожелать намъ счатливаго пути и похвалить Рускую щедрость. Я съ удовольствіемъ далъ одному талеръ, другой съ умильнымъ видомъ просилъ не забыть и его, я далъ сему нѣсколько гарлинъ, но третій и четвертый также подставили руки, это мнѣ не показалось, и я не сказавъ имъ ни слова, сѣлъ въ коляску. Кучера наши погнали подъ гору лошадей такъ скоро, что можно было

догадаться, что и они также участвовали въ монастырской трапезѣ, мы имъ въ томъ не препятствовали и хотя на частыхъ поворотахъ могли сломить себѣ шею, однакожъ скоро и благополучно проѣхали городъ и прибыли къ пристани.

Монтъ-Реале.

Знакомство наше съ Гвардейскими Офицерами, весьма благовоспитанными молодыми людьми, доставило намъ многія удовольствія, каковыхъ безъ ихъ руководства мы не могли бы имѣть. Вниманіе Министра нашего Д. П. Татищева, удовольствія наши содѣлало болѣе разнообразными. Его Превосходительство рекомендовалъ насъ многимъ Вельможамъ, а въ новый годъ въ Королевскомъ собраніи представилъ Королю и Королевѣ. Ихъ Величествамъ угодно было приказать открыть намъ входъ во всѣ общественныя заведенія. Всякой почти день получали мы пригласительные билеты, то отъ Театральной дирекціи, то отъ благороднаго собранія, то отъ какаго либо клоба, то отъ монастыря на духовную Ораторію, словомъ мы не видали какъ время протекало.

Въ одинъ день по приглашенію Гвардейскихъ Офицеровъ, мы поѣхали въ Монтъ-Реалѣ обѣдать. Древній городъ сей построенъ на горѣ въ семи верстахъ отъ столицы; дорога къ нему, высѣченная на боку горы, ведетъ на

вершину оной непримѣтно; съ одной стороны сдѣланы каменныя перила, съ другой въ нѣкоторыхъ разстояніяхъ красивые мраморомъ убранные водометы и между ими насажены душистые кустарники. Близь города изъ отвѣсной голой скалы выходитъ быстрый ручей, текущій внизъ по сторону дороги и съ стремленіемъ переходя чрезъ упавшіе съ горы каменья низвергается въ обширный водоемъ, заросшій водяными лиліями. На вершинѣ скалы, изъ коей выходитъ ручей, поставлена статуя молодаго человѣка, топоромъ поражающаго ползущую въ воду змѣю; другой молодой человѣкъ съ камнемъ въ рукахъ идетъ къ нему на помощь; третья статуя изображаетъ крестьянку въ страхѣ притаившуюся за пнемъ согнившаго дерева. Сію прекрасную дорогу построилъ своимъ иждивеніемъ славный Монтъ-Реальскій Архіепископъ Франциск-Марія-Теста, который великое богатство свое употреблялъ на общеполезныя и богоугодныя заведенія. Городъ, стоящій подъ навѣсомъ скалы, очень не великъ и бѣденъ; но видъ отъ него на Палерму безподобенъ; названіе Царской горы (*) дано ему по справедливости. Въ городѣ трактира не было, почему принуждены были занять замаранную хижину, и послать своего повара на рынокъ; но тамъ ничего не

(*) Monte-Reale на Италіянскомъ языкѣ значитъ Царская гора.

достали и мы должны бы были остаться безъ обѣда, еслибъ Градоначальникъ, посѣтившій насъ, не вызвался прислать все нужное; мы пригласили его съ собою обѣдать; пока оный готовили, пошли осматривать древнюю и славную нѣкогда соборную церковь, которая и донынѣ почитается эпархіальною одного изъ богатѣйшихъ Архіепископовъ Сицилійскихъ.

Готическій храмъ сей подпертый со всѣхъ сторонъ кирпичными подпорами, стоитъ на видномъ мѣстѣ, на самомъ краю скалы, подмытой водою, такъ что кажется скоро долженъ упасть въ пропасть. Частію разкрытая крыша, башенки на оной, разнообразныя, узкія съ фигурными желѣзными рѣшетками окна, въ коихъ стекла большею частію выбиты, мохъ и малыя растенія проникшія и утвердившіяся въ ращелинахъ на стѣнахъ, придаютъ храму видъ глубокой и почтенной древности. Два сильныхъ человѣка едва могли отворить литыя мѣдныя врата, лики святыхъ изображены на оныхъ выпукло. Какая жалость! внутренность церкви представляетъ разрушеніе. Можетъ быть, мы были послѣдніе видѣвшіе остатки Готическаго великолѣпія древнихъ Греческихъ церквей; ибо сія есть одна изъ богатѣйшихъ построенныхъ Греками, кои и доселѣ имѣютъ свои церкви и своего Епископа въ Палермѣ. Они суть Уніаты, признающіе надъ собою власть Папы. Храмъ имѣетъ видъ базилики. Древняя Моза-

ика на стѣнахъ, достойна особеннаго примѣчанія. Оная состоитъ изъ самоцвѣтныхъ и составныхъ камней; лики святыхъ представлены во весь ростъ и очень высоки. Фигуры всѣ Греческія, въ нихъ нѣтъ соразмѣрности и вкуса, только тѣни положены съ отмѣннымъ тщаніемъ. Главное достоинство сей Мозаики состоитъ въ позолотѣ. Все пространство, гдѣ долженъ быть воздухъ, небо и земля составляетъ золотое поле, не имѣющее и теперь ни одного пятна. Позолота положена на кремнѣ; меня увѣряли, что искуство сіе нынѣ потеряно и потому Мозаика сія есть рѣдкость, которую всѣ путешественники нарочно пріѣзжаютъ видѣть и выковыривать изъ стѣны по нѣсколько кусочковъ онаго. Мѣдный помостъ церкви; витыя, прямыя, толстыя и тонкія гранитныя мраморныя и мѣдныя колонны одна на другую не похожія, украшающія иконостасъ, рѣзныя рамы, изъ коихъ образа большею частію вынуты и оставлены только такія, съ которыхъ краски уже сошли, составляетъ нѣчто необыкновенное, нравящееся взору, можетъ быть по тому, что взирая на сіе отсутствіе вкуса, невольно переносишся за 800 лѣтъ, когда сооружено было сіе зданіе. Архіепископство Монтреальское основано въ 1174 году.

Сверхъ ожиданія мы имѣли столъ самый вкусный, послѣ обѣда пили кофе у Градоначальника. Въ его домѣ собралось нѣсколько провинціальныхъ дамъ, которыя были къ намъ

очень ласковы, и немудрено, въ числѣ нашихъ товарищей были Герцоги, Князи и Бароны; тутъ были соображенія и надежды; одни не смѣли поднять глазъ; другіе ловили ласковый или что либо значущій взглядъ; съ одной стороны приглядывались, задумывались и старались казаться веселыми; съ другой робѣя, краснѣя сами не зная отъ чего, переходили отъ клавесина на диванъ, проходя зеркало будто нечаянно поправляли шаль, и кажется однѣ сожалѣли, что имѣли оныя, другія что не имѣли. Добродушныя старушки матери, поправляя локонъ или поясную ленту у милыхъ дочерей, какъ бы не нарочно бесѣдовали съ своею сосѣдкою о сватовствѣ, и потому-то о чемъ бы разговоръ ни начинался, оканчивался всегда обрученіемъ, женидьбою и такъ далѣе . . . .

Белведеръ.

Въ одинъ прекраснѣйшій день, съ тремя товарищами отправились мы верьхами въ Белведеръ, отстоящій отъ Палермы въ 15 верстахъ. Въ ущельяхъ горъ, въ узкомъ промежуткѣ, окруженномъ отвѣсно стоящими голыми скалами, въ прелестномъ уединеніи лежитъ небольшая деревенька, въ коей на краю горы построенъ лѣтній домикъ, называемый Королевскій Белведеръ, обращенный лицемъ къ городу. Къ сожалѣнію Смотритель сего Дворца былъ въ отлучкѣ и мы насилу могли

сыскать въ крестьянскомъ домикѣ одну свободную комнату, гдѣ моглибы помѣститься. Servitor di Piazza, (слуга) котораго мы взяли для переводу Сицилійскаго языка, досталъ дичи, хорошаго вина, плодовъ и самъ изготовилъ намъ порядочной обѣдъ.

Хотя день былъ жарокъ, однакожъ я тотчасъ послѣ обѣда взошелъ на вершину скалы, подъ навѣсомъ коей стоятъ нѣсколько хижинъ, деревъ и простой архитектуры Бельведеръ. Видъ подлинно прелестный! Одинъ взглядъ, и взоръ изумляется. Не возможно избрать лучшаго положенія для столицы. Взоръ останавливается на громадѣ великолѣпныхъ зданій окруженныхъ четвероугольною зубчатою стѣною, тамъ переходитъ оный къ саду Флоры, на набережную (Marineo), къ гавани и наконецъ съ предмета на предметъ блуждаетъ по долинѣ. Тутъ замокъ, тамъ на видномъ мѣстѣ домъ съ прекрасною колоннадою, здѣсь Готическій монастырь, индѣ хижины скрываются въ тѣни садовъ, въ коихъ олива, пальма, цитронъ и писташныя деревья не извѣстныя у насъ, составляютъ сплошную и яркую зелень. Водометы въ видѣ столповъ, пирамидъ и развалившихся башенъ, издали кажутся обелисками придающими отличный видъ всѣмъ вообще предметамъ. Вдали показываются, на необозримомъ пространствѣ моря разсѣянные Липарскіе острова. Не большей вѣтръ, чуть пестрившій море, несъ окриленные корабли по разнымъ направленіямъ;

одни спѣшили къ пристани; другіе удалялись отъ нее. Я не смѣлъ свести глазъ съ той черты, гдѣ море касаясь горъ и долинъ, низкихъ и высокихъ мѣстъ, искривленною чертою рисовало многоразличныя мысы, излучины и заливы. Наслаждаясь созерцаніемъ толикаго множества прелестныхъ видовъ, соединенною силою природы, искуства и вкуса, произведенныхъ, великолѣпное богатство сіе казалось мнѣ волшебствомъ. Восхищенныя чувства мои были безпокойны, жадный взоръ искалъ новыхъ предметовъ, и одинъ изъ нихъ представился прямо подъ ногами моими. Подлѣ дороги, высѣченной въ горѣ и ведущей къ Белведеру, быстрый ручей вырываясь изъ скалы и падая съ шумомъ разбивался о каменья, препятствующія его теченію. Внизу, въ глубинѣ ужасной, видна была мѣльница въ положеніи опасномъ; ручей прегражденный порогомъ прямо съ онаго стремился на колеса, и раздробляясь въ брызги и пѣну, кропилъ крышку мѣльницы и грозилъ залить ее. Такое пріятное положеніе Палермы подало мысль Сицилійскимъ Поэтамъ называть ее золотою раковиною (conca d'oro), золотою долиною (Aurea Valle), садомъ Сициліи, и наконецъ Felice, счастливою. При захожденіи солнца оставили мы Белведеръ, и при свѣтѣ луны возвратились въ городъ.

Пещера святой Розаліи.

Пещера, гдѣ найдены мощи Св. Розаліи, достойна благоговѣнія Христіанина и вниманія всякаго путешественника. Святая, какъ полагаютъ одни, была племянница Короля Вильгельма Добраго; по помнѣнію жъ другихъ дочь Графа Синнибалди. Въ цвѣпущихъ лѣтахъ юности, бывъ еще 15 лѣтъ, отказалась она отъ ушѣхъ свѣта и въ 1159 году избрала жилищемъ гору Квескино, а потомъ перешла на гору Пелегрино, гдѣ питаясь одними только кореньями, всю жизнь провела въ уединеніи, молитвѣ и постѣ. По прошествіи 500 лѣтъ совершеннаго о ней забвенія, когда въ Палермѣ въ 1624 году свирѣпствовала чума, одинъ праведный мужъ видѣлъ во снѣ, что если кости Святой, лежащіе въ ущелинѣ на горѣ Пелегрино, будутъ трижды обнесены вокругъ города, то язва прекратится. Откровеніе сіе сначала не было уважено; но когда праведникъ успѣлъ увѣрить въ ономъ духовенство и народъ, то Правительство принуждено было согласиться на его представленіе. Нетлѣнное тѣло святой было найдено, съ благоговѣніемъ обнесено кругомъ города, и зараза въ ономъ вскорѣ прекратилась. Съ сего времени Св. Розалія признается покровительницею Палермы; во имя ея начали строить церкви и сооружать монументы. Въ воспоминаніе избавленія города

отъ моровой язвы установлено торжество 20 Маія, называемое молитва 40 часовъ. Кому не извѣстенъ великолѣпнѣйшій праздникъ, отправляемый 12. Іюня въ память святой, и продолжающійся пять дней сряду. Мнѣ не случалось быть въ Палермѣ въ сіе время, и потому скажу только о пещерѣ, нынѣ обращенной въ церковь.

Дорога въ пещеру, отстоящую отъ города въ 9 верстахъ, очень трудна; гора почти отвѣсна, экипажамъ не можно по оной подыматься, мы проходили дефилеями, гдѣ сдѣланы тропинки довольно покойныя для пѣшеходцевъ; съ каждымъ шагомъ открывались на долину, окружающую Палерму, новые виды, съ вершины горы показалось море; но какъ скоро сошли мы на другую сторону, то вдругъ все изчезло. Мы какъ бы нечаянно перенеслись въ пустыню дикую, безплодную и необитаемую; кое гдѣ видны были козы, перебирающіяся съ утеса на утесъ. Восходя на гору мы чрезмѣрно устали, и сѣли отдохнуть на грудахъ камней, которые Сицилійскіе писатели называютъ развалинами одной крѣпости, будто бы построенной послѣ потопа, еще въ царствованіе Сатурна, славной во времена Пуническихъ войнъ, гдѣ Амилькаръ, Карѳагенскій полководецъ, три года защищался противу 40,000 Римлянъ. Глухой звонъ колокола нарушилъ печальное вокругъ насъ безмолвіе; мы встали, пошли подъ гору, встрѣтились со множествомъ пилегримовъ съ посохами въ

рукахъ; большая изъ нихъ часть шли босикомъ; и наконецъ увидѣли церковь и нѣсколько близъ нея домиковъ для монаховъ.

Вошедъ въ двери, ведущія въ пещеру, нельзя не почувствовать благоговѣйнаго трепета. Въ храмѣ нѣтъ ни мозаики, ни драгоцѣнныхъ украшеній; нѣтъ того великолѣпія, какого ожидать должно отъ великихъ вкладовъ и приношеній. Представьте себѣ огромный и темный залъ, со свода коего висѣли листья какого-то растѣнія, стѣны состояли изъ голыхъ высунувшихся каменьевъ. Темнота, освѣщенная двумя лампадами, горящими предъ престоломъ гдѣ совершали службу, тихое шептаніе молящихся, и наконецъ унылый гимнъ органовъ, внушали уваженіе къ мѣсту и вливали въ душу сладостныя чувства вѣры. По окончаніи обѣдни мы подошли къ одному изъ пяти олтарей, обнесенному серебреною позолоченною рѣшеткою; престолъ онаго украшенъ четырью серебреными колоннами, которыя какъ и образа увѣшаны золотыми и серебреными изображеніями рукъ, ногъ, глазъ и проч. Намъ подали по восковой свѣчѣ и показали бѣлаго мрамора изображеніе святой Розаліи, положенное подъ престоломъ. Она представлена въ такомъ положеніи какъ бы покоилась въ сладкомъ снѣ, въ одной рукѣ держитъ она крестъ, другая прижата къ груди, пастырскій посохъ лежитъ подлѣ нея. Она одѣта въ золотое парчевое платье, унизанное бриліантами; лице открыто и пре-

красно. Монахъ увѣрялъ насъ, что всѣ черты очень близки къ настоящимъ мощамъ, кои перенесены въ Палерму и хранятся въ Соборной церкви. Ангелъ хранитель, также мраморный, стоитъ у изголовья гробницы и наклонившись держитъ надъ святою миртовую вѣтвь. По сторону олтаря монахъ показалъ намъ простаго камня памятникъ, поставленный тому праведнику, который отыскалъ щѣло святой, а нѣсколько далѣе и ту ущелину, гдѣ святая дѣва покоилась точно въ томъ положеніи, въ какомъ она представлена въ гробницѣ. Наконецъ привели насъ ко вдѣланному въ стѣну пещеры мраморному водохранилищу, въ которомъ со свода капала вода чистая, холодная и въ такомъ изобиліи, что изъ церкви внизъ по горѣ шрубами проведена въ долину и въ городъ. Въ монастырѣ нѣтъ ничего особенно достойнаго примѣчанія, кромѣ ласковости монаховъ, кои ведутъ здѣсь хотя заботную, но безнужную жизнь. Во всякое время они обязаны служить молебны приходящимъ поклонникамъ. Покаяніе нѣкоторыхъ необыкновенно строго: мнѣ встрѣтился одинъ, который на рукахъ, ногахъ и на шеѣ имѣлъ тяжелыя вериги. Въ рубищѣ, босикомъ, съ открытою головою, тащилъ онъ ихъ за собою съ чрезвычайнымъ усиліемъ. Маска скрывала лице его, почему многіе спрашивали; кто бы такой это былъ? Монастырь получаетъ отъ приношеній набожныхъ великія суммы; потому-то я видѣлъ тутъ монаховъ весьма тучныхъ, а молящихся очень тощихъ.

Китайскій домикъ.

Въ сѣверной части долины въ пяти или шести верстахъ отъ Палермы, находится загородный домъ Короля, называемый Китайскій домикъ. Прекрасная мостовая, ведущая къ нему, обсажена деревьями; съ обѣихъ сторонъ видны сады и палаты Вельможъ. Король большую часть лѣта проводитъ въ семъ замкѣ; для входу въ оный мы имѣли билеты. Лишь только подъѣхали мы къ воротамъ, то привратникъ ударилъ въ колокольчикъ, и лишь отворилъ оныя, толпа придворныхъ слугъ въ зеленыхъ кафтанахъ съ галунами, выбѣжали къ намъ на встрѣчу, приняли лошадей и тотчасъ послали за Смотрителемъ. Старикъ съ тяжелою связкою ключей скоро показался, и спѣша итти, издали еще, для перевода одышки дѣлалъ намъ низкіе поклоны. Подошедъ, онъ не спросилъ у насъ билета. Увѣрялъ, что Король очень любитъ Рускихъ, и что онъ за особенную честь себѣ поставляетъ принять и показать намъ все, что будетъ угодно. Мы уговорили его не безпокоиться; добрый старикъ роздалъ ключи служителямъ, поручилъ насъ одному чиновнику и просилъ посѣтить его послѣ прогулки.

На четвероугольномъ мраморномъ фундаментѣ, поставленъ осмиугольный домикъ, весь въ стеклахъ, покрытый изогнутою крышею, украшенною, вмѣсто флюгера, вращающимся дракономъ. Крышка спускается далѣе

стѣнъ фестонами, съ повѣшенными на нихъ колокольчиками, и поддерживается лакированными колоннами, что составляетъ вокругъ дома галрею. Въ архитектурѣ нѣтъ ничего правильнаго, но самое сіе разнообразіе, будучи поставлено между легкой и пріятной архитектуры Европейскихъ зданій, представляетъ Китайскій домикъ, какъ нѣкіимъ чудомъ, волшебствомъ. Внутреннее расположеніе комнатъ совершенно ново. Чтобы перейти изъ одной въ другую, должно сходить и подыматься по кривымъ лѣстницамъ. Мебель, фарфоровыя куклы, драгоцѣнные обои, обезображенные вышитыми на оныхъ уродами, въ коихъ нѣтъ никакого подобія человѣка, птицы или звѣри, нѣтъ ни оттѣнки, ни преспективы, но цвѣтъ красокъ, видъ домовъ, Китайскихъ храмовъ, мостовъ, бесѣдокъ и прочаго, дѣлаетъ при первомъ взглядѣ сію пестроту пріятною; смотря на всѣ сіи чучелы думаешь, что находишься въ самомъ Китаѣ.

Садъ, находящійся подлѣ дворца, подлинно Царскій. Обрабатывая его, не упустили ничего для украшенія. Оный начинается партеромъ, изукрашеннымъ фигурнымъ цвѣтникомъ, мраморными бассейнами и фонтанами. Далѣе разнообразные холмы покрыты плодоносными деревьями, кустарниками и цвѣтами. Лаванда повсюду разливаетъ аромашы, тутъ роща, тамъ проспектъ, кронныя деревья, на площадкахъ и возвышеніяхъ стоятъ бесѣдки, тутъ гладкая дорожка, тутъ на прудѣ фигурная

лодка, тамъ великолѣпный фонтанъ, а тутъ подъ скалою журчитъ ручей.

Королевское собраніе.

Такъ называется общество, содержимое по подпискѣ знатнѣйшаго дворянства, гдѣ Король есть первый членъ. Въ домѣ сего собранія даются въ недѣлю одинъ или два бала, а для собесѣдованія съѣзжаются каждый вечеръ. Въ первый день 1808 года Дми. Пав. Татищевъ представилъ Капитана съ четырью Офицерами Королю и Королевѣ. Когда Министръ подвелъ насъ къ Королю, то Его Величество оставя карты, всталъ, и сказавъ: „я люблю Рускихъ; надѣюсь, что здѣсь не будетъ вамъ скучно“ вошелъ въ другую залу, и издали сдѣлавъ знакъ рукою Королевѣ, сказалъ ей: „рекомендую вамъ Гг. Рускихъ Офицеровъ.“ Ея Величество послѣ Министра весьма ласково разговаривала съ Капитаномъ, а потомъ и съ Офицерами. Слѣдуя примѣру столь благосклоннаго пріема, Вельможи въ лентахъ и звѣздахъ, дамы въ шелковыхъ робахъ, одни за другими говорили намъ пышныя привѣтствія. Обошедъ придворный кругъ, выслушавъ всѣ роды вѣжливостей, дежурный Директоръ общества Графъ Санъ-Жуани, повелъ насъ въ другія комнаты, гдѣ также представлялъ насъ нѣкоторымъ Господамъ, далъ намъ билеты для входу во всякое время въ собраніе, и наконецъ, когда начались кондрашанцы, подвелъ

насъ къ дамамъ и поставилъ съ ними въ первыя пары.

Въ часъ по полуночи балъ кончился. Королевская фамилія уѣхала, придворный штатъ началъ разъѣзжаться. Мы приглашены были Директоромъ остаться ужинать. Скоро отворились двери, музыка заиграла маршъ, и всѣ пошли въ столовую. Оная была великолѣпно освѣщена, блескъ отъ хрусталей, бронзъ и серебра ослѣплялъ глаза. Въ окнахъ поставлены были прозрачныя картины. На одной представлялось ночное морское сраженіе; на другой горѣло село; на третьей занималась заря и восходило солнце; а самая лучшая представляла видъ Баіи (что близъ Неаполя) съ развалинами, при лунной ночи. Дамы и кавалеры сѣли за общій столъ, насъ посадили за особый, и нѣкто въ шелковомъ шитомъ кафтанѣ, въ кошелькѣ, распудренъ, въ башмакахъ со стразовыми огромными на нихъ пряжками, подошелъ и съ видомъ знатнаго Господина спросилъ: „чѣмъ могу служить Гг. Рускимъ. Слуга подалъ длинный реестръ и мы догадались, что шелковый кафтанъ былъ хозяинъ трактира, онъ просилъ насъ выбрать блюда; изъ оныхъ болѣе 20 были означены такими именами, какихъ я съ роду не слыхивалъ. Мы приказали подать блюда самыхъ пышныхъ названій, и вмѣсто Bef alla mode, ѣли говядину; вмѣсто Bombe di Sardanapalo, сладкій фаршъ; шутъ даже хлѣбъ имѣетъ свое прилагательное и alla! Въ заключеніе самъ хозяинъ, подчи-

валъ насъ пирожными, подлинно прекрасными, за то и заплатили мы ему недурно. Слуга, получившій червонецъ, восхищенный такою щедростію, проводилъ насъ до экипажей и на лѣстницѣ по секрету объявилъ, что хозяинъ его взялъ съ насъ втрое дороже.

Въ обыкновенные дни, когда баловъ не бываетъ, съѣзжаются для собесѣдованія. По значенію сего слова я ожидалъ, что въ таковомъ собраніи заниматься будутъ одними разговорами; но вошедъ въ первую залу, я не узналъ оной; въ ней все перемѣнилось. Большіе столы занимали обѣ стороны залы, кучи золота небрежно лежали на столахъ, мѣшки подъ столами; на однихъ наклеены были большія карты для игры въ банкъ фаро, тутъ вершѣлась Рулина, тамъ считалось 31 и 36, тутъ выигрывалъ красный цвѣтъ, тамъ черный, тутъ четъ, тамъ нечетъ, а счастливецъ выигравшій напримѣръ 9й номеръ и вмѣстѣ на красномъ цвѣтѣ, девяткѣ и нечетѣ получалъ за нѣсколько поставленныхъ червонцевъ мѣшки съ тысячами оныхъ, такъ что 10 рублей выигрываютъ 7,000 рублей. Съ одной стороны громко повторялось (giogo fatto) игра готова, съ другой провозглашали nero, черный, тамъ четъ, тутъ N° 25й и червонцы туда и сюда передвигаемые лопаточками звучали по столамъ. Дамы и кавалеры шумными толпами суетились вокругъ оныхъ, ставили на карту горсть и болѣе червонцевъ, другую на красной цвѣтъ, третью на номеръ и не забо-

тясь о игрѣ спокойно прохаживались по другимъ комнатамъ, и посылали кавалеровъ освѣдомляться выиграла ли ихъ карта или проиграла, не оказывая ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ ни радости ни печали.

Прошедъ нѣсколько комнатъ я остановился въ одной, гдѣ было не такъ шумно; сѣлъ на диванѣ возлѣ дверей и у камина, такъ что всѣ должны были проходить мимо меня. Комната уставлена была диванами и ломберными столами; на однихъ мѣломъ съ одного почерка чертили вензели; на другихъ картами показывали проворство въ рукахъ, на иныхъ писали двусмысленные каламбуры; подлѣ меня въ полголоса говорили о любви; другая пара проходя мимо шептала важется о томъже; тамъ въ углу у окна за занавѣсомъ смѣялись; тутъ декламировали стихи и восклицали: прекрасно! безподобно! Одна дама конечно съ намѣреніемъ, уронила подлѣ меня перчатку; я ее поднялъ, и она поблагодаривъ меня сѣла на мой диванъ со своею подругою; онѣ пригласили меня сѣсть, и дали мѣсто между собою. Разговоръ начался, и сколько я ни робѣлъ, ни воздерживался въ словахъ; но былъ увлеченъ вѣжливостію и снисхожденіемъ. Какъ диванъ былъ очень тѣсенъ для троихъ, то перешли мы на другой; тамъ, не помню почему, пересѣли на третій, и я увидѣлъ себя посреди общества Герцогинь, Княгинь и Графинь; тутъ и мнѣ досталось съ горстями червонцевъ бѣгать къ картежнымъ столамъ

и на мою долю досталось нѣсколько ласковыхъ словъ. Первыя дамы занялись другими, другія заняли меня, и разговоръ, можетъ быть къ удивленію многихъ долженъ я сказать, не ограничивался пріятными бездѣлицами, сужденіями о модахъ, городскими новостями и тому подобнымъ; напротивъ, шутъ и очень молодыя миловидныя дамы разбирали сочиненія какъ Литераторы, шутили пріятно, замысловато и остро; никто не задумывался въ отвѣтѣ, обращеніе было просто и какъ бы между коротко знакомыми, всѣ вообще и всѣми способами искали путь къ сердцу. Если дамы показывали желаніе нравиться, кавалеры быть имъ угодными; то весьма ясно было, что первыя предпочитали одинъ только умъ и ловкость, а послѣдніе обращали вниманіе только на молодость и красоту. Всего для меня удивительнѣе было то, что шутъ говорилъ весьма смѣло, вы очень любезны! ахъ! какъ онъ милъ! и Vi Voglio Bene, которое если перевесть слово въ слово, значитъ," я вамъ желаю добра"; но разумѣется подъ симъ, я васъ люблю.

Въ двенадцать часовъ колокольчикъ зазвенѣлъ, червонцы пошли по карманамъ, игра кончилась. Въ сіе время банкъ не платитъ за карты, которыя только что были поставлены или шли на два и три угла. Послѣ собранія обыкновенно ѣздятъ на Марино и въ садъ Флоры для прогулки или по улицѣ Кассеро, почему прогулка сія и называется *Кассаріата*.

Дворецъ.

Толстыя стѣны, кое-гдѣ треснувшія и почернѣвшія отъ времени, малыя окна, два четвероугольныя по краямъ отдѣленія въ видѣ башенъ, выше прочаго строенія тремя этажами и между оными терраса, украшенная вазами цвѣтовъ и малыхъ плодоносныхъ деревъ, служащая крышею дворцу, придаетъ ему отличный видъ отъ всѣхъ зданій Палермскихъ. Вицерои Сицилійскіе, жившіе во дворцѣ, поправляя древнее зданіе, въ разныя времена пристроивали къ нему новыя, отъ чего и составилась безобразная смѣсь разнаго рода строеній, въ коихъ при осташкахъ Арабскаго зодчества видны башни Норманской архитектуры. Дворъ устланъ бѣлымъ мраморомъ, изъ четырехъ водометовъ неумолкаемо журчитъ вода. Чрезъ парадную лѣстницу, темными переходами и открытыми галлереями привели насъ въ дворцовую церковь. Куполъ и стѣны какъ въ Монтъ-Реалѣ, украшены богатою Греческою Мозаикою. Выборъ, красота и цѣнность камней заслуживаютъ особенное вниманіе. Живописецъ ничего не найдетъ въ ней отличнаго; ибо работа сія принадлежитъ времени Готическаго варварства, когда художества были въ упадкѣ; но столько вѣковъ не сдѣлали надъ нею никакого впечатлѣнія. Изъ всѣхъ художествъ одна Мозаика не боится ни стужи, ни зною; она одна можетъ противиться вѣкамъ и стихіямъ.

Церковь слабо освѣщена, но сія темнота при богатствѣ украшеній, въ коихъ серебро и золото потускло отъ времени, понравится набожному. Кто не любитъ тяжелой для взора древности, тотъ долженъ посѣтить церковь сію для Корреджіо; его образъ представляющій Богородицу, младенца Іисуса и Св. Екатерину, одинъ стоитъ всей Мозаики и полновѣсныхъ паникадилъ; Спаситель лежитъ на подушкѣ, окруженъ не сіяніемъ, но свѣтомъ доказывающимъ его божество. Богородица стоитъ предъ нимъ на колѣняхъ сложивъ руки; во взорѣ ея видно и материнская нѣжность и благоговѣйное умиленіе; въ семъ взорѣ ясно изображено и ласки и молитва Божіей Матери. Взирая на ея положеніе не льзя усомниться какъ въ любви ея къ чаду своему, такъ и въ томъ, что молитва ея относится къ сыну Божію. Спаситель Младенецъ, съ улыбкою смотритъ на мать свою; она также къ нему осклабляется, и сіи двѣ улыбки совсѣмъ не похожи на тѣ, какія я видѣлъ во многихъ картинахъ; онѣ божественныя, неподражаемыя. Св. Екатерина, наклонивъ голову, съ живѣйшимъ восторгомъ взираетъ на младенца. Чувства ея переливаются въ зрителя, котораго душа потрясенная присутствіемъ святыни, не смѣетъ замѣтить красоту Св. Екатерины, удивляться умиленности дѣвы, и устремляется единственно къ лицу Іисуса. Образъ мученика Св. Плацида работы Мореалезія, и подлѣ Корреджіо, привлекаетъ къ себѣ

вниманіе. Тѣни и цвѣтъ красокъ имѣютъ отличную точность, живость и ясность.

Изъ церкви прошли мы нѣсколько комнатъ, убранныхъ штофами и рѣзною мебелью; вездѣ старина безъ вкуса. Въ одной комнатѣ остановились мы посмотрѣть двухъ статуй, вновь высѣченныхъ изъ камня, работы какъ намъ сказывали славнаго Архимеда, они велики и больше ничего. Стѣны увѣшаны портретами Королей и Вицероевъ, правительствовавшихъ въ Сициліи. Въ оныхъ, кромѣ старинныхъ одеждъ, шишаковъ, лашъ и манжетъ, ничего нѣтъ хорошаго. Въ другой подлѣ сей комнаты, картины задернуты были завѣсами; это обѣщало намъ что нибудь хорошее. Смотритель читая въ первой комнатѣ имена множества Вицероевъ по портретамъ, замѣтивъ наше невниманіе и здѣсь перехода отъ одной картины къ другой, открывая покровъ за покровомъ, холодно говорилъ: Даная Тиціанова, Карашіева Венера, Гидовъ Амуръ, Албанова Рахиль, человѣколюбіе Шидоня, ученика Корреджіо, вотъ самъ Корреджій, и мы остановились, устремили глаза, и скажу только: сколько я ни видалъ дѣвушекъ и дѣтей, прелестныхъ и милыхъ, не могъ бы однакожъ безъ искуства Корреджіо представить себѣ, чтобы можно было дѣвицу и дитя изобразить на холстѣ живыми. Какъ отъ добраго сердца смѣется это дитя! ни одна мать конечно не пройдетъ его мимо, и ни одна женщина не оставитъ, чтобъ не приласкать сего милаго

робенка. Дѣвица улыбается ему, и одна сія улыбка заставитъ задуматься и самаго хладнокровнаго Квакера. Корреджіо писалъ съ природы, писалъ изъ сердца, былъ человѣкъ чувствительный, конечно любилъ, и сіи нѣжныя чувствованія неподражаемо перенесъ на свои картины, предъ которыми гордость древнихъ и новѣйшихъ живописцевъ должна смириться.

Товарищи мои пошли смотрѣть собраніе медалей и монетъ, а я остался въ галлереѣ, и продолжалъ разсматривать картины, замѣчалъ въ нихъ съ большимъ вниманіемъ, что первое такъ сказать бросалось въ глаза, и чтобы не упустить и малѣйшаго впечатлѣнія, наскоро записалъ мои мысли. Оныя конечно будутъ неудовлетворительны для художниковъ; ибо я описываю только то, что мнѣ болѣе нравилось. Нѣсколько разъ потомъ переписывалъ я мои мысли, старался привесть на памятъ всѣ впечатлѣнія; но былъ всемъ не доволенъ и наконецъ остановился на томъ, что означилъ въ записной моей книжкѣ. Въ *Тиціановой Данаѣ*, лишь тѣло прекрасно, а души нѣтъ. *Карашіева Венера*, полна, бѣла, нѣжна, но нагота ея и распаленные страстію глаза показываютъ обыкновенную женщину, какихъ много въ свѣтѣ и на картинахъ. Не помню гдѣ-то я видѣлъ одинъ эстампъ, очень близкій къ сей Венерѣ, съ надписью Портофранко. *Гидовъ Амуръ*, спитъ покойно, розовые уста его сохраняютъ опасную, хитрую улыбку; еслибы

онъ проснулся, открылъ глаза, красавицы со страхомъ убѣжали бы отъ него; но въ семъ положеніи ни одна изъ нихъ не отвратитъ взора отъ наготы его. *Албанова Рахиль*; есть совершенство земной красоты и искуства живописнаго. Юная Рахиль невинна и проста; прекрасные глаза ея полузакрыты длинными черными рѣсницами, непорочность ея видна во всѣхъ чертахъ; словомъ сказать, на нее не льзя довольно насмотрѣться. Покрывало, накинутое на голову, такъ тонко, что сквозь оное видны волосы, которые, хотябы прикоснуться къ нимъ рукою, покажутся мягки и тонки какъ шелкъ. *Человѣколюбіе Шидонія*; съ перваго взгляда видно, что онъ былъ ученикъ Корреджіо. Молодая женщина, изображенная, къ удивленію зрителей, безъ всякой красоты, раздаетъ дѣтямъ кусочки хлѣба, съ милостію и душевною добротою; но развѣ прелестная женщина не можетъ быть также добра? или Шидоній думалъ, что красавицы весьма рѣдко бываютъ не тщеславны? и потому изобразилъ женщину милосердую и кроткую. По чертамъ лица ея судить можно, что онъ писалъ сію картину въ Англіи. Добродушіе, изображенное во взорахъ и положеніи, составляло единственную прелесть лица ея, блистало живо изъ ясныхъ, голубыхъ и томныхъ очей; изображалось въ улыбкѣ и во всѣхъ чертахъ. Въ дѣтяхъ ожиданіе и радость не совсѣмъ кончены, тутъ чего-то не достаетъ; еще не

много искусства и Шидоній былъ бы равенъ своему учителю.

Подлѣ сихъ знаменитыхъ памятниковъ искусства живописнаго, поставлены двѣ маленькія картинки трудовъ одной благородной Палермитанки. На первой изображены бабочки, на второй виноградная кисть. Дитя стало бы ловить сихъ бабочекъ; самъ Праксителъ взглянувъ на виноградъ, сказалъ бы: онъ зрѣлъ, и его безъ вреда ѣсть можно.

Въ собраніи рѣдкихъ рукописей, показывали намъ одну древнюю, писанную на папирѣ, другую на пергаминѣ. Послѣдняя содержитъ службу Богородицѣ на Латинскомъ языкѣ. Нѣкто Кловіо украсилъ ее миніатюрными виньетами; три вѣка прошло и сіи розы еще не завяли, а сіи персики только что сняты съ дерева. Рукопись, сгорѣвшая въ Геркуланѣ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Нашли средство раздѣлить попорченные огнемъ листы и съ чрезвычайнымъ трудомъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ успѣли списать съ нее нѣсколько страницъ. Слава терпѣнію ученыхъ, занимавшихся сею скучною работою.

Въ собраніи сосудовъ, статуй, бюстовъ и разныхъ инструментовъ Римскихъ, Греческихъ и новѣйшихъ, частію доставшихся Королю по открытіи Геркулана и Помпеи, каждая вещь показываетъ или удачную выдумку или изящную работу, или драгоцѣнное вещество. Видъ сосудовъ, а особливо курильницъ,

слезохранительницъ и подсвѣчниковъ весьма пріятенъ. Бронзовые бюсты и статуи, все найлучшаго вкуса и Греческой работы. Изъ нихъ Фавнъ и два борца почитаются превосходнѣйшими. Фавнъ подлинно уснулъ. Нагіе борцы, пріуготовляющіеся къ борбѣ какъ ни малы въ разсужденіи обыкновеннаго роста, заставляютъ зрителей страшиться, что они вдаются въ великую опасность. Во многихъ игрушкахъ, съ удивительною точностію представляющихъ различныхъ животныхъ, бронза и мраморъ имѣютъ жизнь. Между музыкальными инструментами лежитъ дудочка, на коей Отаитяне играютъ носомъ, подлѣ ней и одежда ихъ, сотканная изъ нитей кокосовыхъ орѣховъ. Въ сей же залѣ показывали большія книги, въ коихъ сняты списки и рисунки съ недодѣланныхъ картинъ лучшихъ живописцевъ древнихъ и новѣйшихъ. Мнѣ болѣе всего понравились картины Греческаго изображенія. 1я, Нимфа срывающая цвѣтокъ. 2я, Спящая Дріада, которую Фавнъ нашелъ и обнимаетъ. 3я Старой Силенъ поднимаетъ на рукахъ робенка, протягивающаго ручонки къ виноградной кисти, которую подаетъ ему съ веселымъ видомъ, чрезъ голову старика, молодая дѣвушка. Не правда ли, что сими изображеніями красоты, любви и трехъ возрастовъ человѣка, Греки умѣли объяснять свои мысли самымъ нѣжнымъ образомъ? Вотъ три бездѣлицы, которыми кончилось обозрѣніе рѣдкостей. Ма-

ленкій Фаэтонъ запряженъ двумя пчелками, пестрая бабочка сидитъ на козлахъ вмѣсто кучера и держитъ возжи ножками. Другой побольше, запряженъ попугаемъ, а управляемъ саранчею Третій виньетъ представляетъ также фаэтонъ, въ коемъ положенъ кувшинъ, обвитый розами, двѣ стройныя маленькія Нимфы, смѣясь везутъ его съ торопливостію, Вотъ какъ Греки умѣли одушевлять любимыя свои мечты.

Сошедъ въ нижній этажъ *въ Оружейной*, въ трехъ залахъ я видѣлъ всѣ убійственныя оружія отъ Каиновой дубинки до Ишаліянскаго кинжала, видѣлъ булавы Ирокезцовъ, дротики жителей Новой Зеландіи, видѣлъ чѣмъ Римляне, Греки и Скиѳы побѣждали другъ друга, и наконецъ видѣлъ ту лѣстницу, по которой механическія рукодѣлія восходили къ совершенству и злоба людей къ утонченному искуству умерщвлять другъ друга. Король, какъ страстный охотникъ и стрѣлокъ, собираетъ оружія знаменитѣйшихъ мастеровъ, и его ружейная поистиннѣ можетъ назваться Царскою. Лучшія изъ нихъ отличаются чистотою отдѣлки, замысловатымъ механизмомъ и прочностію металла, худшіе золотыми насѣчками, перламутомъ, дорогими каменьями и богатыми футлярами. Охотники найдутъ тутъ много вещей достойныхъ ихъ восторга. Я замѣтилъ только три: 1-е *Двуствольное ружье*, вдругъ, одно за другимъ можетъ сдѣлать 24-ре выстрѣла. Помощію

механизма, 24 патрона вдругъ въ ружейный стволъ кладутся; стоитъ только оборотить внизъ дуломъ и ружье заряжено. 2е, *Духовое ружье* въ трости, и 3е, *Кинжалъ*, которой по вонзеніи въ тѣло раздѣляется на три части, и въ сіежъ время производитъ выстрѣлъ изъ маленькаго пистолета, вдѣланнаго въ рукоятку.

Больница Бѣдныхъ.
(Alberho di Poveri.)

Зданіе по наружности своей просто, хотя и огромно; внутъ великолѣпіе пожертвовано пользѣ. Позади строенія садъ съ прекраснымъ фонтаномъ. Поднявшись по легкой для всхода лѣстницѣ, украшенной фонтанами и приличными статуями, вошли мы въ средній этажъ. Мущины и женщины распредѣлены по палатамъ; тутъ выздоравливающія, тамъ тяжело больныя, а тамъ неизлѣчимыя и сумасшедшія. Въ огромной залѣ за общимъ столомъ болѣе 300 выздоравливающихъ съ жадностію поглощали куски хлѣба, плавающіе въ жидкомъ супѣ; они просили милостыню по привычкѣ. Комнаты вездѣ нечисты и еслибъ не отворяли оконъ, то воздухъ могъ бы быть вреденъ. Здѣсь лѣчатъ простыми средствами, покоемъ, пищею и лимонадомъ, котораго употребленіе полезно въ здѣшнемъ климатѣ. Докторы славятся искуствомъ, и больные, какъ меня увѣряли, не умираютъ здѣсь преждевре-

менною смертію. Въ пріемной залѣ поставленъ портретъ Фердинанда IV во весь ростъ. Онъ очень похожъ, я взглянулъ на него съ уваженіемъ. Фердинандъ любимъ своими подданными, и какъ добрый Государь, заступникъ бѣдныхъ и сирыхъ, достоинъ преданности и благодарности народной.

Въ нижнемъ этажѣ по обѣ стороны длиннаго коридора, въ низкихъ комнатахъ со сводами, на одной половинѣ доживаютъ послѣднія минуты жизни, неизлѣчимыя, на другой сумасшедшія. Одинъ изъ нихъ въ сѣняхъ подъ огромными аркадами прикованъ былъ къ стѣнѣ цѣпью, держащею его поперегъ стана. Руки и ноги обшиты были у него кожею, шѣмя обрито, осталки волосъ стояли щетиною. При появленіи нашемъ онъ бросился къ намъ, началъ прыгать подобно лютой Гіеннѣ, грызъ цѣпь, руки и охриплымъ голосомъ произносилъ невнятные звуки; но когда вошелъ его Смотритель, онъ бросился въ уголъ и зарылся въ лежащей тамъ соломѣ. Сей нещастной отвергаетъ обыкновенную пищу и безпрестанно проситъ сырова мяса; бѣшенство его чрезъ каждые три мѣсяца продолжается по двѣ и по три недѣли, и уже другой годъ онъ находится въ больницѣ. Войдя въ коридоръ намъ отворили 1й N°. Въ немъ лежалъ на постелѣ Кардиналъ, онъ со всею важностію благословилъ насъ. Это нищій, сказалъ Смотритель. Во 2мъ N° сумасшедшій отъ честолюбія; 20ти лѣтній студентъ сей называетъ

себя Генераломъ, безпрестанно чертитъ планы и располагаетъ войска къ сраженію. Смотритель его обходится съ нимъ ласково, докладывалъ о нашемъ приходѣ и принимая приказанія, величалъ его Ваше Превосходительство! Въ 3й N°, промотавшійся Баронъ, которой помѣщался на томъ, что у него къ 99 не доставало сотаго жилета. Большая часть сумасшедшихъ была отъ честолюбія и болѣе женщинъ, нежели мущинъ. Естьли у васъ сумасшедшіе отъ любви? спросилъ я у лѣкаря. Теперь нѣтъ ни одного; были, но они скоро у насъ выздоравливаютъ. Наши женщины человѣколюбивы, продолжалъ шутливо Докторъ, они не любятъ сводить съ ума и рѣдко подаютъ причины приходить въ отчаяніе. И такъ справедливо сказалъ Панглосъ, „что все въ свѣтѣ къ лучшему“ и въ самомъ здѣ заключается добро. Наконецъ показали намъ сумасшедшую дѣвушку. Конечно отъ любви? Нѣтъ, отвѣчалъ Докторъ холодно. Она имѣла несчастіе лишиться отца своего, казненнаго публично за доказанное преступленіе. Она взошла съ нимъ на эшафотъ, сколько ни уговаривали ее сойти внизъ, но она осталась при отцѣ до послѣдней минуты. Твердость, спокойствіе духа ея, обмануло исполнителей приговора; но когда голова отца покатилась по помосту, когда кровь брызнула въ лице дочери; тогда несчастная схватила голову, облобызала ее, завернула въ шаль и тутже упала безъ чувствъ и лишилась ума. Чрезъ годъ она

пришла въ память, но лишь вышла изъ больницы, встрѣтилась съ солдатомъ, вспомнила о казни и снова лишилась ума. Теперь она выздоравливаетъ, и когда совершенно оправится, Королева приказала удалить ее въ деревню, гдѣ она будетъ получать отъ Ея Величества достаточной пенсіонъ.

Поле мертвыхъ.

Бывъ немного не здоровъ, въ одинъ красный день вышелъ я съ квартиры моей, бывшей въ предмѣстіи Саразенъ, подлѣ Порта-Нуова, просто въ сертукѣ, съ шѣмъ, чтобы по близости нѣсколько прогуляться. Въ городѣ благовѣстили къ обѣднѣ, толпы богомольныхъ съ молитвенниками въ рукахъ шли со мною по пути. Прошедъ съ версту, вижу предъ собою стѣну, растворенныя ворота, и кипарисную аллею, въ концѣ коей монастырь; перемѣняю намѣреніе и иду въ церковь молиться. Набожное расположеніе мое награждено было неожиданнымъ явленіемъ; любопытство удовлетворено ужаснымъ видомъ смерти. Аллея, по которой я шелъ, пересѣкалась накрестъ другою; тамъ кое гдѣ печально стояли кипарисы; и надгробные памятники, большею частію весьма простые, занимали все пространство; мраморныя плиты были исписаны стихами и надписями. Зеленая поляна отдѣляла монастырскія строенія отъ сада. Я спросилъ шедшаго подлѣ меня, какъ

монастырь называется? онъ отвѣчалъ мнѣ: „вы находитесь на *полѣ мертвыхъ* (Campo di Morti). Такое названіе удивило меня, и сказанное незнакомымъ подтвердилось самымъ дѣломъ. Монастырскій колоколъ нѣсколькими унылыми ударами возвѣстилъ о прибытіи покойнаго. Я остановился, обратился къ воротамъ и увидѣлъ въ оныхъ нѣсколько портшезовъ, предъ коими несли на длинномъ древкѣ черный деревянный крестъ; носильщики были въ траурномъ платьѣ, на портшезахъ нарисована Адамова голова. Вмѣстѣ съ портшезами вошелъ я въ церковь и представте себѣ мое изумленіе. Посреди церкви, на катафалкѣ, обитомъ чернымъ сукномъ, на верху и на ступеняхъ лежало болѣе 20 тѣлъ безъ гробовъ; одни одѣты были въ приличныхъ платьяхъ, но безъ покрововъ, другіе просто обернуты только холстиною. Я видѣлъ смерть во многихъ видахъ, не страшился ее по должности и чести; но признаюсь, новое сіе явленіе, какого я не ожидалъ, привело меня въ трепетъ; слабость послѣ болѣзни, печальные псальмы, музыка раздирающая душу, горестныя лица, вопли и слезы окружающихъ катафалкъ, заставляли меня опасаться, что я не могу выдержать печальнаго обряда погребенія; но любопытство видѣть оное побудило меня остаться. Обѣдня кончилась, родственники послѣднимъ цѣлованіемъ простились съ умершими, всѣ вышли, церковь заперли. Мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ

просить проходящаго мимо меня Капуцина, разсказать мнѣ обрядъ ихъ погребенія.

Капуцинъ былъ ужаснаго вида, босикомъ, въ толстой рыжеватаго сукна рясѣ, и очень неопрятенъ. По такой наружности я не ожидалъ, чтобы онъ былъ вѣжливъ, но вышло напротивъ, онъ былъ даже очень снисходителенъ. По первому моему вопросу, Капуцинъ съ ласковымъ видомъ обѣщалъ удовлетворить мое любопытство; потомъ спросилъ, съ кѣмъ имѣетъ честь говорить, и услышавъ, что я Руской, поклонился и продолжалъ; очень радъ, милостивый государь! что буду имѣть случай чѣмъ нибудь услужить Рускому. Онъ тотчасъ приказалъ принесть себѣ ключи: между тѣмъ мы подошли къ длинному строенію, составляющему лѣвый флигель монастыря, отперли дверь, отворили, и, Боже мой! что я тутъ увидѣлъ. Тысячи человѣческихъ остововъ, стоявшихъ и привязанныхъ къ стѣнамъ, сложенныхъ на столахъ и валяющихся по полу. Я поблѣднѣлъ, содрогнулся, укорялъ себя за пустое любопытство, но уже поздо было раскаяваться, стыдно было отказаться, и я вошелъ за Капуциномъ въ длинную невысокую галлерею, освѣщенную сверху и то весьма слабо. На груди каждаго скелета повѣшена была черная дощечка съ надписью кому принадлежали бренные сіи остатки, годъ и число, когда родился и умеръ. Проходя далѣе, я видѣлъ нѣсколько гробовъ или лучше серебренныхъ и бронзовыхъ ящиковъ, гдѣ лежали кости знатнѣйшихъ Вельможъ. Гробницы сіи

были заперты и ключъ отъ оныхъ обыкновенно хранится у ближайшаго родственника. Жители Палермы часто посѣщаютъ монастырь смерти; заживо выбираютъ себѣ мѣста въ галлереяхъ, и плачутъ на гробахъ предковъ своихъ, умершихъ за 200 лѣтъ. Въ саду, только для виду ставятся монументы. Я очень обрадовался, что мы скоро вышли изъ галлереи; но Капуцинъ повелъ меня къ другому строенію, обнесенному высокою стѣною въ углу ограды монастырской и въ отдаленіи отъ жилыхъ покоевъ. Служка отворилъ намъ желѣзную калитку. Посреди двора стояло низкое не болѣе двухъ аршинъ высоты зданіе, покрытое толстымъ сводомъ. Небольшія вокругъ онаго окна заперты были желѣзными ставнями. Вотъ общая могила всѣмъ умершимъ въ Палермѣ. Погребъ наполненъ известью, тѣла привязанныя къ желѣзнымъ лопатамъ на длинныхъ древкахъ утвержденнымъ, опускаются въ погребъ, засыпаются известью, и, когда тѣло будетъ истреблено, скелетъ ставятъ въ галлерею. Тѣла знатнѣйшихъ господъ, вынувъ напередъ внутренность, засушиваютъ въ небольшой пещерѣ, и трупъ сохраняетъ на себѣ кожу довольно долгое время.

Въ жаркомъ климатѣ такое погребеніе очень благоразумно; моровая язва, истребившая половину жителей Палермы, была поводомъ къ оному; плачевный опытъ научилъ брать сію необходимую осторожность. Уже

болѣе 200 лѣтъ постановлено закономъ, умершихъ не отпѣвать въ городскихъ церквахъ, а тотчасъ безъ всякихъ церемоній изъ домовъ переносить въ сей Капуцинскій монастырь, гдѣ по совершеніи обряда погребенія, тѣла изъ церкви переносятся сначала въ погребъ, гдѣ, изъ предосторожности, дабы не погребли лишившихся жизни отъ продолжительнаго обморока, оставляются оныя на пять или на семь дней, смотря по обстоятельствамъ. Анатомить умершихъ прежде сего срока также запрещено.

Дворянское собраніе.

Пятимѣсячное пребываніе въ Палермѣ доставило намъ многія знакомства. Въ саду не блуждали уже мы посреди пышнаго общества подобно отчужденнымъ; на балѣ не сидѣли въ дальнемъ углу безъ дѣла; въ саду кланялись намъ издали; на балѣ мущины встрѣчали насъ ласково, дамы охотно съ нами танцовали; наконецъ, въ театрѣ вмѣсто того, чтобъ заниматься представленіемъ, уже должны были, слѣдуя тамошнему обыкновенію, ходить по ложамъ. Въ Дворянскомъ Собраніи принимали насъ какъ своихъ родственниковъ. Мы тѣмъ охотнѣе посѣщали сіе общество, что въ томъ друзья наши, гвардейскіе Офицеры, и вся военная молодежь, обыкновенно назначали какъ провесть завтрешній день, и приглася дамъ собирались въ саду *Флорѣ* или

въ какомъ маскерадѣ, духовномъ концертѣ, кофейномъ домѣ Литераторовъ, любителей музыки и наконецъ въ мѣщанскомъ клобѣ. Читатель не дѣлай скораго заключенія; если судить будешь по своимъ обычаямъ, то можешь ошибиться и быть несправедливымъ. Здѣшнее мѣщанское общество, состоящее изъ трудящихся купцовъ, простыхъ ремесленниковъ, и цѣховыхъ мастеровъ, не то, что могло бы быть у насъ. Здѣсь дочь портнаго, даже башмачника, танцуетъ минуетъ, кадриль, вертится въ вальсѣ; говоритъ не областнымъ, но благороднымъ Тосканскимъ нарѣчіемъ. Здѣсь хотя нѣтъ, какъ въ Королевскомъ собраніи, бриліантовъ и многоцѣнныхъ кружевъ, но всѣ дѣвицы одѣты чисто, щеголевато и прилично; всѣ цвѣтутъ какъ Майскія розы; бѣлы, румяны, нѣтъ почти ни одного дурнаго лица, нѣтъ той блѣдности, утомленнаго взора, котораго стараешься избѣгнуть, и потому-то мы чаще были въ мещанскомъ и дворянскомъ, нежели въ Королевскомъ собраніи. Дѣвицы въ обхожденіи очень ласковы. Онѣ привыкнувъ къ Испанской гордости своего дворянства, (которое однакожъ охотно посѣщаетъ ихъ общество,) и за малѣйшее вниманіе были признательны. Матери оставляли дочерямъ всю свободу, ошнюдь ни въ чемъ насъ не подозрѣвали; и случалось, что нѣкоторыя изъ нихъ замѣтивъ, что Русской предпочитаетъ ея дочь другимъ, охотно и часто съ нею танцуетъ, вставали съ мѣстъ

своихъ и искренне благодарили за честь, дѣлаемую ихъ дочерямъ.

Въ продолженіи Карнавальныхъ праздниковъ, мы закружились въ вихрѣ большаго свѣта. За нѣсколько дней приглашали насъ на какую либо прогулку, на концертъ, на балъ и маскерадъ. Въ семъ послѣднемъ ясно видѣнъ характеръ и нравъ шутливыхъ Италіянцевъ. О карнавальныхъ увеселеніяхъ я буду говорить послѣ; теперь скажу нѣсколько словъ о маскерадѣ, называемомъ Veglione! продолжающемся во всю ночь. Послѣ театра, зрители изъ партера вышли, скамейки были вынесены и въ полчаса сцена сравнена съ партеромъ, что составило обширную залу. Пока дѣлались сіи пріуготовленія, въ ложахъ ужинали, музыка играла симфонію. Король съ дѣтьми былъ въ своей ложѣ; при немъ не было ни какой стражи; любовь народная замѣняла оную, присутствіе его не мѣшало веселости, напротивъ болѣе одушевляла публику. Лишь зала была готова, ударили въ литавры, музыка заиграла маршъ, и вдругъ со всѣхъ сторонъ начали входить маскированныя лица съ ужимками приличными своей одеждѣ; зала скоро наполнилась, сдѣлался шумъ, визгъ, всѣ говорили не своими голосами, одинъ ревелъ коровою, другой пѣлъ арію, тотъ мяукалъ кошкою, тамъ въ странномъ положеніи поэтъ декламировалъ стихи, всѣ прыгали, кривлялись, кружились и ломались, и это цѣлъ всѣхъ забавляло, что зрители

смѣялись отъ добраго сердца. Маскированный разсыпались по ложамъ, входили даже въ Королевскую, забавляли Его Величество шутками, замысловатыми стихами, остроуміемъ или только нарядомъ. Король въ самомъ дѣлѣ былъ очень снисходителенъ и милостивъ, и повидимому утѣшался симъ.

Гримальди.

Скажите мнѣ кто такъ прекрасно играетъ на скрыпкѣ въ театрѣ Санъ-Фердинандо? спросилъ я однажды у Профессора музыки Чичиліано. Это Гримальди, отвѣчалъ Профессоръ, славнѣйшій нашъ Артистъ, камеръ-музыкантъ, Геній, какого Италія едва ли когда имѣла и при томъ чудакъ, милой, лѣнивой и безпечной. Не уже ли вы ничего о немъ не слыхали? его жизнь и странности обращаютъ на него общее вниманіе; онъ очень извѣстенъ, уважаемъ всѣми и любимъ самимъ Королемъ. Я вамъ раскажу объ немъ нѣчто продолжалъ Чичиліано. Онъ имѣетъ такой даръ, что въ театрѣ, когда ему должно играть Соло, вдругъ по вдохновенію восхищаетъ всю публику и еще болѣе удивляетъ музыкантовъ тѣмъ, что, когда ему вздумается, безъ пріуготовленія и труда сочиняетъ важнѣйшую музыку, иногда пишетъ ноты на память, безъ помощи инструмента, или взявъ оный приказываетъ писать ноты другимъ, а какъ рѣдко имѣетъ онъ терпѣніе дожидаться, чтобы

успѣли музыканшы писашь за нимъ, то онъ для сего держишъ при себѣ слѣпаго ученика, который обладаетъ шакимъ рѣдкимъ слухомъ и привыкнулъ понимашь своего учителя шакъ, что перенимаетъ у него длинную фаншазію съ одного раза. Гримальди дѣлаетъ все по первому движенію, ни къ чему себя не принуждаетъ, даже играетъ у Короля шогда, когда ему придетъ охота. Будучи не богашъ, онъ ни у кого не играешъ за деньги, подарковъ ни ошъ кого не принимаетъ; между шѣмъ живетъ на чужей счешъ, жалованье раздаетъ нищимъ, словомъ, золошомъ не дорожишъ и о себѣ ни мало не печется. Холосшымъ онъ велъ безпорядочную и самую безмяшежную жизнь. Король желая удержашь его при Дворѣ, приказалъ женишь его. Сыскали невѣсту, ввели Гримальди въ домъ ея родишелей, и распусшили слухъ, что онъ женится. Король проздравилъ его; удивленный чудакъ, поклонившись спросилъ: развѣ Вашему Величеству угодно, чшобъ я былъ рогоносцемъ? Лучше нежели разсѣяннымъ и лѣнивымъ. Вы того желаете, я согласенъ. Король на другой же день приказалъ кончишь свадьбу, щедро наградилъ Гримальди и прибавилъ ему жалованья. Что же сдѣлалъ Гримальди, послушайше: онъ послѣ обѣда гдѣ-шо всшрѣшился съ своимъ пріяшелемъ, котораго давно не видалъ, зашелъ съ нимъ въ кофейной домъ и увлеченный дружескою бесѣдою, забылъ, что невѣсша дожидаешъ его въ церкви. Когда онъ на разсвѣшѣ ворошился

домой, то на упреки своихъ знакомыхъ онъ холодно отвѣчалъ: друга своего я давно не видалъ, а женишься и нынѣ успѣю.

Какъ бы мнѣ желалось послушать его вблизи, сказалъ я. Это очень трудно, отвѣчалъ Чичиліано; однакожъ я постараюсь доставить вамъ къ тому способъ. По наставленію его, товарищъ мой Н. пошелъ въ кофейный домъ, гдѣ часто бывалъ Гримальди, познакомился съ нимъ весьма коротко, и Гримальди пришелъ съ нимъ на квартиру, остался обѣдать, послѣ театра въ потъже день пришелъ ужинать и обѣщалъ безъ приглашенія ходить къ намъ чаще. Онъ сдержалъ свое слово. Мы съ своей стороны никогда не просили его что либо съиграть; но въ одинъ день Гримальди нашелъ у насъ пятерыхъ лучшихъ въ Палермѣ Виртуозовъ. Послѣ обѣда, растроганный одною піесою сочиненія Чичиліано, Гримальди послалъ за своею скрыпкою и ученикомъ и наконецъ я слышалъ его игру. Не знаю кому больше удивляться, ему ли или слѣпому его ученику, который стоя подлѣ одного музыканта игралъ тоже самое что и сей, точно такъ какъ бы предъ нимъ лежали ноты. Гримальди довольный похвалами своему слѣпцу, беретъ наконецъ свою скрыпку, настраиваетъ, дѣлаетъ пробу и начинаетъ играть въ полномъ расположеніи. Музыканты окружаютъ его, одинъ приклоняетъ ухо къ его инструменту, другой беретъ бумагу чтобы писать ноты, только Чичиліано осмѣливается тихо акомпанировать ему на Ман-

долинѣ; слѣпецъ игралъ только тогда, когда ему приказывали. Начинается Адажіо; инструментъ издаетъ живой голосъ, всѣ звуки сливались, миноръ коснулся сердца; музыканты устремивъ глаза на своего Орфея не смѣли дохнуть, и еслибъ печальный миноръ еще продолжился, то конечно заставилъ бы насъ плакать; но рондо, веселое, плавное, взятое съ народной пѣсни Еспаньола называемой, покатилось по струнамъ, оживило, обрадовало насъ. Музыканты взяли инструменты, играли всѣ вмѣстѣ и каждый одинъ за другимъ продолжалъ соло по своей фантазіи и игралъ превосходно. Послѣ того Гримальди ударомъ смычка вдругъ перемѣняетъ тонъ, начинаетъ одинъ новое Аллегро, музыка утихаетъ постепенно, онъ уходитъ въ нишъ и мы вдали слышимъ гобои, тамъ арфу, скрыпъ воротъ, лай собаки, и подражаніе голосамъ нѣкоторыхъ птицъ, словомъ шутя забавлялъ онъ насъ болѣе двухъ часовъ, чудесами искуства музыкальнаго, и все изъ головы или лучше изъ его души изливалось.

Рыбная ловля.

Въ продолженіи лѣта ловля рыбы Тона составляетъ лучшее удовольствіе дворянства. Рыба сія идетъ изъ Океана, большими стаями, обыкновенно трется около береговъ, и потому ловъ бываетъ очень прибыточенъ. Ее солятъ, и потомъ отправляютъ за гра-

ницу; она составляетъ важную отрасль торговли Палермской. Рыба тодъ имѣетъ три аршина длины, несоразмѣрно толста, мясо ея сочно, красно и похоже на лососину. Способъ ловли довольно замысловатъ и неизвѣстенъ въ другихъ частяхъ Европы. Я нарочно ѣздилъ въ Монделло, видѣть домъ, такъ называемый tonnaro, составленный изъ толстыхъ сѣтей, занимающій пространство отъ двухъ до трехъ и болѣе верстъ, раздѣленный на нѣсколько комнатъ, изъ коихъ каждая зовется по порядку, напримѣръ: первая пріемная зала, вторая столовая, третья спальня, и такъ далѣе, послѣдняя всегда именуется комната смерти. Сѣть сія, помощію грузилъ, опускается до дна и утверждается якорями. Когда рыба войдетъ въ первую залу, то малое отверстіе закрывается особенною сѣтью, карауленый подаетъ знакъ, нѣсколько десятковъ лодокъ приближается, составляютъ вокругъ тонаро четвероугольникъ, и когда рыба не имѣя выхода назадъ, обходя вдоль стѣнъ, находитъ другое отверстіе и чрезъ оную переходитъ въ слѣдующую комнату, то, дабы всю стаю скорѣе загнать въ послѣднюю комнату смерти, старшій рыболовъ даетъ знакъ и промышленники всѣ вдругъ подымаютъ радостный крикъ и, начиная отъ первой комнаты, бьютъ по водѣ веслами, когда вся рыба стѣснится въ послѣдней комнатѣ, тянутъ оную къ берегу, осторожно и помалу, ибо рыба очень сильна; тутъ дается послѣдній

знакъ, рыбаки и зрители нападаютъ, бьютъ рыбу остроrами, другіе бросаются въ воду и плаваютъ вмѣстѣ съ рыбами; одни поражаютъ ее малыми дротиками, другіе убитую выпасскиваютъ на берегъ. Радостныя восклицанія, крикъ, шумъ и необыкновенное само по себѣ зрѣлище сіе, доставляютъ зрителямъ великое удовольствіе. Тотъ, кому принадлежитъ тоня, приглашаетъ къ себѣ гостей и угощаетъ ихъ въ раскинутыхъ на берегу палаткахъ. Участвовавшіе въ ловлѣ рыбаки получаютъ награжденіе, пляшутъ и поютъ, что и составляетъ самый веселый простый сельскій праздникъ. Меня увѣряли, что иногда въ одну тоню попадается по тысячѣ и болѣе рыбъ, и хотя оная во время лову продается очень дешево, со всѣмъ тѣмъ пять такихъ тонь близь Палермы, принадлежащихъ Королю и четыремъ Вельможамъ, приносятъ въ годъ доходу до 800.000 рублей.

Ловля рыбы извѣстной подъ именемъ *Мета*, также и многихъ другихъ меньшихъ, какъ то: Морены, большаго рода угрей, золотой рыбки и проч. и проч. доставляетъ зрителямъ еще пріятнѣйшее зрѣлище, тѣмъ болѣе, что оная, въ маломъ видѣ, въ точности представляетъ ловлю Китовъ. По захожденіи солнца, въ тихую погоду, нѣсколько лодокъ вдругъ отваливаютъ отъ берега, разсыпаются по заливу; на носу каждой, одинъ рыбакъ близъ воды держитъ зазженной факелъ, другой съ острогою стоитъ на но-

гахъ въ готовности нанести вѣрный ударъ. Свѣтъ факеловъ привлекаетъ рыбу, она выходитъ на поверхность моря и вмигъ поражается острогою въ голову. Какъ Мечъ рыба очень сильна и велика, то рыбаки гоняются за нею иногда довольно долгое время, и при каждомъ появленіи поражаютъ ее острогою и нѣсколькими дротиками. Уязвленная такимъ образомъ, она бьется близъ лодки, колетъ твердою щпагою своею, длиною около двухъ аршинъ, и, поднимая хвостомъ воду, заливаетъ оною лодку и угрожаетъ потопленіемъ; наконецъ утомившись и изойдя кровію умираетъ. Рыбаки берутъ ее на лодку, или привязываютъ къ кормѣ оной веревкою. Въ свѣтлую и тихую лѣтнюю ночь, великое множество лодокъ, выходящихъ на сію ловлю, освѣщенныхъ факелами, представляетъ на морѣ большой городъ великолѣпно освѣщенный. Ловля сія употребляется во всей Италіи, и рыбаки, которые бьютъ рыбу острогами, очень ловки и искусны въ семъ дѣлѣ, и потому пользуются общимъ уваженіемъ своихъ товарищей.

День моднаго свѣта.

Въ Палермѣ живутъ всегда въ обществѣ, между чужими людьми, и домой возвращаются для того только, чтобъ спать. Жизнь моднаго свѣта есть вѣчное разсѣяніе; кажется никто здѣсь не любитъ мирнаго семействен-

наго уединенія; роскошествуютъ чрезъ-мѣру, ни мало не думаютъ о хозяйствѣ, вездѣ и во-всемъ ищутъ наслажденія, ищутъ онаго съ нетерпѣніемъ, смѣются, радуются всему, утѣшаются каждою бездѣлицею, никогда не занимаются важными спорами о политикѣ, вѣрѣ и правленіи, не осуждаютъ никого, шутятъ, поютъ, танцуютъ, сочиняютъ стихи; нѣжнѣйшіе изъ нихъ читаютъ дамамъ; словомъ оба пола помышляютъ объ одномъ и томъже: какъ бы пріятнѣе провесть время; и можно сказать, что Сицилійское дворянство, въ театрахъ, маскерадахъ, церковныхъ праздникахъ, народныхъ зрѣлищахъ, прогулкахъ и собраніяхъ, проводитъ время въ совершенной нѣгѣ, живетъ въ непрестанномъ восторгѣ, и ведетъ жизнь самую веселую.

Чтобъ дать понятіе о препровожденіи времени моднаго свѣта, послѣдуемъ за Барономъ свѣтскимъ, человѣкомъ молодымъ, хорошо воспитаннымъ, нѣжнымъ почитателемъ прекраснаго пола, любезнымъ, милымъ и знающимъ жить. Поутру до десяти часовъ не слышно стуку экипажей; одинъ только народъ, купцы и ремесленники толпятся на улицахъ, и какъ Палерма очень многолюдна, то улицы, а особливо площади, походятъ всегда на ярмонку. Въ полдень начинаютъ показываться экипажи; полусонныя горничныя служанки открываютъ жалузи, подымаютъ гардины въ окнахъ. Нашъ молодой Баронъ не вставая пьетъ въ это время въ постелѣ шеколадъ;

въ три или четыре часа, если не слишкомъ жарко, выѣзжаетъ, посѣщаетъ напримѣръ знакомую ему Маркизу, которая въ небрежной одеждѣ, прикрывшись шелковымъ одѣяломъ принимаетъ его роскошно лежа на постелѣ. Скромныя читательницы, краснѣющія при чтеніи сихъ строкъ, побранятъ можетъ быть меня, что я выставляю сіе нескромное обыкновеніе. Въ оправданіе свое скажу; здѣсь такая мода, а мода вездѣ есть законъ; къ томуже въ этомъ соблазнительномъ для насъ обыкновеніи, здѣшніе мущины даже застѣнчивые не видятъ ничего дурнаго и смотрятъ на хорошую только онаго сторону; женщины стыдливыя, застѣнчивыя и самой строгой нравственности также скоро къ оному привыкаютъ, ибо въ неловкомъ для нихъ сначала семъ положеніи, онѣ скоро открываютъ вѣрное средство понравиться. Послѣдуемъ за Барономъ далѣе. Отъ Маркизы онъ пріѣзжаетъ къ Герцогинѣ, которая уже встала, сидитъ за туалетомъ, перебираетъ листки новаго сочиненія и съ улыбкою слушаетъ ловкаго парикмахера, разсказывающаго ей городскія новости. Баронъ прибавляетъ что нибудь и отъ себя, хвалитъ головной уборъ, находитъ, что синій или розовый цвѣтъ идетъ ей какъ не льзя лучше къ лицу, бѣгаетъ, суетится, упреждаетъ служанку, подаетъ Герцогинѣ духи, помаду, шпильки или прозрачный платочикъ, словомъ одѣваетъ ее, споритъ съ горнишною, хвалитъ черные плу-

повскіе ея глазки; Герцогиня прищуривъ свои съ хитрою и какъ бы недовольною миною смѣется; наконецъ встаетъ и говоритъ: addio Caro! до свиданія. Послѣ сихъ утреннихъ посѣщеній Баронъ заходитъ въ лавки, модные магазины, посѣщаетъ кабинетъ скульптора и живописца, которые обыкновенно живутъ въ нижнихъ этажахъ и оконченныя свои работы выставляютъ на улицу у дверей. Баронъ, какъ знатокъ, замѣчаетъ недостатки, даетъ совѣтъ, и видя что либо изящное съ восклицаніемъ оставляетъ художника и отправляется въ великолѣпно-убранный кофейный домъ болѣе другихъ посѣщаемой.

Тутъ многочисленное общество волнуется, знакомые и незнакомые составляютъ одно шумное семейство: шутъ спорятъ, шутятъ другъ надъ другомъ, не оскорбляются острымъ словомъ, отражаютъ ихъ замысловатыми рѣчами; забавляются смѣшными анекдотами, счастливыми или неудачными любовными приключеніями. Стихотворцы, литераторы, профессоры и Абаты въ углахъ читаютъ свои сочиненія; если они дурны, другіе зеваютъ; если хороши бьютъ въ ладоши и кричатъ: безподобно! неподражаемо! Толпы переходятъ безпрестанно отъ одной двери къ другой, продавцы галантерейныхъ вещей, игрушекъ и бездѣлушекъ, румяныя поселянки съ корзинками цвѣтовъ, съ поклономъ предлагаютъ букеты тому, кто на нихъ взглянетъ. Капуцынъ съ крестомъ въ одной рукѣ, съ таре-

лочкою въ другой, съ поникшимъ взоромъ, читая молитвы и прославляя милосердіе къ бѣднымъ принимаетъ со смиреніемъ полушки! Голодные нищіе стоя у открытыхъ дверей и оконъ, воіютъ и просятъ милостыни; слуга нося по заламъ курильницу, заставляетъ ихъ молчать или прогоняетъ отъ дверей. Нашъ Баронъ, какъ знатный господинъ, для лучшаго тона не снимая шляпы сидитъ на софѣ небрежно, приказываетъ слугѣ подать себѣ маленькую чашку кофе или мороженаго и перебирая листы въ газетахъ не читая ихъ, слушаетъ разговоры другихъ; любуется своимъ бриліантовымъ перстнемъ или стройностію своей ноги, съ притворнымъ нетерпѣніемъ смотритъ часто на часы и, чтобы убить время, разсматриваетъ на стѣнахъ дурные эстампы, поправляетъ предъ зеркаломъ галстукъ и манжеты или наконецъ ласкаетъ миловидную служанку, которая на позолоченныхъ креслахъ, сидитъ за буфетомъ и кокетствуетъ. Симъ оканчивается утро.

Въ пять часовъ Баронъ возвращается домой, одѣвается, ѣдетъ въ лучшую Ресторацію обѣдать, гдѣ за общимъ столомъ старается сѣсть подлѣ какой нибудь пригожей женщины, а не успѣвъ въ томъ съ удовольствіемъ разговариваетъ съ двумя незнакомыми сосѣдами, подчуетъ ихъ и каждый платитъ за себя. Послѣ обѣда Баронъ раздѣвшись отдыхаетъ обыкновенно до седьмаго часа на постелѣ. Какъ только зажгутъ на улицахъ фо-

нари, то начинается ужасный шумъ. Кареты, коляски, гики (*) и фаетоны, освѣщенные двумя пылающими факелами потрясаютъ мостовую, скачутъ, перегоняютъ одна другую, встрѣчаются, разъѣзжаются; одни ѣдутъ смотрѣть трагедію, другіе оперу, иные національный дивертисиманъ и т. д. Въ 9ть часовъ Баронъ ѣдетъ въ Королевское Собраніе; отсюда жена его одна посѣщаетъ дворянскіе и многіе другіе клубы, занимается тамъ игрою въ карты, охотно слушаетъ и принимаетъ нѣжныя слова кавалеровъ, остроуміе награждаетъ милымъ взглядомъ, а любезному назначаетъ рандеву.

Въ полночь стукъ и шумъ увеличивается до чрезвычайности. Въ Палермѣ сіе время почти тоже, что у насъ полдень. Вся публика съѣзжается на Марино и въ садъ Флору. Набережная (Marino) имѣетъ еще лучшій видъ, нежели наша дворцовая или Англинская. Съ одной стороны ея обширный заливъ, всегда покрытый линейными и купеческими кораблями; съ другой часть городской стѣны и длинной домъ, котораго нижній этажъ покрытъ широкою террасою, на оную входъ изъ втораго жилья, надъ которымъ находятся еще два. Посреди набережной построенъ круглый павильонъ съ куполомъ и красивою

(*) Гикъ въ Англіи употребляемый экипажъ подобный Кабріолетѣ.

колоннадою; тутъ большой оркестръ музыки играетъ симфоніи и концерты. Пѣшеходы идутъ по тротуару, экипажи тѣснятся между онымъ и стѣною. Не льзя не замѣтить, что здѣсь на экипажи еще бо́льшая роскошь, нежели въ нашихъ столицахъ. Всѣ вообще кареты и коляски даже наемныя въ послѣднемъ Англинскомъ вкусѣ. Дворянинъ, естьли бы осмѣлился показаться на улицѣ пѣшкомъ, былъ бы неминуемо осмѣянъ. Кромѣ Королевы и Архіепископа всѣ ѣздятъ парою въ шорахъ, у богатѣйшихъ ливреи залиты золотомъ, нѣкоторые употребляютъ еще скороходовъ. Лошади, особенно верховыя, прекраснѣйшія, Варварійской и лучшихъ Сицилійскихъ породъ. Многолюдное общество, сдѣлавъ нѣсколько круговъ по Марино въ экипажахъ, выходитъ изъ оныхъ въ садъ Флоры; экипажи возвращаются къ Порто-феличе, лакеи гасятъ факелы, въ садъ съ оными и съ фонарями никому входить не позволяется, нищій и никто дурно одѣтый (исключая музыкантовъ) также въ оный не допускаются. Въ четырехъ бесѣдкахъ по угламъ и на средней площади сада пять оркестровъ духовой музыки разливаютъ сладостную гармонію. Не можно представить себѣ занимательнѣе сей прогулки для всѣхъ вообще и выгоднѣе для молодыхъ людей, особенно влюбенныхъ. Тутъ всѣ состоянія смѣшиваются; блестящіе наряды дамъ, красота ихъ, ласковое обращеніе даже незнакомыхъ,

представляютъ какъ для взора такъ и серд-
ца пріятный обманъ. Я не видалъ, чтобы
шутъ кто нибудь сидѣлъ задумавшись; тихой
шопотъ и шорохъ ногъ, улыбка или вздохъ,
развлекли бы и самаго невнимательнаго чело-
вѣка. Садъ Флоры приличнѣе было бы наз-
вать садомъ Венеры; оный въ самомъ дѣлѣ
есть храмъ любви и волокитства; Князья и
Графы, военной, статской и духовной; Мар-
кизы, Баронессы, актрисы, горничныя и луч-
шія общія красавицы, ищутъ въ немъ при-
ключеній, веселой ночи, наслажденія и при-
были. Тутъ не различишь кто кого пре-
слѣдуетъ; всѣ чего-то ищутъ, у всѣхъ, ду-
мать должно, отъ нетерпѣнія сердце бьет-
ся; одни заглядываютъ подъ шляпки, другіе
всматриваются въ лице; двѣ подруги садят-
ся въ густой тѣни; два кавалера робкими
шагами къ нимъ приближаются и если кра-
савицы благосклонно улыбнутся, они тот-
часъ подаютъ имъ руки и идутъ вмѣстѣ въ
большую аллею, гдѣ разносятъ прохладитель-
ныя, которыя кажется только увеличиваютъ
жаръ. Въ темнотѣ крытыхъ проспектовъ,
встрѣчаются иногда замаскированныя; почти
передъ каждымъ проходя шепчутъ онѣ въ
полголоса паролъ, который понять можетъ
одинъ избранный счастливецъ; словомъ въ
большихъ прямыхъ аллеяхъ, съ открытымъ
лицемъ, съ невинною улыбкою гуляютъ су-
пруги и дѣвицы непорочныя, въ крытыхъ,

замаскированный порокъ и распутство. Отсюда-то завернувшись въ длинной плащъ, надвинувъ шляпу на глаза, опустивъ вуаль и наклонивъ какъ можно голову ниже, пара за парой выходятъ изъ сада чрезъ калитку, гдѣ съ потаенными фонарями Servitor di Piazza предлагаютъ услуги. Въ переулкѣ ожидаютъ легкія коляски и фаэтоны, садятся въ нихъ и скачутъ въ средину города къ заднимъ дверямъ домовъ, тѣхъ добродушныхъ старушекъ, и содержательницъ модныхъ магазиновъ, которыя изъ состраданія къ женамъ ревнивыхъ мужей на часъ отдаютъ въ наемъ прекрасно убранный кабинетъ, гдѣ на свободѣ и въ тишинѣ, какъ здѣсь говорится, можно Cavare il Capriccio! Послѣ двухъ часовъ за полночь оканчивается музыка; Баронъ отыскиваетъ свою жену, не спрашиваетъ гдѣ она была и что дѣлала, ибо на вопросъ сей и самъ не зналъ бы что отвѣчать. Вотъ почему такіе мужья бываютъ очень снисходительны и охотно позволяютъ женамъ своимъ всякія вольности. Съ восхожденіемъ солнца одни ѣдутъ домой, другіе ужинать въ ресторацію, мало по малу стукъ отъ каретъ умолкаетъ и всѣ ложатся спать.

Въ большіе жары лѣтомъ, дворянство живетъ на дачахъ въ Бегаріи и Иль-Колле, однакожъ Марино отъ того не бываетъ пусто. Зимою въ пасмурныя и дождливыя ночи, вмѣсто прогулки въ саду, экипажи послѣ со-

бранія, ѣздятъ взадъ и впередъ по улицѣ Кассеро, и на оной иногда бываетъ такъ тѣсно, какъ у насъ подъ качелями. Въ зимнее время гулянье въ саду начинается въ полдень, но лучшее общество собирается тамъ въ 6-ть часовъ по полудни.

Нѣчто о нравахъ и обычаяхъ.

Сицилійцы проницательны и понятливы, любятъ праздность, увеселенія, имѣютъ навыкъ въ обманахъ и по происхожденію отъ Грековъ не уступаютъ имъ въ хитростяхъ и тонкости ума. Небо, временно бурями помрачаемое, почти всегда покрытое свѣтлою лазурью, разность годовыхъ временъ дѣлаетъ едва примѣтною, зимою равно какъ и лѣтомъ можно жить здѣсь на открытомъ воздухѣ, отъ чего тѣло получая гибкость, воображенію представляетъ болѣе идей и наиболѣе способствуя дѣйствію разума, наполняетъ его огнемъ кроткимъ и плодоноснымъ; посему-то можетъ быть, характеръ Сицилійца ясно написуется въ умныхъ говорящихъ глазахъ его. По чрезмѣрной живости своей, предпочитая пріятныя упражненія важнымъ, они не брегутъ о усовершенствованіи своихъ мыслей, ибо не любятъ глубокомыслія, совсѣмъ не имѣютъ того хладнокровія, которое необходимо для окончанія работы трудной и продолжительной. Въ изящныхъ наукахъ и ремеслахъ, ваяніи,

Архитектурѣ, музыкѣ и живописи они наиболѣе упражняются; въ издѣліяхъ ихъ художниковъ видѣнъ хорошій выборъ мыслей; но отдѣлка всегда не кончена; къ механическимъ рукодѣліямъ они не имѣютъ склонности, и если что работаютъ, то очень посредственно. Будучи расположенія безпокойнаго, нетерпѣливаго и горячаго, они въ добродѣтеляхъ и порокахъ чрезмѣрны. Страсти ихъ касаются двухъ крайностей. Нѣжны въ любви, снисходительны къ супругамъ; но если кто ревнивъ, то мщеніе его ужасно. Въ нещастіи тверды, переносятъ потери безъ унынія, любятъ Короля, покорны постановленнымъ властямъ; но малѣйшія угнѣтенія не могутъ снести безъ явнаго ропота. Набожность ихъ есть суевѣріе; добродушіе кажется имъ обманомъ ума, искренность только живостью сложенія, хипрость значитъ искуство жить, подлогъ принимаетъ видъ добросердечія. Мужество есть смѣсь жестокости и великодушія. Въ Италіи Сицилійскіе разбойники славятся возвышенностію чувствъ и благородствомъ духа; если бы правительство пожедало направить духъ сей къ надлежащей цѣли и воспользоваться имъ къ чести отечества, то военныя доблести народа, нынѣ непримѣтныя, моглибы быть блескомъ истиннаго геройства.

Сицилійцы имѣютъ привѣтливый взглядъ, услужливы, очень внимательны къ иностранцамъ и всегда веселы. Кто въ первый разъ увидитъ ихъ пантомину, то ловкость, жи-

вость ихъ театральныхъ движеній неминуемо должна ихъ удивить и разсмѣшить. Если бы добраго, смирнаго Нѣмца со всею его неповоротливостію и флегмою, вдругъ перенесть въ Сицилію, то онъ не примѣчая той постепенной расторопности, которая идя отъ сѣвера къ югу, очень замѣтна въ народахъ, подумалъ бы сначала, что онъ находится между шутами, вѣчной восторгъ коихъ, вѣроятно, въ коротkое время заставилъ бы его двигаться скорѣе и наконецъ онъ сталъ бы съ ними плясать, дикимъ голосомъ пѣть и смѣяться отъ добраго сердца. Самая низкая чернь въ пантоминѣ гораздо искуснѣе даже Неаполитанцевъ. Сицилійцы, не говоря ни слова, движеніемъ глазъ, рукъ, ногъ и всего тѣла, объясняютъ мысли свои столь ясно и силью, что даже иностранецъ, не знающій ихъ языка, легко пойметъ о чемъ идетъ рѣчь. Начало сего обыкновенія приписываютъ тиранамъ Сиракузскимъ, которыя боясь заговоровъ, запрещали на сходбищахъ говорить другъ съ другомъ. Сіе, какъ думаютъ здѣсь, подало поводъ сообщать мысли чрезъ нѣмые знаки и живыя чувства, пламенное воображеніе Сицилійцевъ искуство сіе довело до совершенства. Сіи безмолвныя изъясненія, влюбленные, находящіеся подъ строгимъ надзоромъ, употребляютъ съ удивительною ловкостію и объясняются чрезъ оныя стольже удобно, какъ разговоромъ и письмомъ. На примѣръ: положивъ палецъ на верхнюю губу,

означаютъ симъ, *мущина*; показавъ обѣими руками на длинное платье означаютъ, *женщина*; показавъ одною рукою на косу, *дѣвица*; сложеніе пяти пальцевъ и поцѣлованіе ихъ, значитъ *прекрасная*; поцѣлованіе ладони и дуновеніе съ оной, значитъ *цѣлую тебя*; положеніе руки на сердце и вздохъ, значитъ *люблю тебя*; согласіе объясняется также. Ежели кто утретъ уста платкомъ, это значитъ *отказъ*; опуститъ глаза внизъ, сіе означаетъ *сомнѣніе*; движеніе головою, послѣ сомнѣнія значитъ: *не вѣрю, что любишь меня*, а предъ онымъ означаетъ *не понимаю* или вопросъ, *что такое? повтори еще. Ревность* означается грызеніемъ ногтей; укушеніе пальца, значитъ *злобу* или *угрозу*. Къ таковымъ и другимъ симъ подобнымъ знакамъ прибавляются цвѣты, изъ коихъ каждый имѣетъ свое значеніе и особаго рода телеграфъ дѣлаемый посредствомъ пальцевъ; къ облегченію любовныхъ сношеній и къ сообщенію мыслей и желаній придуманы всѣ возможныя средства.

Женщины вообще прелестны. Въ Италіи, особенно Палермитанки и Катаньезки, почитаются красавицами; ихъ называютъ: Bel Boccone! Въ лицѣ обоихъ половъ сохраняется и донынѣ нѣчто Греческое. Сициліанки подлинно прекрасны; онѣ высокаго роста, статны, имѣютъ полные живости пламенные черные глаза, и, что удивительно для столь жаркаго климата, очень бѣлы; сему конечно обязаны онѣ чистотѣ, свѣжести и тонкости воздуха. Къ тому (говоря о Палер-

митанкахъ, которыхъ больше знаю) всѣ онѣ любезны, ловки, всегда веселы и милы въ полномъ смыслѣ сего слова. Не смотря на то, что дѣвицъ 11 и 12 лѣтъ ошдаютъ за мужъ; не смотря на то, что слишкомъ рано начинаютъ здѣсь чувствовать нужду любить, не смотря даже на расточеніе, женщины и въ 30 лѣтъ, стольже свѣжи и прелестны какъ и въ осьмнадцать. Напротивъ того дѣвицы около сихъ лѣтъ очень блѣдны и томны. Красота, сей даръ неба, конечно сохраняется благоразтвореннымъ воздухомъ; въ Сициліи же, какъ мнѣ кажется, наиболѣе къ тому способствуетъ нѣга, образъ праздной и беззаботной жизни, страсть къ удовольствіямъ и всякія удобности къ удовлетворенію склонностей сердца. Женщины почти вступили здѣсь въ права мущинъ, въ любви господствуютъ здѣсь своенравіе, прихоти, иногда мода, рѣдко пщеславіе, а еще реже корыстолюбіе; напротивъ мущины не стыдятся жить на счетъ увядшихъ прелестей. Любовь большаго свѣта есть пламенникъ непродолжительно горящій, рѣдко освѣщаетъ онъ нѣсколько мѣсяцовъ, еще рѣже годъ или два; чаще же всего погасаетъ въ одинъ день, или въ двѣ, три недѣли. Быть невѣрнымъ почитается здѣсь бо́льшимъ преступленіемъ, нежели быть невѣрною. Мущинѣ непозволительно здѣсь отказаться отъ любви прежде, нежели его уволяютъ отъ оной; однакожъ на сіе непостоянство не многіе жалуются; ибо перемѣнчивый вкусъ обоимъ поламъ равно

нравится. Модныя дамы свободно говорятъ о своихъ любезныхъ; мужья благосклонно принимаютъ друзей жены; мать добродушно признается, что дочь ея влюблена и выговариваетъ сіе не краснѣя, точно такъ какъ бы у насъ она сказала: у нее болитъ голова.

Супружескія обязанности не имѣютъ никакой цѣны. Счастливыя супружества случаются болѣе въ нижнемъ классѣ; рѣдко, и какъ бы не взначай, въ знатномъ; наложничество же въ среднемъ классѣ почти общее. Отцы, матери, мужья и братья не дорожатъ честію дочерей, женъ и сестеръ; многіе даже явно ими торгуютъ. Родители выдавая замужъ дочерей малолѣтныхъ, не допускаютъ дѣлать выбора по сердцу. При подписаніи свадебныхъ контрактовъ выговаривается, что она можетъ въ послѣдствіи избрать себѣ кавалеръ-Сервенте, или тутже съ ея согласія назначается въ сію должность одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ. Кавалеръ Сервенте есть законный посредникъ между мужемъ и женою, попечитель и ходатай по всѣмъ ея дѣламъ; приданое жены мужъ долженъ обезпечить залогомъ своего имѣнія. По симъ связямъ, Кавалеръ-Сервенте, получая нѣкоторую власть надъ мужемъ, конечно удобнѣе другихъ соискателей, можетъ пріобрѣсть благосклонность его супруги. Но склонности сердца не подлежатъ законамъ и Кавалеръ-Сервенте ничего болѣе не значитъ, какъ родственникъ или другъ участвующій въ домашнихъ дѣлахъ. О Чичи-

сбеяхъ у насъ толкуютъ превратно. Чичисбей по Руски сказать есть обожатель, котораго однакожъ не всегда обожаютъ. Подъ общимъ именемъ Чичисбеевъ разумѣются здѣсь пять, шесть и болѣе особъ, которыя составляютъ кругъ знакомства дамъ большаго свѣта; каждый изъ нихъ имѣетъ свою должность или ролю; напримѣръ знатный старикъ для поддержанія связей, богатый для займу, Кавалеръ-Сервенте для услугъ, ученый, поэтъ или любитель музыки для препровожденія времени; если въ числѣ сего домашняго штата, находится миловидной молодой человѣкъ или два, три, то настоящаго Чичисбея въ милости находящагося легко отличить можно; онъ обыкновенно сидитъ раскинувшись на софѣ, плюетъ на шелковый коверъ или насвистываетъ двусмысленную арію. Наконецъ одинъ изъ Чичисбеевъ называется il Patito, (страдалецъ). Участь сего Селадона подлинно жалости достойна: вздыхая, сгарая страстію по пустому, онъ долженъ съ терпѣніемъ сносить насмѣшки другихъ угодниковъ. Сіе множество соперниковъ, большею частію довольствуются однимъ ласковымъ взглядомъ, живутъ мирно и не смѣютъ ссориться. Ловкость есть свойство общее здѣшнимъ женщинамъ. Если онѣ такимъ образомъ на свободѣ и отъ скуки забавляются, то и самая виновная жена не прибѣгаетъ къ обману и лжи; ибо невѣрность не почитается здѣсь смерт-

нымъ грѣхомъ, и развращенность сія никакимъ дальнѣйшимъ преступленіемъ не обезображивается. Но, спросятъ, чтожъ такое Кавалеръ-Сервенте? Какія его права и до какой степени оныя простираются? Комедія: *жена двухъ мужей*, служитъ сему лучшимъ отвѣтомъ. Здѣсь столько женъ, имѣющихъ двухъ мужей, сколько есть женщинъ. Для дамы столь же неприлично показаться въ обществѣ безъ Кавалеръ-Сервенте, сколько придти въ собраніе съ мужемъ. Кавалеръ-Сервенте обязанъ сопровождать даму всюду, долженъ увеселять или наскучивать ей вездѣ, имѣть во всякій часъ свободный къ ней входъ, и мужья нимало о семъ не безпокоятся. Сіи полусупружескія связи бываютъ по любви, но чаще по расчетамъ. Модный мужъ имѣетъ свое общество, и между тѣмъ, какъ жена окружена молодыми людьми, онъ ищетъ занятій внѣ дома, ищетъ случая воспользоваться чужою собственностію; почему и справедливо, если жена платитъ ему тою же монетою. Словомъ супруги съ общаго согласія живутъ независимо другъ отъ друга; каждый слѣдуетъ своимъ склонностямъ, и вотъ одна причина, по которой тишина семейственной и общественной жизни нимало у нихъ не нарушается.

Такой обычай имѣетъ однакожъ великія неудобства. Отецъ не можетъ назвать дѣтей жены своими, и сія неизвѣстность часто не подлежитъ и малѣйшему сомнѣнію; холодность

къ дѣтямъ есть слѣдствіе онаго. Въ такихъ супружескихъ союзахъ, кои дѣлаются для приличія, и продолжаются по нуждѣ, въ коихъ нѣжная любовь не имѣетъ никакого участія, въ такихъ, говорю союзахъ нѣтъ никакаго удовольствія супружества; ибо они не связуются дѣтьми, которыхъ только одна жена, а не мужъ можетъ назвать своими. Трудно найти союзъ, не имѣющій ни сладостей любви, ни утѣшенія брака. Италіянцы нашли его, они называютъ сіе *Чичизбеизмолъ*.

Впрочемъ нѣкоторыя модныя дамы окружаютъ себя Чичизбеями только по тому, что такъ водится; другія же и конечно многія изъ одного кокетства, только для того, чтобы нравиться, кружить головы и дурачить старичковъ, которыхъ иногда на порожнее мѣсто избираютъ они своими Кавалеръ-Сервентами, дабы они берегли ихъ отъ наглецовъ, и къ сему обыкновенно избираются такіе почтительные люди, которые уже давно перестали быть дерзкими. За всѣмъ тѣмъ и при такомъ упадкѣ нравственности истинная любовь и здѣсь случается; вопреки общаго разврата пламенникъ непорочной страсти также воспламеняетъ сердца и счастіе супруговъ также бываетъ здѣсь продолжительно, какъ и вездѣ.

Знатныя дѣвицы воспитываются, подъ надзоромъ матерей, наставницами; только не-

достаточные отцы, слѣдуя общему въ Италіи обыкновенію, отдаютъ дочерей до возраста въ Монастырь. Сицилійскія Баронессы (*), имѣя хорошее воспитаніе, очень любезны въ обществѣ; онѣ привыкаютъ къ людскости съ малолѣтства, имѣютъ полную свободу въ обращеніи и преступленія, столь частыя въ Монастыряхъ, въ большемъ свѣтѣ не слышны или очень рѣдки. Родители не боятся здѣсь, чтобы дочь ушла; ибо нещастіе сіе случается только съ тѣми, которые не позволяютъ дочерямъ своимъ и словечко молвить, не смѣютъ выпустить ихъ изъ виду; въ общество привозятъ только на показъ. Такіе родители конечно не думаютъ о томъ, что ничто столько не возбуждаетъ молодыхъ особъ къ пороку, какъ запрещеніе невинныхъ забавъ. Потому-то Монастырки въ строгомъ заключеніи своемъ, ни о чемъ болѣе не помышляя какъ бы только скорѣе вырваться на волю, предаваясь мечтательности, какъ дѣти наряжающія куклу, въ воображеніи своемъ сотворяютъ себѣ близкаго къ оной суженаго и вышедъ въ свѣтъ влюбляются въ первую живую куклу, которая имъ встрѣтится.

Поэзія въ такомъ здѣсь уваженіи, что хотя невѣсты и увѣрены, что объявленіе любви прозою бываетъ искреннѣе, нежели сти-

---

(*) Здѣсь Дворянство вообще присвоетъ себѣ названіе Баронства.

хами; однакожъ женихъ, дѣлающій предложеніе стихами, получаетъ преимущество предъ тѣмъ, которой объяснился бы прозою. Поэзія Сицилійская, подобно пламенному ихъ небу, дышетъ нѣжностію, сладострастіемъ, украшается прелестными вымыслами, обнаруживающими духъ народа страстнаго къ изящному, и Сицилійцы въ изліяніяхъ лести, столько нравящейся прекрасному полу, по справедливости должны почесться природными и удивительными стихотворцами.

При бракахъ дворянства нѣтъ никакихъ суевѣрныхъ обрядовъ; но пышность и расточеніе на свадебныхъ пирахъ, по законамъ моды есть болѣе, нежели суевѣріе. Между простымъ народомъ наблюдается слѣдующее: по совершеніи бракосочетанія дружка подноситъ жениху и невѣстѣ большую ложку меду приговаривая: „живите въ согласіи и любви, будьте такъ счастливы, какъ сладокъ сей медъ.“ Очень бы не дурно, если бы къ меду примѣшивали чего нибудь горькаго, дабы чрезъ сіе вразумить молодыхъ, что въ рѣдкомъ супружествѣ не встрѣчаются непріятности, что путь жизни усѣянъ терніемъ и что нѣтъ розы безъ шиповъ. По выходѣ изъ церкви, новосочетавшихся сажаютъ на обвѣшанныхъ цвѣтами и лентами ословъ; сельская музыка, состоящая изъ волынокъ, кларнетовъ и флажолетъ, или гитары начинаетъ играть ве-

селыя пѣсни; сватъ и дружка, въ предвѣщаніе, что супруги будутъ имѣть многихъ дѣтей, безпрестанно до самаго дому, жениха бросаютъ на молодыхъ горстями пшеницу. Сіе предвѣщаніе самымъ дѣломъ исполняется; ибо Сицилійскія женщины очень плодородны; многія имѣютъ по 20 дѣтей, а другіе какъ увѣряютъ Фацелло и Каррера раждаютъ до 40. Обычай посыпать новобрачныхъ пшеницею сохранился отъ языческихъ временъ; ибо тоже самое употреблялось при служеніи Церерѣ, которая почиталась первымъ божествомъ острова Сициліи. Наконецъ въ ознаменованіе терпѣнія и умѣренности, молодыя за столомъ не должны ѣсть, послѣ же обѣда, дабы напомнить мужу, что онъ въ новой жизни пріемлетъ на себя трудныя обязанности и заботы, отецъ молодой подаетъ ему кость съ сими словами: „обгложи ее, и вѣдай, что та кость, которую глодать тебѣ предстоитъ, гораздо тверже и труднѣе къ сваренію.“ Жениться въ Маіѣ Мѣсяцѣ, почитаемомъ несчастнымъ, крайне стараются избѣгать. Суевѣріе сіе перешло отъ Римлянъ ко многимъ Европейскимъ народамъ, и хотя не вѣрятъ сему точно, такъ какъ первому числу Апрѣля, однакожъ оно и донынѣ въ употребленіи.

Сицилійцы въ пищѣ умѣренны и воздержны; мяса употребляютъ очень мало; зелень, плоды, рыба и разнаго рода сладкія кушанья составляютъ самый роскошный ихъ столъ.

Большое употребленіе мороженаго и лимонада, въ столь жаркомъ климатѣ, служитъ къ прохлажденію, и, какъ Врачи увѣряютъ, къ укрѣпленію желудка; но излишество разныхъ прохладительныхъ, приправленныхъ пряными зеліями, производятъ болѣзнь называемую здѣсь Umori Salsi, отъ скопленія кислотъ происходящую. Продажа льду и снѣга доставляетъ великую выгоду; ибо сохраненіе онаго стоитъ большихъ трудовъ. Въ зимнее время, когда на горахъ выпадаетъ снѣгъ, лежащій только нѣсколько часовъ, крестьяне какъ нѣкую драгоцѣнную манну смѣтаютъ и набиваютъ онымъ пещеры на вершинахъ горъ находящіяся, и помощію воды и соли тотчасъ претворяютъ снѣгъ въ ледяную массу, которой будучи тщательно закрытъ отъ солнца, сохраняется довольно долгое время; но какъ не каждый годъ выпадаетъ на горахъ снѣгъ, то и неудивительно, что ледъ бываетъ иногда столь же дорогъ, какъ сахаръ. Пьянство почитается величайшимъ порокомъ, и хотя съ перваго взгляда на народъ, судя по ихъ восторгу и веселости, покажется оный иностранцу причастнымъ сему пороку; но мнѣ никогда не случалось видѣть, даже изъ черни, пьянаго валяющагося на улицѣ.

Дворянство одѣвается по Англински; дамы слѣдуютъ Парижскимъ модамъ. Палермская чернь и вообще во всѣхъ приморскихъ городахъ носятъ матрозкое платье и кра-

сной шерстяной колпакъ; крестьяне же и въ самые жары не скидаютъ своихъ толстыхъ бурокъ съ Капуцинскимъ капишономъ, которой очень удобенъ въ должливую погоду; въ холодное время надѣваютъ по двѣ и по три бурки. Таковая одежда предохраняетъ ихъ отъ опасныхъ въ семъ климатѣ простудъ; ибо въ горахъ во время сильнаго зноя простирающагося до 70, а при Сироко до 80 и болѣе градусовъ, теплый вѣтръ вдругъ перемѣняется на холодный. Въ женскомъ нарядѣ сохранилось нѣчто Греческое. Поселянки весьма ловко носятъ покрывала, и станъ перевязываютъ кушакомъ.

Сицилійцы, какъ въ чертахъ лица, такъ и характерѣ сохраняютъ какую-то суровость; судя, по наружности и дѣламъ, это еще тотъ самый народъ, который обагрилъ руки на Сицилійской вечери. Въ 1800 году, когда Французскія войска возвращались по договору изъ Египта, одно транспортное судно остановилось въ Агостѣ; 93 Французскихъ солдата, не умѣвщихъ снести грубыхъ насмѣшекъ, были побиты каменьями и кинжалами. Въ Палермѣ, съ Турками случилось подобное же несчастіе, и еслибы не было тамъ Адмирала Ушакова, командовавшаго тогда соединеннымъ Россійскимъ и Турецкимъ флотомъ, то приведенные въ бѣшенство Турецкіе матрозы, изъ коихъ у одного воръ среди дня и въ лавкѣ вырвалъ изъ рукъ кошелекъ съ деньга-

ми, то могли бы произвести ужасное кровопролитіе. Народъ хотя и зависитъ отъ Дворянства и Духовенства, однакожъ страхъ кинжаловъ воздерживаетъ несправедливость и притѣсненія и дѣлаетъ господъ ихъ кротkими и снисходительными. Поселяне не столько лѣнивы, каковыми почитаютъ ихъ нѣкоторые путешественники. Порокъ сей принадлежитъ черни скитающейся въ большихъ городахъ; убійство и воровство которой происходятъ не отъ избѣжанія горести или нужды; но отъ привычки къ разсѣянной и развратной жизни. Многіе преступники признавались, что они совершили убійства единственно для того, чтобы на одинъ вечеръ доставить себѣ удовольствіе. Сіи такъ называемые Лозарони бродятъ по улицамъ, просятъ милостыню, и если иногда въ нуждѣ выработываютъ что нибудь на пристани, то всѣ деньги несутъ въ шинокъ, нанимаютъ подругу, которыхъ весьма много, пьютъ съ нею, поютъ и пляшутъ, и какъ говорятъ они ,,наслаждаются жизнію.“ Печальная мысль, что болѣзнь и старость лишитъ пропитанія, никогда не безпокоитъ его воображенія; ибо состояніе нищаго старца, по похвальной набожности богатыхъ, есть самое беззаботное въ разсужденіи пищи и пріюту. Правительство не имѣя способовъ занять работою такое множество тунеядцевъ, не въ силахъ отвратить многія убійства ими совершаемыя; однакожъ

со времени пребыванія Короля въ Палермѣ оныя случаются не столько часто какъ прежде. Ночью по всѣмъ улицамъ и переулкамъ стоятъ драгуны на лошадяхъ и съ заряженными ружьями; въ 10 часовъ запираютъ шинки, чернь прогоняютъ въ подвалы и никому безъ фонаря не позволяютъ ходить по улицамъ. При правленіи Вицероевъ нанять убійцу стоило не болѣе 100 и 150 рублей, теперь же по строгости полиціи и за тысячу такое злодѣйство рѣдко купить можно.

Сицилійцы не смотря на то, что столько преданы удовольствіямъ и праздности, не утратили еще, подобно Италіянцамъ, военнаго духа. Они, любя забавы, не потеряли изъ виду отечества, и хотя военное званіе не въ такомъ уваженіи, какъ бы надлежало ему быть; однакожъ на храбрость солдатъ и усердіе народа, Король можетъ надѣяться, и въ случаѣ нужды можетъ оными воспользоваться.

Церковные обряды на Страстной и въ недѣлю Пасхи.

Народъ набоженъ и церкви всегда полны; но какъ служба отправляется на Латинскомъ языкѣ, то исповѣдываться и пріобщаться, не пропускать обѣдни или вечерни, особливо когда бываютъ освѣщенія и концерты, значитъ имѣть вѣру и быть усерднымъ Католикомъ. Какъ наибольшая часть народа не

читаетъ почти ни какихъ книгъ Священнаго писанія, то духовенство почитаетъ нужнымъ занимать его наружными обрядами, какъ то: ходами, фейерверками и музыкою. Каждый городокъ имѣетъ особенную какую либо церемонію своего изобрѣтенія и не входящую въ постановленныя общія всѣмъ церковныя торжества. Если такая вѣра не просвѣщаетъ народъ, то въ семъ наружномъ Богопоклоненіи онъ находитъ все нужное, дабы безъ ложныхъ умствованій, въ простотѣ сердца быть Христіаниномъ.

Въ Палермѣ кромѣ 46 мужескихъ и 25 женскихъ монастырей считается 121 церковь; онѣ принадлежатъ разнымъ орденамъ монашества. Въ престольные праздники всякой почти день бываетъ въ городѣ пальба и церемоніальный ходъ, причемъ монахи того прихода убранствомъ церкви или музыкою, изъ лучшихъ виртуозовъ, первыхъ пѣвицъ и пѣвцовъ составленную, стараются привлечь болѣе народа, и дабы превзойти или сравняться съ богатѣйшими монастырями, расточаютъ на сіи праздники великія суммы. Я не стану говорить о многихъ торжествахъ, какъ то о праздникѣ тѣла Божія (Corpus Domini), Рождества Христова, умовенія ногъ, общихъ всѣмъ Католикамъ, не упомяну о славномъ торжествѣ святой Розаліи, а замѣчу только объ обрядахъ на Страстной и въ недѣлю Пасхи совершаемыхъ, какъ такихъ, которые не были еще описаны ни однимъ путешественникомъ.

Въ первую недѣлю поста, чрезъ повѣстки объявляется, во первыхъ о нужномъ покаяніи, запрещеніи или позволеніи употреблять въ пищу мясо или молочное; потомъ извѣщаютъ о прибытіи въ городъ какого либо славнаго и извѣстнаго проповѣдника, который въ такой-то церкви на примѣръ и въ такой день будетъ говорить на такой-то текстъ. Проповѣди начинаются со второй недѣли и бываютъ каждый день по очереди во всѣхъ церквахъ. Какъ оныя говорятся на Итальянскомъ языкѣ, то посему стеченіе народа бываетъ великое. Одинъ прибывшій изъ Мессины проповѣдникъ, не помню его имени, имѣетъ истинный даръ слова; онъ говорилъ всегда отъ глубины души такъ убѣдительно, такъ при томъ краснорѣчиво, что слушатели не одинъ разъ приведены были въ умиленіе и плакали. Въ первой рѣчи о покаяніи, онъ съ такимъ чувствомъ бросился на колѣни предъ распятіемъ, съ такимъ жаромъ прижалъ оное къ груди, заплакалъ, зарыдалъ, что я не привыкнувъ еще къ столь смѣлымъ движеніямъ, неупотребляемымъ на нашихъ кафедрахъ, невольно со всѣми прочими со скамьи опустился на колѣни. Упомянувъ о смѣлыхъ движеніяхъ прибавлю, что если бы оныя употреблялись токмо въ исступленіи восторга, то были бы приличны, но какъ Итальянскіе проповѣдники почитаютъ нужнымъ помогать себѣ во всѣхъ случаяхъ пан-

томимою, то по святости мѣста, оная кажется не вездѣ кстати. Къ чему на примѣръ служитъ, когда проповѣдникъ обращаясь къ алтарю или Распятію, представляетъ будто онъ ходитъ по кафедрѣ длиною не болѣе 5 или 6 шаговъ; если говоритъ онъ къ слушателямъ, то иногда совсѣмъ перевѣшивается чрезъ перила или угрожая грѣшникамъ машетъ на нихъ платкомъ; если же рѣчь обращаетъ онъ къ одному лицу, то положивъ предъ собою на поручень свою шапочку, дѣлаетъ видъ будто садится, облокачивается и разговаривая перемѣняетъ голосъ.... Словомъ, если проповѣдникъ не искусенъ, то сія пантомима не только не прилична, но даже непозволительна.

Въ чистой четвертокъ съ утра началось въ городѣ великое движеніе. У нѣкоторыхъ церквей и по большему проспекту поставлены были восковыя статуи въ группахъ, изображающія страсти Христовы; тутъ Искупитель молится въ вертепѣ, тамъ Іуда продаетъ его воинамъ, тутъ приводится онъ на судъ къ Пилату, и такъ далѣе.... Апостолы, Архіереи, книжники, Римскіе воины и народъ облечены въ великолѣпныя и настоящія того времени одежды; статуи отличнымъ образомъ отрабопіаны и всѣ кажутся живыми. Когда Архіепископъ читая Евангеліе произнесъ: „земля потрясеся и завѣса церковная раздрася,“ въ Соборѣ ударомъ колоко-

ла возвѣстили о началѣ Церковнаго траура. Съ сего времени до воскресенія Христа, не позволяется выѣзжать въ экипажахъ, звонъ умолкаетъ, всѣ дамы и кавалеры являются въ глубокомъ траурѣ, изъ оконъ вывѣшиваются черные ковры. Король съ непокровенною главою и вся Королевская фамилія, въ сопровожденіи придворнаго штата, въ траурныхъ робахъ, пѣшкомъ посѣтили Соборъ и другія церкви; вечерню слушали въ женскомъ монастырѣ св. Цециліи. Хоръ молодыхъ воспитанницъ, скрытыхъ отъ любопытнаго взора за непроницаемымъ занавѣсомъ, пѣвшихъ на хорахъ, восхитили всѣхъ слушателей. Въ 9-ть часовъ, когда я вышелъ изъ церкви, въ самой срединѣ города находящейся, былъ я остановленъ и изумленъ блескомъ освѣщенія двухъ главныхъ улицъ. Между тротуаровъ поставлены были аркады, а между оными въ равныхъ разстояніяхъ пирамиды и столбы, первыя увѣшаны были разноцвѣтными фонарями, послѣднія уставлены плошками, вдали четверо Палермскихъ воротъ горѣли сплошнымъ огнемъ. До двухъ часовъ ночи на улицахъ была такая тѣснота, что вездѣ надобно было съ трудомъ продираться, дворянство сопровождаемо было множествомъ слугъ, несущихъ предъ ними пылающіе факелы, служеніе продолжалось до свѣта, и всѣ церкви, не смотря на то, что безпрестанно переходили изъ одной въ другую, были полны народа.

Въ пятницу, въ четыре часа послѣ обѣда, началась великая процессія погребенія Христа. Обрядъ сей вкупѣ благочестивъ и великолѣпенъ. Я былъ изумленъ освѣщеніемъ Собора, восхищенъ пѣніемъ и музыкою, и до глубины души тронутъ погребеніемъ. Отъ дворца до Собора, войска поставлены были въ двѣ линіи; знамена, пушки и барабаны увиты были чернымъ одѣяніемъ; дорога, гдѣ долженъ былъ итти Король и его фамилія, устлана была краснымъ сукномъ. Не смотря на то, что я пришелъ въ Соборъ еще за два часа до службы, едва могъ протолкаться до хорошаго мѣста. Церковь была убрана и освѣщена такъ, что, признаюсь, я никогда не видалъ ничего сему подобнаго. Обращая вокругъ себя изумленный взоръ, казалось мнѣ, что я находился въ чертогѣ небесномъ, гдѣ солнце и всѣ планеты, въ обширныхъ сводахъ церкви помѣщеныя, освѣщали оную. Церковные огромные своды увѣшаны были зеркалами, окна закрыты прозрачными картинами, изображающими страданія Христовы; стѣны обиты чернымъ сукномъ, усѣяннымъ звѣздочками, изъ золотой и серебренной бумажки съ фольгою; колонны увиты бѣлою и черною тафтою. Посреди церкви противу главнаго алтаря на обитомъ бархатомъ подъ балдахиномъ катафалкѣ, усыпанномъ перлами и драгоцѣнными каменьями, несомомъ Херувимами и Ангелами, стояла изъ

камня изсѣченная гробница и въ ней лежалъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ. Богородица у подножія гробницы въ глубокой горести на ступеняхъ катафалки пала ницъ, Іосифъ поставленъ у головы, два Апостола стоятъ съ боковъ также въ печальномъ положеніи. При такомъ убранствѣ надобно представить себѣ по крайней мѣрѣ 10,000 восковыхъ свѣчъ, горящихъ подъ сводами въ хрустальныхъ люстрахъ, предъ тринадцатью алтарями и вокругъ катафалки въ большихъ канделабрахъ; свѣтъ сей отражаяся отъ зеркальныхъ сводовъ разливалъ такой ослѣпительной блескъ, что церковь казалась быть объята пламенемъ. Громъ барабановъ возвѣстилъ шествіе Короля, Архіепископъ встрѣтилъ Его Величество въ портикѣ и служба началась. Я былъ внѣ себя отъ музыки, но когда пѣли стихъ „благообразный Іосифъ,“ то я до того былъ растроганъ, что едва могъ удерживать слезы. По окончаніи службы гробъ вынесли изъ церкви и поставили на погребальную колесницу. Король, Архіепископъ и два Принца крови, подняли съ престола драгоцѣнную плащаницу, унизанную бриліантами и жемчугомъ, и покрыли оною гробъ Спасителя. Шествіе началось слѣдующимъ порядкомъ: впереди шли со знаменами цѣхи ремесленниковъ, за ними дворянство, градоначальники; потомъ духовенство, за коимъ эскадронъ Римскихъ всадниковъ; Евреи и Римскіе воины окружали огромную коле-

сницу везомую двенадцатью лошадьми, за гробницею непосредственно шелъ Король съ своею фамиліею, за нимъ отрядъ гвардіи, и наконецъ народъ. Представте себѣ нѣсколько тысячъ факеловъ, представте себѣ мелодическіе звуки тысячи инструментовъ и голосовъ, представте болѣе 100,000 народа, толпящагося по улицѣ, стоящаго у оконъ и на крышахъ домовъ, и можете вообразить благоговѣйное впечатлѣніи, какое въ душѣ Христіанина должно произвесть сіе священное шествіе, толь близко напоминающее о смерти Спасителя нашего. По чрезвычайной тѣснотѣ я не могъ итти за колесницею, которая объѣхавъ главныя улицы возвратилась въ Соборъ и церемонія кончилась. Служба, какъ и въ четвертокъ, продолжалась во всю ночь; народъ переходя изъ церкви въ церковь прикладывался къ плащаницѣ, и самые бѣдные клали на оную что нибудь въ пользу нищихъ, даже и сіи удѣляли отъ милостыни своей; духовенство, въ чести ихъ сказать должно, не токмо не пользуется симъ значительнымъ сборомъ, но прибавляетъ еще свои деньги, дабы въ день Пасхи, надѣлить оными всѣхъ нищихъ своего прихода.

Въ субботу въ три часа послѣ обѣда, пушечные громы съ кораблей и крѣпостей, ужасная стукотня Марсова огня у каждой церкви, возвѣстили о воскресеніи Христовомъ. Въ Италіи для пальбы употребляются чугун-

ныя моршрки, называемыя *Масколи*; ихъ заряжаютъ малымъ количествомъ пороха, забиваютъ дуло мягкаго дерева клиномъ и кладутъ въ одинъ или нѣсколько рядовъ, такъ что между каждыми девятью малыми помѣщается большая моршрка, отъ чего мушкетный огонь малыхъ и пушечная пальба большихъ, происходитъ совершенно правильно. Для произведенія Марсова огня, кладутъ Масколи въ улиточную черту или въ четвероугольники сходящіеся въ одинъ центръ; помощію разстояній соблюдается мѣра времени, звукъ грома увеличивается какъ величиною моршрокъ, такъ и постепеннымъ отъ краевъ къ центру прибавленіемъ числа оныхъ. Проводникъ напитанный мякотью кладется на затравки, и зажигается съ конца; огонь бѣжитъ по нишкѣ, отъ чего не можетъ случиться, чтобы какая Масколи не выстрѣлила. За недостаткомъ чугунныхъ употребляются глиняныя моршрки. По причинѣ дурной погоды, а болѣе боясь въ пѣснощѣ повредишь раненую руку, я не видалъ церемоніи, въ день Пасхи совершаемой. Освѣщенія, продолжавшіяся во всю Святую недѣлю, были съ отмѣннымъ вкусомъ. На Толедо и Кассаро, во всѣхъ домахъ и въ каждомъ окнѣ поставлены были транспаранты, которые будучи освѣщенны сзади поставленными лампами, представляли по обѣимъ сторонамъ улицы каршины, столь хорошія, что думаешь, будшобы находишся въ эрмишажѣ.

Въ понедѣльникъ на Святой, переходя изъ церкви въ церковь, разсматривалъ я убранства оныхъ и не могъ одну другой предпочесть; однакожъ соборная понравилась мнѣ болѣе прочихъ. Колонны въ оной увиты были гирляндами искуственныхъ цвѣтовъ, алтари и образа душистыми цвѣтами, стѣны обложены зеленью перемѣшанною блестящею фольгою и разноцвѣтными бумажками. Въ продолженіи семи дней Пасхи, во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ собирается милостыня для бѣдныхъ, обычай достойный общаго подражанія. Предъ окончаніемъ литургіи и въ продолженіи концерта, три прекраснѣйшія дѣвицы, по собственному ли благочестію или по выбору, того не знаю, подходятъ къ алтарю; Священникъ подаетъ одной серебряное блюдо, покрываетъ ее покрываломъ и благословя налагаетъ на голову цвѣточной вѣнокъ; другія двѣ украшаются чрезъ плечо гирляндою изъ розъ; всѣ три вмѣстѣ ходятъ по церкви и кто положитъ на блюдо монету, то двѣ крайнія, держащія концы покрывала, одна за другою, потупивъ взоръ, кланяются и идутъ далѣе. Слѣдуя здѣшнему обыкновенію, я приготовилъ нѣсколько грошей; но признаюсь, по мѣрѣ, какъ дѣвицы ко мнѣ приближались, я прибавлялъ гривну къ гривнѣ, а когда онѣ ко мнѣ подошли, положилъ червонецъ, и тѣмъ заставилъ всѣхъ трехъ взглянуть на себя. Между тѣмъ,

пока собирается милостыня, на дворѣ монастырскомъ или позади церкви нищіе приглашаются за общую трапезу, предъ окончаніемъ которой дѣвицы, какъ ангелы утѣшители выходятъ къ нимъ и раздѣляютъ собранное каждому поровну. Другой способъ собиранія милостыни доставляетъ бѣднымъ значительнѣйшее пособіе. Знатнѣйшія дамы, пользующіяся наибольшимъ уваженіемъ, принимаютъ на себя обязанность приглашать къ сему благородному дѣлу всѣхъ желающихъ къ подпискѣ. Въ семъ году, собирала милостыню Принцесса Патерно; я встрѣтилъ ее однажды ѣдущую по Толедо, въ открытомъ Лондо и въ шесть лошадей; она имѣла на себѣ черное покрывало, предъ нею поставлено было распятіе; народъ сопровождалъ ее благословеніями; она часто останавливалась, входила въ домы и принимала даже отъ проходящихъ всякую бездѣлицу; и такимъ образомъ какъ меня увѣряли, въ недѣлю собрала 100,000 рублей, которые въ Воскресенье розданы были ею неимущимъ частію деньгами, другимъ ссудою, инымъ одеждою и хлѣбомъ; сверхъ того она угощала на дворѣ своего дома три тысячи нищихъ.

Въ Субботу на Страстной, вмѣсто статуй, изображающихъ страсти Христовы, въ богатыхъ алковахъ поставлены были восковыя отличной работы изображенія Богородицы со вкусомъ и великолѣпно одѣтой. Предъ сими алковами отъ утра до вечера

въ продолженіе недѣли Пасхи, музыка состоящая изъ Калабрійскихъ волынокъ не умолкала, а къ перемѣну оной, нищіе пѣли гимны и просили милостины. Театральные, полковые и церковные музыканты, также какъ у насъ въ новый годъ, ходятъ по домамъ поздравлять съ праздникомъ. Въ заключеніе замѣчу объ одномъ обрядѣ достойномъ особаго вниманія. Въ Субботу на святой недѣли, Король по представленію Уголовнаго суда, прощаетъ (изключая смертоубійцъ) нѣсколько преступниковъ. Обрядъ сей, называющійся очищеніемъ преступленія, совершается слѣдующимъ образомъ. На площади противу тюремнаго замка, ставится висѣлица, окруженная войсками. 12 избранныхъ преступниковъ въ цѣпяхъ и за конвоемъ, выводятся изъ тюрьмы такимъ точно порядкомъ, какъ бы они ведены были на казнь. Чиновникъ Уголовнаго Суда читаетъ имъ смертный приговоръ. Палачъ надѣваетъ на голову каждаго холстинные колпаки, и одного за другимъ подводя къ висѣлицѣ надѣваетъ петлю на шею; по данному знаку, тянутъ веревку, которая снимаетъ съ преступника колпакъ, тутъ объявляютъ ему, что Король беретъ на себя его грѣхъ и даруетъ ему прощеніе; войска дѣлаютъ на караулъ, бьютъ въ барабаны и вмѣстѣ съ народомъ кричатъ, да здравствуетъ Король! Послѣ сей церемоніи преступники идутъ въ церковь, приносятъ по-

каяніе, молятся съ колѣнопреклоненіемъ, пріобщаются Святыхъ Таинъ и увѣщеваются быть впредь честными, полезными обществу гражданами, и дабы тѣмъ заслужить Царскую милость. Въ церкви надѣваютъ на нихъ бѣлые саваны и съ музыкою водятъ по городу собирать подаяніе.

Дворянство.

Графъ Рожеръ, въ 1130 году признанный Папою Королемъ Сициліи, раздѣлилъ оную на три части; первую отдалъ Духовенству, вторую начальникамъ своего войска, третью оставилъ себѣ и симъ положилъ основаніе Феодальной системы, которая давно уже не существуетъ въ Европѣ, но въ Сициліи сохранилась и до сего времени. Дворянство или, какъ здѣсь называютъ, Баронство, составляя военное сословіе, за право владѣнія обязано, по первому требованію Короля, выходить въ поле съ опредѣленнымъ числомъ своихъ вассаловъ, и за сію обязанность имѣетъ преимущества *Mero et Mixto Imperio*, то есть власть осуждать на смерть своихъ подданныхъ, только съ тѣмъ ограниченіемъ, что прежде исполненія приговора, должно извѣстить Короля. Владѣтельнаго Баронства, имѣющаго сіе право, считается 378 особъ. Старшій сынъ

имѣетъ титулъ отца, младшіе называются Донъ, дочери Донна, что соотвѣтствуетъ Нѣмецкому Фонъ или Англинскому Лордъ и Леди. Въ Сициліи очень много Дворянства, не имѣющаго сихъ преимуществъ; почему первенствующее очень дорожитъ своею родословною; титла оныхъ суть слѣдующія: Князь (principe) Герцогъ, Графъ и Маркизъ. Хотя первые два и почитаются старшими послѣднихъ; но какъ имѣющіе Княжескія и Герцогскія титла, возведены въ сіе достоинство въ новѣйшія времена Филиппомъ II, и Карломъ V Испанскими Королями, а Графы происходятъ отъ древняго Нормандскаго дворянства, Маркизы же жалованы еще въ 15 столѣтіи отъ Короля Алфонса; то посему важность Сицилійскаго титула съ ихъ древностію, находится въ обратномъ содержаніи.

Сицилійское Дворянство, подобно Англинскимъ Лордамъ, любитъ странствовать по чужимъ землямъ. Тамъ занимая полезныя званія и обычаи, дворяне возвращаются домой безъ предразсудковъ и столько же какъ Духовенство упражняются въ наукахъ, наиболѣе въ словесности. При такомъ воспитаніи, и образѣ жизни они въ обращеніи не имѣютъ высокомѣрной Испанской гордости, напротивъ они очень внимательны къ иностранцамъ и въ вѣжливости не уступаютъ Французамъ, въ гостепріимствѣ же равняются Рускимъ. Щедрость ихъ къ бѣднымъ всякой похвалы достойна,

роскошь въ убранствѣ домовъ, или лучше своихъ дворцовъ, въ собраніи статуй, картинъ, библіотекъ, музеумовъ, особенно же страсть имѣть лучшій экипажъ и ливрею, производятъ удивленіе въ каждомъ путешественникѣ и должно отдать имъ справедливость, что во всѣхъ родахъ расточенія они показываютъ много знанія и болѣе вкуса, нежели сосѣди ихъ Неаполитанцы.

Духовенство.

Въ Сициліи считается три Архіепископа и восемь Епископовъ. Архіепископъ Палермскій, Примасъ Сициліи и глава духовенства въ Парламентѣ, имѣетъ 16,000 талеровъ (*) годоваго доходу; въ его Епархіи состоятъ Епископы: Жирженткій, Мацарскій и Мальтійскій. Архіепископъ Мессинскій имѣетъ наибольшую Епархію и меньшій доходъ; Епископы: Цефалу, Липари и Патти принадлежатъ къ его Епархіи. Архіепископъ Монтъ-Реальскій при малой Епархіи есть богатѣйшій Прелатъ Королевства. Годовой его доходъ простирается до 72,000 талеровъ. Епископы Катанскій и Сиракузскій принадлежатъ къ его

(*) Талеръ цѣною въ одинъ рубль, 20 копѣекъ серебромъ.

Епархіи. Губернаторъ Монтъ-Реальскій избирается отъ Архіепископа, ибо городъ есть его собственность.

Духовенство, получа отъ Короля Рожера третью часть острова, обладаетъ великими капиталами, кои не приносятъ Государству никакой пользы. Въ числѣ 1,700,000 полнаго населенія Сициліи, 500,000 полагается одного Священства; въ Палермѣ въ числѣ 180,000 жителей, считается 40,000 монаховъ; въ Мессинѣ въ числѣ 40,000 гражданъ почти половина монаховъ; потому и не должно удивляться, что въ городахъ улицы темнѣютъ отъ черныхъ ихъ одеждъ. Такое множество праздныхъ почти безъ всякаго занятія людей, изъятыхъ всякой повинности, живущихъ такъ сказать на счетъ народа, и ни чѣмъ не вспомоществующихъ Правительству, кромѣ частныхъ и произвольныхъ нищимъ подаяній, отъ которыхъ классъ сихъ тунеядцевъ ни мало не уменьшается, не только могутъ назваться безполезными членами общества; но такое великое число Монаховъ, есть причиною слабости правленія и многихъ безпорядковъ отъ оной происходящихъ. Свѣтская власть духовенства, бывшая причиною многихъ золъ, нынѣ очень ослаблена и хотя оно въ помѣстьяхъ своихъ, подобно дворянству, можетъ рѣшить частныя ссоры, но приговоры его не имѣютъ силы.

Народъ.

По малому населенію Сициліи и по рѣдкому плодоносію ея, можно судить о крайнемъ ушѣсненіи народа, который не столько лѣнивъ какъ вообще о томъ думаютъ. Народъ платитъ Дворянству извѣстную подать; зажиточные крестьяне берутъ помѣстья ихъ на откупъ; земля, на которой другіе крестьяне поселены, есть ихъ собственность; контракты на откупъ заключаются не менѣе какъ на 20 лѣтній срокъ. Если при семъ положеніи незатрудняемы были бы средства къ возможности пріобрѣтать и умножать стяжаніе, то Сицилійцы моглибы почесть себя счастливыми; но Дворянство, чрезъ происки съ давняго времени присвоивъ хлѣбную торговлю и сдѣлавшись Монополистами, разорили землепащцевъ; и хотя со времени пребыванія Короля въ Палермѣ употребляются всѣ средства къ истребленію сего закоренѣвшаго зла, но съ одной стороны продолжающаяся война на твердой землѣ, препятствуетъ благому намѣренію Короля, а съ другой, народъ обнищавши не можетъ такъ скоро поправиться. При всѣхъ употребляемыхъ поощреніяхъ, земледѣлецъ испытавъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, запрещеніе и позволеніе вывозить хлѣбъ не подлежитъ постоянному закону, и нынѣ по мѣрѣ ходатайства Англинскаго министерства у Двора, иногда

мгновенно перемѣняются, то неизвѣстность принесетъ ли урожай какой прибытокъ, побуждаетъ поселянина не слишкомъ стараться о улучшеніи земледѣлія. Лѣность и небреженіе его суть необходимыя слѣдствія слабости Правленія и злоупотребленій власти высшихъ чиновниковъ.

Народъ, живущій на землѣ плодоносной, влачащій жизнь въ крайней бѣдности, ищетъ другихъ средствъ къ пропитанію своему. Праздность, какъ мать пороковъ, пораждаетъ злодѣянія. Правительство не искореняя ихъ въ самомъ источникѣ, по медленности судопроизводства, въ нѣкоторомъ отношеніи поощряетъ преступленія, и многочисленныя шайки разбойниковъ, на свободѣ грабятъ внутреннія провинціи Сициліи. Въ уѣздныхъ городахъ, принадлежащихъ Дворянству и духовенству, нѣтъ никакой земской полиціи; ибо сіи властители почитаютъ себя въ замкахъ своихъ безопасными. Кромѣ приморскихъ городовъ, во всѣхъ другихъ нѣтъ ни одной роты солдатъ, малые отряды полицейскихъ сыщиковъ, находящихся въ городахъ Королю принадлежащихъ, будучи не въ силахъ воспрепятствовать разбоямъ, чрезъ послабленіе только обогащаются; потому-то здѣсь быть разбойникомъ и збиромъ почитается выгоднымъ ремесломъ. Путешественникъ не иначе можетъ сохранить жизнь и имущество свое, какъ нанявъ для сопровожденія се-

бя сильный отрядъ молодыхъ людей, которыхъ во всякомъ селеніи находится достаточное число и на честность и храбрость которыхъ совершенно положиться можно. Многіе изъ природныхъ жителей, платятъ разбойничему атаману за пропускъ и получаютъ отъ него билетъ, для безопаснаго проѣзда чрезъ извѣстное разстояніе. Еслибы что у нихъ было отнято, то по предъявленіи билета, все безъ малѣйшей утраты и замедленія будетъ возвращено или уплачено деньгами.

Правленіе (*).

Король Рожеръ по изгнаніи Сарациновъ изъ Сициліи, верховную власть поручилъ Парламенту, состоящему изъ слѣдущихъ трехъ Государственныхъ сословій: 1е, *Помѣстнаго Дворянства*, предводитель котораго Князь Бутеро есть наслѣдственный Призиденъ и непремѣнный Генералъ-Капитанъ военной силы; 2е *Духовенства*, состоящаго изъ трехъ Архіепископовъ, всѣхъ Епископовъ, Аббатовъ, Пріоровъ и Депутатовъ отъ разныхъ орденовъ числомъ до 70; Архіепископъ Палермскій есть глава духовенства. 3е *Представителей*

(*) Статья сія заимствована изъ краткаго описанія острова Сициліи неизвѣстнаго сочинителя, которая во Французскомъ изданіи прибавлена къ письмамъ Г. Брайдона о Сициліи и Мальтѣ.

народныхъ, назначаемыхъ Депутатами отъ 42 главныхъ городовъ и 310 малыхъ, принадлежащихъ Баронамъ. Каждый подданный, имѣющій собственность, при избраніи Депутатовъ подаетъ голосъ. Глава сего сословія (Bracio Domaniale) есть Преторъ или Градоначальникъ Палермы. Достоинство сіе въ великомъ уваженіи; ибо Преторъ въ отсутствіи Президента заступаетъ его мѣсто, и кромѣ того, какъ глава народныхъ представителей имѣетъ великое участіе въ правленіи. Парламентъ сей есть верховное судилище и всѣ власти ему подчинены; онъ налагаетъ подати и назначаетъ суммы разходовъ. Король имѣетъ право созывать и распускать Парламентъ по своей волѣ, чрезъ Канцлера онъ предлагаетъ на совѣщяніе онаго всякій новый законъ. Канцлеръ (il Protonotajo) предложивъ волю Короля и избравъ 12 Депутатовъ, называемыхъ защитниками народа, выходитъ изъ присутствія. Не смотря на сей обрядъ, власть Королевская содѣлываетъ рѣшенія Парламента безсильными.

Гражданское правленіе состоитъ изъ четырехъ Трибуналовъ. 1-й, *Кролевская Палата*, раздѣляемая на Гражданской и уголовный судъ, рѣшитъ окончательно всѣ дѣла. 2й *Трибуналъ Королевскихъ имуществъ* (Patrimonia del Re, o Della Regia Camera) управляетъ Королевскими доходами. 3й *Юнта* есть Мессинское городовое правленіе, учрежденное съ того времени,

какъ городъ сей лишенъ за возмущеніе великихъ своихъ преимуществъ. 4й *Консисторія*, рѣшитъ апелляціонныя дѣла или разсматриваетъ опредѣленія первыхъ двухъ Трибуналовъ. Совѣтники сихъ четырехъ Требуналовъ, судьи, Президенты, адвокаты и фискалы назначаются Королемъ.

Папа Евгеній III, предоставилъ Королю Рожеру права своего Легата; почему Короли Сицилійскіе издревле и одни изъ Католическихъ Королей въ духовномъ и свѣтскомъ отношеніи почитаются отъ Папъ независимыми. Въ слѣдствіе сего преимущества, владѣтели Сициліи для управленія дѣлъ, Папскому Легату присвоенныхъ, учредили духовный Трибуналъ называемый *la Monarchia Regia*, Трибуналъ сей состоитъ изъ четырехъ духовныхъ Министровъ, Доктора Каноническихъ правъ, называемаго Monsignor della Monarchia, Адвоката, Фискала и Прокурора. Аппелляціонныя духовныя дѣла окончательно рѣшатся въ семъ Трибуналѣ. Другое духовное судилище называется *Трибуналъ крестовыхъ походовъ*. Въ 1095 году Папа Урбанъ II, предоставилъ тѣмъ подданнымъ Христіанскихъ Государей, которые пойдутъ въ Палестину для завоеванія гроба Господня, многія преимущества, между прочими, позволеніе въ посты ѣсть молочное. Папа Александръ VI, новою буллою, по особенной благосклонности къ Королю Фердинанду Католику, подтвердилъ сіе преимущество для его подданныхъ Королевства Испаніи и

Сициліи. Архіепископъ Палермскій, какъ Примасъ духовенства, есть Генералъ-Коммиссаръ сего Трибунала, коему подлежатъ другіе во всѣхъ городахъ учрежденные. За позволеніе въ постъ употреблять молочное, Трибуналъ сей получаетъ ежегоднаго дохода до 600,000 рублей, которые обращаются на содержаніе галеръ или на выкупъ Христіанъ, въ плѣну у Турокъ находящихся.

Инквизиція существуетъ только по одному названію; власть сего судилища очень ограничена и пресѣчены всѣ способы къ злоупотребленіямъ. Не смотря на сіе, ни кто однакожъ не смѣетъ похваляться своимъ безвѣріемъ или превратно толковать приняные обряды вѣры. Судилище сіе и при первоначальномъ своемъ учрежденіи Испанскими Королями не смѣло употреблять тѣхъ жестокихъ средствъ, кои были въ обыкновеніи въ Испаніи и Италіи; народъ противился сему, дворянство не терпѣло, чтобы Испанскій монахъ самовластвовалъ надъ ними. Всѣ слишкомъ ревностные Инквизиторы, за малѣйшее насиліе, особенно, когда они дерзали входить въ разбирательство поведенія и мнѣній Баронства, неукоснительно были умершвляемы рукою убійцъ.

Городъ Палерма, по древнимъ своимъ преимуществамъ, управляется особымъ *Сенатомъ*, состоящимъ изъ Претора и шести Сенаторовъ. Преторъ сверхъ сего управляетъ хозяйственною частію и есть глава народныхъ пред-

ставителей въ Парламентѣ. Сенаторы, избираемые изъ Грандовъ Испанскихъ первой степени, подобно Римскимъ Сенаторамъ, носятъ пурпуровыя тоги. *Въ уголовномъ судѣ* предсѣдательствуетъ такъ называемый Юстицъ-Капитанъ; онъже есть и Предводитель дворянства. Въ *Преторіанскомъ судѣ* засѣдаютъ трое судей, избираемыхъ погодно Королемъ изъ Палермскихъ гражданъ; они присутствуютъ также въ уголовномъ судѣ и, участвуя въ распоряженіи городовыхъ доходовъ, состоятъ въ повелѣніи Претора.

Законы и судопроизводство.

Сицилійскіе законы, разсѣяны и смѣшаны во многихъ старыхъ толстыхъ томахъ и кипѣ новыхъ указовъ, которые въ рукахъ судей, подобно Хамелеону, принимаютъ на себя всякой цвѣтъ и измѣняютъ оный въ тѣхъ вещахъ, къ коимъ приближаютъ они сіе животное; ибо одна власть, которая превыше всѣхъ законовъ, не судитъ, а только соглашается, что всякой цвѣтъ хорошъ. Власть сія иногда видитъ, что безпорядки со дня на день умножаются, что болѣзнь въ тѣлѣ Государственномъ укореняется; слышитъ вопли страдающихъ; знаетъ, что для пресѣченія сего зла надобно принять на себя нѣкоторой трудъ, или стоитъ только пожелать онаго; но предполагая отъ излишняго напряженія силъ своихъ болѣе вреда, нежели пользы, не дѣлаетъ ни-

какого движенія... И такимъ образомъ борясь между предположеніями и сущностію, не замѣчаетъ смятенія, не внемлетъ стонамъ, привыкаетъ къ немощи, и излѣченія оной ожидаетъ отъ случая, или повѣряетъ его такимъ людямъ, кои для пользъ своихъ, единственно стараются о продолженіи болѣзни.

Судопроизводство въ Сициліи есть самая недостаточная, самая запутанная часть народоправленія. Прежде, нежели дѣло достигнетъ Трона, оное должно пройти, считая отъ Баронскаго, чрезъ шесть судовъ, и часто, случается, что Государственный Секретарь, (Maestro Secreto), замѣтивъ малѣйшее отступленіе отъ приказнаго обряда, отсылаетъ оное назадъ для разсмотрѣнія снова, начиная снижней инстанціи, и потому дѣла праведныя и неправедныя продолжаются цѣлые вѣки. Посему-то тяжбы здѣсь безчисленны, ябѣда составляетъ игру, изощряющую хитрость, подлогъ и обманъ; все небогатое дворянство въ оной упражняется для того, чтобы чѣмъ нибудь себя занять, избавиться военной службы, гдѣ не льзя нажиться страстію богачей имѣть безъ нужды надобность въ человѣкѣ, знающемъ ябѣду для защищенія ихъ въ судѣ отъ напраслины.

Стряпчіе называются здѣсь Докторами правъ, и названіе сіе имъ весьма прилично; они лѣчатъ сутягъ точно такъ, какъ у насъ Лѣкари притворно-больныхъ; берутъ деньги, и даютъ только пить воду съ сахаромъ. Не смотря на то, что Докторовъ здѣсь очень много, каждый

изъ нихъ нерѣдко получаетъ въ годъ отъ 20 до 30, 000 рублей, и сіе дѣлается однакожъ законнымъ образомъ по условію. Если дѣло сомнительно или запутано, приглашаются на совѣтъ другіе правовѣдцы, общее мнѣніе скрѣпляютъ они подписью и довѣренный Докторъ по сему наставленію ведетъ дѣло. Заботы Докторовъ состоятъ въ томъ, чтобы согласить судей, которые получивъ за труды свои воздаяніе наличною монетою, безъ труда убѣждаются въ томъ, въ чемъ кому угодно. Судьи, а болѣе Секретари, на коихъ судопроизводство вращается какъ шаръ земный на своей оси, съ давняго времени слѣлавъ привычку получать великую прибыль, не берутъ мало и считаютъ за грѣхъ нажить въ годъ менѣе 60, 000 рублей. Они всякими способами спѣшатъ набить свой карманъ; ибо Король перемѣняетъ ихъ чрезъ каждые два года. Судьи и Секретари получаютъ малое жалованье и избираются изъ стряпчихъ.

Я одинъ разъ ходилъ въ Королевскую Палату. Какой шумъ, тѣснота, нечистота и духота! Это храмъ неправды, гдѣ всѣ ябѣдники, криводушные толкователи законовъ, приказные проидохи, стремятся отличить себя на поприщѣ обмановъ. Президентъ, Адвокатъ-фискалъ и трое Судей сидѣли вокругъ стола; всѣмъ имъ вмѣстѣ было не менѣе 400 лѣтъ. Одинъ изъ нихъ потѣлъ подъ тяжестію большаго парика, другой прохлаждалъ себя вѣеромъ, третій зѣвалъ, четвертый спалъ; Стряпчій поднявшись на носки, держа

въ рукахъ толстую тетрадь, кричалъ во все горло: *La senta*! *La senta*! послушайте! послушайте! и ни кто его не слушалъ: ибо дѣла читаютъ только для одной формы. Рѣшенія суда, будучи основаны на сбивчивыхъ и сомнительныхъ законахъ, не имѣютъ силы, и только одна воля и желаніе Короля приводится въ исполненіе. Судьи, обязанные давать отчетъ въ своихъ мнѣніяхъ высшимъ чиновникамъ, зависящимъ отъ самопроизвольной власти, не могутъ быть безпристрастными хранителями законовъ, и никогда не страшатся наказанія за несоблюденіе оныхъ; ибо когда бы законы были ясны и точны, то не нужно бы было столь часто испрашивать Королевскія повелѣнія, и судьи, такъ сказать, на каждомъ шагу никакъ не смѣли бы ошибаться. Тогда и самый хитрый правовѣдецъ изъ противорѣчій указовъ не могъ бы извлечь своего оправданія; ибо наказаніе немедленно бы слѣдовало за преступленіемъ.

Приказный слогъ ученъ и надутъ; въ немъ столько повтореній, столько вышерѣченныхъ, нижеименованныхъ, дондеже, паки, убо и сугубо, столько выходокъ изъ Римскихъ правъ, и примѣровъ изъ древней и Священной Исторіи, что читая или слушая дѣло, какъ говорится, уши вянутъ; нѣтъ никакой связи, нѣтъ силы, краснорѣчіе самое педантическое; ибо дѣла пишутся единственно для того, чтобы длиннымъ, безтолковымъ разглагольствованіемъ наскучить судьямъ, принудить ихъ скорѣе подписать оныя, что и дѣлается ими; ибо

они зная, что дѣло послѣ ихъ будетъ разсматриваться еще нѣсколько разъ, и что за сумбуръ имъ ни слова не скажутъ; ибо и самыя злоупотребленія остаются безъ вниманія. Они не входя въ обстоятельства дѣла, не внимая даже здравому смыслу, подписываютъ только тѣ изъ нихъ, за которые отщитано имъ звонкою монетою.

Въ Уголовномъ Судѣ дѣла текутъ столь же медленно какъ и въ Гражданской Управѣ. Сажаютъ въ тюрьму безъ разбора; почему иногда невинные еще до разсмотрѣнія ихъ обвиненій, отъ заразительнаго пара, омерзительной нечистоты умираютъ въ оныхъ. Въ сравненіи совершаемыхъ здѣсь убійствъ, смертная казнь очень рѣдко бываетъ. Въ уголовномъ преступленіи, не смотря на несомнительныя обличенія, законъ требуетъ добровольнаго признанія; но доколѣ преступникъ не признался, его сажаютъ въ тюрьму, и если въ сей гробницѣ, лишенный свѣта и воздуха, высидитъ онъ четыре года, то отсылаютъ на галеры. Тому несчастному, которому уже прочтенъ смертный приговоръ, дается для оправданія отсрочка на мѣсяцъ; тутъ не льзя не замѣтить благотворной цѣли законовъ. Въ сію ужасную для осужденнаго отсрочку, къ защитѣ его является такъ называемый *Стряпчій бѣдныхъ*, на котораго праводушіе и честность всякій нещастный положиться можетъ; ибо Король на почтенное званіе сіе обращаетъ особенное свое вниманіе и изби-

раетъ въ оное наиболѣе мужей безкорыстныхъ, богатыхъ, а болѣе всего кроткихъ и великодушныхъ.

Въ столь многихъ недостаткахъ, въ семъ хаосѣ гражданскаго управленія, котораго безпорядки конечно угнѣтать могутъ подданныхъ болѣе самой войны, есть и нѣчто доброе. Я разумѣю сословіе стряпчихъ, которые не подражая и не слѣдуя правилу собратій своихъ: „любить ябѣду и жить на разореніи тяжущихся,“ имѣютъ свое честолюбіе и свою славу. Первостатейные Стряпчіе добрыми дѣлами своими заслужили въ обществѣ великое уваженіе. Они имѣя надзоръ надъ младшими, безъ прозьбы берутъ на себя защищать бѣдняка отъ неправдъ богатаго; берутъ на себя всѣ издержки судопроизводства и ни подъ какимъ видомъ и малѣйшаго знака признательности за труды въ такомъ случаѣ не принимаютъ. Другіе не иначе принимаютъ на себя ходатайство по дѣлу, какъ по убѣжденіи въ правотѣ и справедливости просящаго, и если сіи получаютъ условленную плату, то равно какъ и первые могутъ гордиться именемъ защитника невинности. Объявленіе судебныхъ приговоровъ раждаетъ удивительное соревнованіе и есть основаніе той чести и правоты, которая безъ робости въ благородномъ стремленіи заслужитъ одобреніе и похвалу благомыслящихъ, въ судахъ смѣло возвышаетъ гласъ истины, часто изъясняется въ оскорбительныхъ выраженіяхъ на

счетъ Правительства, и къ чести Короля должно сказать, что онъ сихъ достойныхъ людей особенно уважаетъ и старается отличать ихъ своею милостію и ласкою. Примѣръ такого поведенія первостепенныхъ Сіряпчихъ имѣетъ благотворное вліяніе и на подчиненныхъ, видящихъ, что одно средство нажиться честнымъ образомъ, есть заслужить довѣренность публики, которая не иначе пріобрѣтается какъ прилѣжаніемъ, знаніемъ и безкорыстіемъ. Трудъ ихъ не остается безъ награды, ибо болѣе извѣстные Доктора правъ, имѣютъ значительныя имущества.

Власть Короля.—Доходы.—Войска.

Власть Короля неограниченна; она подкрѣпляется любовію народа, и нынѣ со времени пребыванія его въ Сициліи отъ феодальной системы едвали тѣнь осталась. Могущество Дворянства отъ многихъ причинъ ослабло и Королю для присвоенія законнымъ образомъ власти Баронства препятствуютъ нынѣшнія его стѣсненныя обстоятельства, политическая его зависимость отъ Англичанъ, а наиболѣе то, что отъ лишенія Дворянства вдругъ всѣхъ преимуществъ, народъ неминуемо былъ бы разоренъ; Престолъ лишился бы сильной опоры, казна отъ своевольства празднаго народа лишилась бы большой части доходовъ, и Король вмѣсто безпорядковъ отъ малаго числа дворянъ про-

изходящихъ, долженствовалъ бы бороться съ буйствомъ толпы невѣжей, которые до сего времени удерживались въ должномъ повиновеніи только властію и попеченіемъ Дворянъ. Освободишь народъ отъ всякой подчиненности, къ которой онъ уже привыкъ, значилобы дать ему оружіе и противу самой Самодержавной власти, отъ которой неминуемо онъ сталъ бы требовать не однихъ повелѣній; но и причинъ, побуждающихъ къ объявленію оныхъ; ибо вольность народа съ самовластіемъ несовмѣстна.

Государственный годовой доходъ, состоящій изъ разныхъ податей и сборовъ простирается до 5,000,000 рублей. Регулярныхъ войскъ, включая и Гвардію, считается 22,000. Солдаты хотя не такъ выправлены, не такъ ловко маршируютъ, однакожъ стрѣляютъ исправно и очень мѣтко. Конница легка, и на прекрасныхъ лошадяхъ. Войско одѣто красиво и даже богато; содержаніе получаетъ безнужное; но что всего важнѣе оживлено духомъ мужества. Многіе полагаютъ, что Италіянцы вообще не способны къ военной службѣ; но сіе, говоря вообще, несправедливо. Италія во всѣ времена славилась хорошими Генералами, и хотя Италіянцы не походятъ болѣе на Римлянъ и изнѣжены до того, что солдаты не имѣютъ воинственнаго вида; однакожъ, если они подчинены будутъ искусному Генералу, то ни-

какому народу не уступятъ въ храбрости. Италіянскія войска, подъ предводительствомъ Наполеона столько отличившіяся во многихъ сраженіяхъ, особенно въ Ваграмской битвѣ, мнѣніе о ихъ неспособности могутъ совершенно опровергнуть. Сицилійскіе гренадеры подъ начальствомъ Герцога Гессенъ-Филипстальскаго, защищавшіе Гаэту, также заслужили имя храбрыхъ даже и отъ самыхъ Французовъ, которые не всегда и не очень охотно отдаютъ справедливость своимъ непріятелямъ.

Въ началѣ 1808 года, когда въ Неаполѣ готовилась экспедиція для покоренія Сициліи, Фердинандъ объявилъ объ опасности отечества. Народъ, Дворянство, Духовенство, всѣ сословія вообще изъявили неожиданную многими готовность умереть за Короля. При семъ обнаружилась закоренѣлая ненависть Сицилійцевъ къ Неаполитанцамъ. Народъ гласно просилъ дать имъ Начальниковъ изъ природныхъ Сицилійцевъ, и когда Король снизошелъ на прозьбу сію, то въ три недѣли явились добровольно на службу 52,000 челов. подвижной милиціи, кои иждивеніемъ Дворянства были уже одѣты, а оружіемъ снабжены Англичанами. Намъ пріятно было видѣть, что мундиръ и экзерциція сего народнаго ополченія были точно такіе, какіе наша пѣхота имѣла въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Съ нѣкотораго времени носились слухи, будто Британское Правительство вознамѣри-

лось воспользоваться безсиліемъ Короля и предложить ему за корону пансіонъ; но едва милиція стала подъ ружье, всѣ непріятныя вѣсти умолкли, и конечно оныя были неосновательны; ибо Англичане, занимавшіе Мессину, Катаньо, Сиракузы и Мелацо, будучи малочисленны для защищенія сихъ крѣпостей отъ Французовъ, и какъ сохраненіе Сициліи было имъ необходимо для удержанія Мальты; то всѣ укрѣпленныя мѣста противу Калабріи лежащія, были сданы безъ малѣйшаго сопротивленія Королевскимъ войскамъ, и Англичане, до сего бывшіе господами, сдѣлались гостями; войска ихъ остались въ тѣхъже крѣпостяхъ подъ названіемъ вспомогательныхъ; сверхъ того отъ Англинскаго Парламента назначено Королю пособіе, для содержанія въ готовности всей его арміи. Со всею вѣроятностію сказать можно, что Наполеонъ въ покореніи Сициліи встрѣтитъ многія препятствія, онъ не найдетъ здѣсь своей партіи; ибо хотя и есть недовольные Правительствомъ, но сіи равно какъ и преданные, страшатся его владычества. Сицилійцы еще не забыли тиранства Нормандскихъ пришлецовъ, и они еще тѣже самые, которые на Сицилійской вечери обагрили руки въ крови Французовъ.

Флотъ Неаполитанскаго Короля состоитъ изъ одного корабля, 3 фрегатовъ и 20 канонирскихъ лодокъ.

Фердинандъ *IV*, есть самая благость; ясное, всегда веселое лице изображаетъ всю кротость души его. Судьбѣ угодно было обременить его многими нещастіями и потерями; но онъ не унываетъ, надѣется на Бога и переноситъ всѣ непріятности съ неколебимою твердостію. Когда Наполеонъ пророческимъ тономъ объявилъ арміи своей, занимавшей Неаполитанское Королевство, скорое завоеваніе Сициліи, то добрый Фердинандъ въ шутку тогда сказалъ: „Наполеону не удастся согнать меня съ земнаго шара, я съ оружіемъ въ рукахъ и моими Борбонами (*) всегда буду Королемъ.“ Симъ Его Величество хотѣлъ сказать, что онъ какъ Царь будетъ защищаться и умретъ съ честію Бурбоновъ. Король обожаемъ народомъ. Нѣкогда проѣзжалъ онъ городомъ на любимую свою охоту, птичную ловлю; народъ такъ столпился на улицѣ, что коляска его на силу могла двигаться. Король съ добрымъ видомъ, давъ поцѣловать руку ближайшему къ нему Лазарону, едва успѣлъ сказать „перестаньте же кричать и дайте мнѣ дорогу“ какъ народъ разступился, клики да здравствуетъ Отецъ нашъ! умолкли и что жъ я увидѣлъ? едва Король нѣсколько отъѣхалъ, чернь обратилась къ тому нищему, которой удостоился поцѣловать Королевскую

(*) Борбони такъ называется здѣсь царская рыбка. Извѣстно, что Король любитъ охоту и рыбную ловлю.

руку и всѣ стремились обнимать его, какъ освященнаго прикосновеніемъ Помазанника. Конечно думалъ я въ себѣ, и самыя побѣды не заставили бы любить Короля болѣе, сколько теперь любятъ его въ нещастіи. Король ѣздитъ всегда безъ свиты, просто въ сертукѣ, рѣдко въ мундирѣ. Онъ такъ близокъ народу, такъ доступенъ, что благодушіе его иногда дѣлаетъ Лазароновъ слишкомъ докучливыми и наглыми. Одинъ разъ, когда въ Неаполѣ вздорожалъ хлѣбъ, народъ бѣжа за его экипажемъ, кричалъ: Отецъ нашъ! хлѣбъ дорогъ! Король также ѣхалъ на охоту, и что же онъ сдѣлалъ? велѣлъ везти себя въ Городовое Правленіе, и вошедъ въ присутствіе спросилъ: почему хлѣбъ такъ вздорожалъ?" Президентъ объяснилъ и доказалъ, что цѣна очень умѣренна и уменьшить оной не возможно. Очень хорошо, отвѣчалъ Король, уменьшите отъ фунта ползолотника и объявите цѣну полбаіономъ меньше."

Фердинандъ будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ старости, съ нѣкотораго времени большую часть заботъ правленія предоставилъ Королевѣ, и Каролина обладая высокимъ умомъ матери своей Маріи Терезіи, имѣетъ и ея характеръ, и также управляетъ Сициліею, какъ сестра ея Марія Антуанета управляла Франціею. Она, искусною рукою твердо держитъ бразды правленія; она разпоряжаетъ всемъ; даетъ повелѣнія Министрамъ; располагаетъ движеніями войскъ; стропши-

кость Дворянъ обезоруживаетъ лентами, ласками и призываніемъ ихъ ко Двору; своевольства Палермской черни воздерживаетъ строгою Полиціею: она все знаетъ, что вокругъ ея дѣлается; знаетъ, что дѣлаютъ и думаютъ въ Неаполѣ, соображаетъ свои дѣйствія съ обстоятельствами и тайными сношеніями съ прежними подданными, болѣе безпокоитъ Неаполитанскаго Короля, нежели опасается его силы. Будучи въ видимой зависимости отъ Англинскаго Министерства, она не иначе уклоняется предъ необходимостію, какъ съ достоинствомъ. Въ сношеніяхъ съ непріятелемъ она непреклонна. Наполеонъ предложилъ чрезъ бракосочетаніе дочери ея съ Мюратомъ, соединить въ потомствѣ ихъ, наслѣдство короны обѣихъ Сицилій. Королева изъявила несогласіе свое такимъ тономъ, что униженный, пристыженный онымъ побѣдоносный Рыцарь, въ движеніи гнѣва положилъ во что бы ни стало покорить Сицилію, и въ прокламаціи своей къ Неаполитанской арміи, употребилъ неприличныя выраженія. Не смотря на представленіе, что безъ покровительства флота, не возможно украдкою высадить на рыбачьихъ лодкахъ, достаточнаго числа войскъ для покоренія Мессины или какой другой крѣпости, защищаемыхъ значительною арміею и сильнымъ корабельнымъ и гребнымъ флотомъ, Наполеонъ далъ рѣшительное повелѣніе исполнить его намѣреніе, и изъ 10, тысячнаго корпуса, ночью во время штиля перевезеннаго

изъ Реджіо, къ югу отъ Мессины, едва ли третья часть спаслась; прочіе нѣсколькими канонерскими лодками безъ защиты были потоплены въ проливѣ и весьма малое только число досталось въ плѣнъ.

Королева поступки свои съ Французами соображала по точной взаимности съ ихъ дѣйствіями, и сія мысль, какъ извѣстно очень, тревожила Наполеона; ибо онъ опасался, чтобы и другіе его непріятели не вздумали также съ нимъ обходиться; тогда конечно пришлось бы ему отъ многихъ выгодъ отказаться. Фра-діаволо, славный Партизанъ Калабрскій, по несчастію попался въ плѣнъ, Неаполитанскій Король опредѣлилъ, какъ преступника, замучить его лютою казнію; Королева узнавъ о семъ предупредила, что она за смерть своего Генерала, прикажетъ казнить тѣмъже образомъ 6 Французскихъ Штабъ-Офицеровъ, находящихся у нея въ плѣну. Іосифъ не послушалъ; Фра-діаволо былъ колесованъ и четвертованъ въ Неаполѣ; 6 ть несчастныхъ Французовъ въ Палермѣ, какъ преступники казнены были на эшафотѣ. Мюратъ смѣнившій Іосифа, опредѣлилъ всѣхъ солдатъ и Офицеровъ, уроженцевъ Неаполитанскаго Королевства, оставшихся въ службѣ Короля Фердинанда и попавшихся въ плѣнъ, какъ измѣнниковъ разстрѣливать. Королева увѣдомила его, что она рангъ за рангъ и число за число, будетъ разстрѣливать Французовъ, находящихся у нея въ рукахъ. . . .

Древности.

Въ заключеніе описанія достопамятностей Палермы, считаю не безполезнымъ, для пополненія моихъ замѣчаній, предложить нѣчто о древностяхъ Сициліи, о которыхъ въ Рускомъ переводѣ прекрасныхъ писемъ Г-на Брайдона ничего не упомянуто, вѣроятно по тому, что Г. Кампе, издавшій путешествіе Брайдона, на Нѣмецкомъ языкѣ, статью о древностяхъ выпустилъ.

Большая часть Сицилійскихъ писателей согласно утверждаютъ, что Сицилійцы происходятъ отъ Хама, сына Ноева, которой есть Сатурнъ, построившій великій городъ Камезену. Берозъ думаетъ, что оный отъ испортившагося перваго имени назывался потомъ Камарина; напротивъ Гварнери, Каррера и другіе увѣряютъ, что Камазена была у подошвы горы Этны, между Ачи и Катаньею, противу трехъ голыхъ скалъ, кои и донынѣ сохранили имя Циклоповъ. Каррера упоминаетъ объ одной надписи, видѣнной имъ на развалинахъ Ачи, оправдывающей его предположеніе. Онъ къ тому прибавляетъ, что Хамъ былъ великой злодѣй и прозванъ за то Efenus, то есть безчестный. Фацелло говоритъ, что онъ женился на родной своей сестрѣ Рећ. Церера, дочь ихъ, царствовавшая въ Сициліи, не имѣвшая пороковъ отца своего, славилась красотою, кротостію и мудростію. Она изъ пшеницы и винограда, кои сами собою

въ великомъ изобиліи тогда произрастали, научила подданныхъ своихъ пріуготовлять хлѣбъ и дѣлать вино. Прозерпина была стольже прелестна и добродѣтельна, какъ мать ея Церера. Оркусъ, Царь Эпирскій, желалъ имѣть ее своею супругою, что и подало Грекамъ случай къ вымышленію басни о похищеніи Прозерпины Плутономъ, богомъ Ада; ибо Оркусъ былъ нрава суроваго и угрюмаго.

Церера была первымъ божествомъ Сициліи. Говорятъ, что и нынѣ находятся медали съ прекраснымъ изображеніемъ Богини, а на оборотѣ съ хлѣбнымъ колосомъ. Она построила свою столицу на вершинѣ высокой горы, въ срединѣ острова и назвала оную по имени горы, Энна. Нынѣ на мѣстѣ семъ стоитъ городъ Кастрожовани, въ коемъ никакихъ остатковъ отъ Энны не видно.

Цицеронъ, по мѣстоположенію Энны въ самой срединѣ Сициліи, называетъ ее Umbilicus Siciliae; страну же вокругъ оной уподобляетъ земному раю, наполненному тѣнистыми рощами, чистыми ручейками и лугами, кои во всякое время года покрыты душистыми цвѣтами. Храмъ Цереры, въ Эннѣ находившійся, былъ въ великомъ уваженіи. Фацелло повѣствуетъ, что когда городъ былъ взятъ рабами и варварами; то они не смѣли коснуться къ сокровищамъ храма, которыхъ въ ономъ было гораздо болѣе, нежели во всемъ городѣ. Развалины сего капища нынѣ едва примѣтны.

Храмъ Венеры Еречинской (Erecine) толико славный и извѣстный во времена идолопоклонства, построенъ былъ на вершинѣ горы Ериксъ или по Сицилійскому произношенію Еричѐ. Нынѣ гора сія называется Санъ-Жуліано. Греческіе, Римскіе и Сицилійскіе историки согласуются, что храмъ сей столь же древенъ какъ и храмъ Цереры въ Еннѣ. Діодоръ пишетъ, что Дедалъ послѣ бѣгства своего изъ Крита, украсилъ зданіе сіе многими статуями. Эней по разореніи Трои прибывшій со флотомъ своимъ въ портъ Драпани (нынѣ Трапаны), находящійся у подошвы горы Еричѐ по смерши отца своего Анхизз, принесъ храму сему богатые дары. Виргилій, недовольный щедростію своего героя, вопреки мнѣнію всѣхъ писателей, утверждаетъ, что Еней положилъ и основаніе храму, которой въ послѣдствіи и Римляне столькоже уважали, какъ и Греки. Число жрецовъ и жрицъ было при ономъ столь велико и издержки на храмъ сей столь непомѣрны, что 17 городовъ едва могли содержать оный съ надлежащимъ приличіемъ.

Большія стаи голубей, почитавшихся, какъ извѣстно, спутниками Венеры, перелетая въ началѣ осени и весны изъ Италіи въ Африку, или возвращаясь оттуда для отдыху, садились на горѣ Ериксѣ вокругъ храма. Суевѣрный народъ думая, что сама Богиня посреди ихъ находится, въ сіе время приносилъ ей жертвы. Женщины обязаны были исполнять въ точности обряды на сей случай у-

сіановленные, боясь прослыть лицемѣрками; и самыя цѣломудренныя изъ нихъ охотно онымъ слѣдовали и не подавали повода упрекать себя въ уклоненіи отъ жертвоприношеній. Увѣряютъ, что женщины Ерикскія и Драпанскія съ нетерпѣніемъ ожидали появленія голубей, и чтобы удержать ихъ долѣе близъ храма, онѣ приносили съ собою для нихъ кормъ. Красота женщинъ сихъ мѣстъ и понынѣ прелестныхъ, конечно подали мысль на горѣ Еричѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, какъ говоритъ въ описаніи древностей Сициліи Баронъ Ріедезель, установитъ сей особенной обрядъ въ честь Богинѣ любви' точно какъ и въ древней Греціи по причинѣ красоты женщинъ; въ Книдахъ чествовали Венеру подобнымъже безстудіемъ.

Храмъ святаго Жуліана заступилъ нынѣ мѣсто капища Венеры. Сицилійцы имѣютъ большую вѣру къ сему Святому; ибо думаютъ, что когда Тропани былъ стѣсненъ осадою, въ то время Св. Жуліанъ вооруженный явился на стѣнахъ, и явленіемъ своимъ толико устрашилъ непріятеля, что оный обратился въ бѣгство; и съ тѣхъ поръ городъ никогда не былъ угрожаемъ нападеніемъ.

На горѣ Еричѣ и нынѣ находятъ медали, но кромѣ кусковъ мрамора съ едва примѣтными слѣдами надписей, нѣтъ никакихъ болѣе остатковъ, свидѣтельствующихъ о существованіи храма Венеры. Свѣтоній увѣряетъ, что оный въ царствованіе Тиверія

Кесаря былъ возобновленъ; напротивъ Страбонъ утверждаетъ, что оный въ его время былъ оставленъ, и сіе болѣе вѣроятно; ибо остатки многихъ зданій воздвигнутыхъ при Тиверіи еще сохранились.

Сицилійскіе писатели, согласно съ Виргиліемъ, полагаютъ, что Еней, оставшись послѣ сожженія кораблей своихъ на сушѣ, построилъ городъ Ериче, въ честь матери своей Венеры; другіе же утверждаютъ, что храмъ сея Богини построилъ Ериксъ, другой сынъ ея, старѣйшій Енея, тотъ самый, который былъ убитъ Геркулесомъ. Мѣсто сіе и донынѣ называется Геркулесово поле. (il Campo d'Hercole).

По причинѣ удивительнаго плодородія долинъ, окружающихъ Палерму, городъ сей въ древнія времена назывался *Панормусъ*, что на древнемъ Греческомъ языкѣ означало, Всесадъ; другіе же съ большею вѣроятностію утверждаютъ, что оный именовался Pan-ormus отъ Греческаго слова Все-Портъ, по причинѣ обширности и удобности гавани, его которая даже и въ нѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ могутъ приставать только небольшія суда, была столь глубока, что Велизарій во время войны съ Готѳами, обладавшими Сициліею, поставилъ корабли свои подъ самыми стѣнами Палермы. Послѣдняго названія теперь по значенію слова Все-Портъ не можно приписать Палермѣ; ибо малая гавань обмѣлела отъ ужаснаго наводненія, коему Фацелло былъ очевидецъ. Сей историкъ

говоритъ, что вода съ ужаснымъ стр мленіемъ вырвавъ часть стѣны подлѣ дворца, разрушила до основанія днѣ тысячи церквей, монастырей и домовъ, поглотила три тысячи человѣкъ, и малая гавань наполнилась развалинами домовъ.

Послѣ Камезены, Палерма почитается древнѣйшимъ городамъ въ Сициліи. Епископъ Луцерскій полагаетъ, что она основана была во времена Патріарховъ. Онъ доказываетъ сіе одною Халдейскою надписью, найденною 600 лѣтъ тому назадъ въ царствованіе Вильгельма II, и переведенную на Латинскій и Италіянскій языки. А какъ и нынѣ находятъ въ окрестностяхъ Палермы остатки надписей на семъ языкѣ; то Епископъ и заключаетъ, что городъ построенъ былъ Халдеями, въ первыхъ вѣкахъ отъ созданія Міра; вотъ буквальный сей надписи переводъ: „Когда Исаакъ, сынъ Авраама, царствовалъ въ долинѣ Дамской и когда Исаіа (Elaii) сынъ Исаака управлялъ Идумеею, тогда великое число Евреевъ, послѣдуемые жителями Дамаса и Финикіи, пристали къ сему треугольному острову и поселились въ семъ прекрасномъ мѣстѣ, которому и дали имя Pan-ormus.“

Епископъ перевелъ другую Халдейскую надпись, находящуюся на древнихъ западныхъ городскихъ воротахъ: переводъ сдѣланъ на Латинскомъ. Здѣсь сообщается оный отъ слова до слова на Русскомъ языкѣ: „нѣтъ другаго Бога кромѣ единаго Бога; нѣтъ другой власти, кромѣ

сего самаго Бога. Нѣтъ другаго побѣдителя кромѣ того Бога, которому мы поклоняемся.“ Начальникъ сей башни есть *Сафю* (Saphu) сынъ Елифара (Eliphar), сына Исаіи (Esaii) брата Іякова, сына Исаака, сына Авраама. Имя башни есть *Баихъ* (Baych), а къ ней ближайшей *Фаратъ* (Pharat). На первой башни были и другія надписи, но такъ изгладились, что оныхъ, при всемъ стараніи, Фацелло разобрать не могъ.

Одинъ ученый Палермскій Анникварій увѣряетъ, что Pan-ormus, на Халдейскомъ равно какъ и на Еврейскомъ, значитъ рай или прекрасный садъ, и что Греки, поселившіеся на томъ мѣстѣ, гдѣ жили первые, оставили городу прежнее его имя. Онъ присовокупляетъ къ тому, что Pan-ormus на Арабскомъ языкѣ означаетъ *Все - Вода*, почему и Арабы, обладавшіе онымъ, сохранили городу тоже древнее названіе.

Въ архивѣ хранятся толстые томы о достопамятныхъ древностяхъ Палермы. Вотъ еще одна и послѣдняя басня, которая, какъ относящаяся къ чести женщинъ, достойна быть здѣсь помѣщена. Историки Сицилійскіе повѣствуютъ (неизвѣстно точно въ какое время и въ какое царствованіе), когда Палерма осаждена была Сарацынами, терпѣла голодъ, и у воиновъ не доставало матеріаловъ для дѣланія тетивы къ лукамъ, и когда городъ былъ уже въ томъ состояніи, что не могъ долѣе сопротивляться, одна женщина (имя также пропущено) изъ любви къ отече-

ству, предложила другимъ женщинамъ, пожертвовать для спасенія онаго волосами, дабы воины могли употребить ихъ на тетивы. Палермитанки обрѣзали прекрасные свои волосы, и какъ уже извѣстно, что нѣжный полъ есть и будетъ первою побудительною причиною для возбужденія храбрости въ мущинахъ; то воины Палермскіе, одушевленные сею великою для красоты и прелестей жертвою, съ такимъ мужествомъ продолжали защищаться, что Сарацыны были утомлены, разбиты и городъ освобожденъ отъ осады. Палермитанки могутъ гордиться симъ славнымъ для нихъ произшествіемъ, воспѣтымъ какъ того и ожидать должно, многими имъ преданными поэтами. „Волосы нашихъ женщинъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, всегда употребляются для тойже цѣли; но они нынѣ бросаютъ только тѣ стрѣлы, кои пріуготовляются самимъ Купидономъ, и употребляются только для любовныхъ связей.

Минеральныя воды — произведенія — торговля.

На всемъ пространствѣ Сициліи находится много минеральныхъ водъ; однѣ изъ нихъ слишкомъ горячи, другія столь холодны, что восходятъ одною степенью выше точки замерзанія, и однакожъ никогда не обращаются въ ледъ.

Во многихъ мѣстахъ острова находятся источники, на поверхности коихъ плаваетъ родъ масла; земледѣльцы жгутъ оное въ своихъ лампадахъ и употребляютъ на многія другія надобности. Источникъ при Никосіи, называемый il Fonte Canalotto, заслуживаетъ особое примѣчаніе. Онъ всегда покрытъ бываетъ толстою смоленаго свойства пѣною; поселяне употребляютъ оную, какъ самое дѣйствительное лѣкарство отъ сильныхъ простудъ и другихъ болѣзней. Вода одного небольшаго озера при Назо, будучи чиста и прозрачна какъ стекло, имѣетъ удивительное свойство, чернитъ всѣ вещи, въ оную погружаемыя. Сѣрныхъ бань въ Сициліи очень много; въ Тремити находящіяся почитаются лучшими. Оныя бани славны были во времена Римлянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи и на островахъ близъ ея лежащихъ, изъ нѣдръ земли выходятъ испаренія. Въ большемъ отдаленіи отъ Этны находятъ лаву, пемзу, и ноздреватые камни, извергаемые огнедышущими горами, почему и должно заключить, что Сицилія, такъ какъ и Липарскіе острова, произошла отъ подземнаго огня. Въ трехъ верстахъ къ западу отъ Палермы, у самаго морскаго берега, находятся многіе горячіе ключи, которые со дна моря съ такою силою выбиваются, что песокъ тамъ волнуется, вода высотою до двухъ аршинъ очень горяча, а далѣе холодна какъ ледъ. Гдѣ глубина не

велика, тамъ испаренія выходятъ отъ холодной, а не отъ теплой воды.

Главное произведеніе и можно сказать богатство Сициліи есть пшеница. Почва земли безъ унавоживанія, и при дурномъ воздѣлываніи, столь плодоносна, что одна жатва обыкновеннаго урожая, даетъ для продовольствія всего народонаселенія, на семь и восемь лѣтъ впередъ. Сицилійцы молотятъ хлѣбъ, какъ у насъ Крымскіе Татары, лошадьми, сохраняютъ же оный совсѣмъ особеннымъ образомъ. Въ сухомъ грунтѣ высѣкаются погреба, пшеница тотчасъ, какъ обмолотятъ, ссыпается въ сіи кладовыя, которыя на поверхности земли имѣютъ небольшія отверстія; а дабы внѣшній воздухъ и дождь не могли проникнуть въ погреба, отверстіе со тщаніемъ закрывается и хлѣбъ такимъ образомъ гораздо долѣе, нежели у насъ, сберегается.

Растеніе, котораго зола почитается наилучшею для дѣланія стекла содою, съ большимъ тщаніемъ здѣсь воздѣлывается и приноситъ поселянамъ большой прибытокъ. Дикой медъ особенно вокругъ Этны собираемый, предпочитается домашнему и высоко цѣнится. Сахаръ не составляетъ еще предмета для внѣшней торговли, но для домашняго употребленія, въ довольномъ количествѣ разходится. Солодковый корень и сокъ изъ онаго выжимаемый, также составляетъ предметъ выгодный для промышленниковъ; манна же есть конечно полезнѣйшее произведеніе Сици-

ліи. Сіе драгоцѣнное лѣкарство извлекается изъ деревъ извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ морскихъ ясеней. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ продолженіи наибольшихъ жаровъ, на корѣ оныхъ деревъ дѣлаютъ насѣчки, откуда вытекаетъ густый сокъ, подобный прозрачной смолѣ, и скоро твердѣющій на солнцѣ. Зернистая манна сама собою вытекающая изъ дерева, какъ наилучшая съ большимъ тщаніемъ укладывается въ небольшія коробочки. Крестьяне насѣкаютъ деревья всегда съ одной стороны, а другую оставляютъ для слѣдующаго лѣта. Каждое дерево даетъ въ годъ полфунта, и цѣлое столѣтіе можетъ такимъ образомъ приносить пользу.

Торговля, не смотря на войну, со времени пребыванія Короля столько улучшилась, что произведеній Манифактурныхъ и не обработанныхъ отпускается уже вдвое болѣе прежняго. Сицилійцы имѣютъ достаточное число своихъ судовъ, но по преимуществамъ, даннымъ Англичанамъ, оныя большею частію остаются въ гаваняхъ безъ всякаго дѣла.

Сицилія, безспорно есть наилучшая страна въ Европѣ: по справедливости назвать ее можно садомъ Европы. Почва земли отъ множества Волканическихъ частицъ чрезмѣрно плодоносна. Провинціи Валь ди Ноно и Валь ди Мацара изобилуютъ хлѣбомъ, а Валь ди Демота плодами. Повсюду произрастаютъ превосходнѣйшій виноградъ, сахарный тростникъ, финиковыя, писташныя, масличныя,

апельсинныя и цитронныя дерева, а обыкновенныя какъ то: персиковыя, миндальныя, фиговыя, шелковичныя и пр. растутъ безъ призору въ лѣсахъ. Удивительное множество источниковъ и ключей, орошая и украшая сію прелестную страну, конечно не мало способствуетъ изобилію. Пажити въ окресностяхъ Этны, близъ Катаньи, столь тучны, что скоту, дабы онъ не слишкомъ ожирѣлъ, принуждены бываютъ пускать кровь. Луга и лѣса во всякое время года покрыты цвѣтами и душистыми кустарниками; лаванда, розмаринъ, лилеи, ясминъ и множество другихъ растутъ здѣсь на открытомъ воздухѣ. Этна есть первою причиною таковаго удивительнаго плодородія.

Море, окружающее Сицилію, доставляетъ изобильную ловлю рыбъ. Въ Мессинѣ въ великомъ уваженіи Угри, въ Палермѣ Тонъ, во всѣхъ другихъ портахъ Борбони, Макрель, Мечъ рыба и множество другихъ. Рѣки и малые источники также изобилуютъ рыбою. Изъ дичи почитаются за лакомство Бекафиги и дикія Павлины.

Царство ископаемыхъ столько же богато: однихъ мраморовъ считается 31 сортъ. Златоцвѣтные, зеленыя, черныя съ золотыми искрами почитаются лучшими. Яшмы, Агатовъ, Порфировъ, Карніоловъ, Лапись-Лазури и другихъ драгоцѣнныхъ камней считается до 300 родовъ. Въ нѣдрахъ горъ храняться богатѣйшія жилы металловъ и полуметалловъ.

Король обратилъ нынѣ особенное вниманіе на обработываніе рудниковъ, которые въ правительство Вицероевъ большею частію были оставлены. Сѣра, квасцы, купоросъ, киноварь, пемза и прочія произведенія огнедышущихъ горъ приносятъ значительный доходъ. Каменная добываемая изъ озеръ при Марсала — франаниксъ и вывариваемая изъ морской воды соль, составляетъ наибогатѣйшую вѣтвь торговли. Мыльный камень, которой есть и у насъ къ Крыму, по свойству своему, употребляется крестьянами вмѣсто мыла.

Словомъ, Сицилія изобилуя всѣми потребностями для жизни и роскоши, въ рукахъ морской Державы, обращающей всегда наибольшее вниманіе на внѣшнюю торговлю и промышленность, могла бы скоро достигнуть до прежняго своего величія. Народонаселеніе ея столь нынѣ малое по пространству, скоро умножилось бы, и Сицилія не имѣя нужды заимствоваться отъ другихъ земель чѣмъ либо, пріобрѣла бы чрезъ отпускъ своего излишества великія богатства. Пребываніе Короля въ Палермѣ конечно принесло уже значительныя пользы; но многія злоупотребленія въ правленіи требуютъ постепеннаго исправленія. Война съ сильнымъ сосѣдомъ требуетъ пожертвованій несоразмѣрныхъ съ доходами, и благое намѣреніе Короля къ улучшенію всѣхъ частей народоправленія симъ не мало затрудняется. Сицилійцы тогда только могутъ почесть себя счастливыми, когда торговля бу-

детъ освобождена отъ стѣснительныхъ, самопроизвольныхъ и часто перемѣняемыхъ налоговъ; когда для облегченія внутреннихъ сообщеній будутъ сдѣланы дороги, которыя въ гористыхъ мѣстахъ едва проходимы только для вьючныхъословъ; когда гражданская Управа будетъ основана на коренномъ и постоянномъ законѣ; когда власть Королевская не будетъ имѣть препятствій дѣлать добро, а права дворянства и духовенства будутъ поставлены въ надлежащихъ предѣлахъ, и когда наконецъ богатство дворянства и нищета народа придутъ хотя въ нѣкоторое равновѣсіе.

Война сѣ Англіею — сдача фрегата Венуса Сицилійскому Правительству.

20 Ноября прибывъ въ Палерму, къ крайнему сожалѣнію нашему по осмотрѣ найдено, что фрегатъ имѣлъ столь многія и важныя поврежденія, безъ исправленія коихъ не возможно было выдти въ море. Командующій фрегатомъ Капитанъ-Лейтенантъ Андреяновъ представя Россійскому при Сицилійскомъ Дворѣ Министру Тайному Совѣтнику Дмит. Павл. Татищеву о необходимости приступить немедленно къ починкѣ фрегата, просилъ для скорѣйшаго окончанія оной, нужной помощи отъ порта. Въ слѣдствіе сношеній съ Сицилійскимъ Правительствомъ, по свезеніи пороха въ Королевскіе погреба, фрегатъ вошелъ въ гавань, разгрузился и къ 10 Декабря

руль былъ сдѣланъ новый, гротъ мачта, бушпритъ и бимсы, треснувшіе во время шторма, первые укрѣплены шкалами, послѣдніе подперты новыми пиллерсами; пробоины, полученныя въ сраженіяхъ, были забиты и обшиты новою мѣдью, трюмъ перегруженъ, крюйтъ-камора (*) исправлена и фрегатъ внутри и снаружи весь выконопаченъ.

По таковомъ исправленіи, получа на два мѣсяца провіантъ мы готовились идти въ портъ Ферраіо, гдѣ находился Капитанъ Командоръ Барятынскій съ кораблями св. Петромъ и Москвою, какъ вдругъ слухи о разрывѣ между Россіею и Англіею подтвердились оффиціальнымъ сообщеніемъ, полученнымъ Англинскимъ Министромъ въ Палермѣ Г. Друммондомъ отъ товарища его изъ Вѣны. Извѣстіе сіе крайне опечалило Дворъ, и особенно тѣхъ жителей, кои равно привержены были какъ къ Рускимъ, такъ и къ Англичанамъ. Въ самое сіе время возвратилась въ Палерму и Англинская эскадра, крейсеровавшая у острова Маритимо, для недопущенія Французской эскадры возвратиться изъ Корфы въ Тулонъ (**). Министръ нашъ поручилъ до-

(*) Пороховой погребъ.

(**) Французскій Адмиралъ Ганшомъ снабдивъ Корфу военными снарядами, ускользнулъ отъ бдительности Англинскихъ крейсеровъ, и счастливо возвратился въ Тулонъ.

вѣренной особѣ развѣдать, почитаютъ ли себя Англичане въ правѣ, по одному сообщенію Посла своего пребывающаго въ Вѣнѣ, начинать военныя дѣйствія? Друммондъ положительно объявилъ, что война за разрывомъ воспослѣдуетъ непремѣнно, что Вице-Адмиралъ Торнброу завладѣетъ нашимъ фрегатомъ, отправитъ оный въ Мальту и послѣ сего, почитать ли оный плѣннымъ или свободнымъ, ожидать будетъ дальнѣйшихъ предписаній отъ Лордовъ Адмиралтейства.

Объявленіе столь ясное и рѣшительное содѣлывало выходъ нашего фрегата невозможнымъ. Посланникъ Татищевъ старался узнать отъ Сицилійскаго Министра иностранныхъ дѣлъ Маркиза Чирчелли, что намѣренъ дѣлать Дворъ его въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій между Россіею и Англіею? Отвѣтъ его сперьва былъ двусмысленный; но когда спросили у него, можетъ ли въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ оставаться безопасно Россійскій фрегатъ въ Палермскомъ портѣ, онъ далъ удовлетворительный отвѣтъ. Желая еще болѣе убѣдиться въ чувствахъ Двора сего, Татищевъ объяснился съ Королевою, которая ему отвѣтствовала: " Будьте увѣрены, что Король никогда не подниметъ оружія противу Россіи; Императоръ Александръ былъ всегда нашимъ Покровителемъ и мы того никогда не забудемъ.

Между тѣмъ, хотя Россійская Миссія 17 Декабря и получила изъ Петербурга оффиці-

альное извѣстіе о разрывѣ между Россіею и Англіею; но оное содержала втайнѣ, въ той надеждѣ, что какое нибудь неожиданное произшествіе, принудя Англинскую эскадру выдти въ море, подастъ фрегату возможность безпрепятственно отплыть въ Портъ Ферраіо, въ Неаполь, или въ другую какую дружественную гавань. Ожиданіе сіе было однакожъ тщетно; Англинскій Министръ весьма упорно домогался, чтобы фрегатъ Венусъ и всѣ Россійскія купеческія суда, въ Сицилійскихъ портахъ находившіяся, были ему выданы. Король, изумленный такимъ смѣлымъ требованіемъ, съ неудовольствіемъ и рѣшительно отказался отъ поступка столь противнаго чувствамъ его; но Англичане настоянія свои начали подкрѣплять угрозами. Друммондъ отказался отъ продолженія сюбсидій, платимыхъ его Дворомъ, а Главнокомандующій Англинскими войсками Генералъ Муръ грозилъ, что не будетъ ограждать Сицилію отъ покушеній, дѣлаемыхъ Іосифомъ Бонапарте присовокупить островъ сей къ Неаполитанскому Королевству. Россійскій Посланникъ видя, что ему долѣе въ недоумѣніи оставаться было не льзя, отнесся письменно къ Сицилійскому Министру и препроводя къ нему печатный экземпляръ съ Манифеста, въ коемъ изложены были причины разрыва съ Англіею, требовалъ прямаго и точнаго объявленія, какое участіе приметъ его Сицилійское Величество въ войнѣ сей. Отвѣтъ Маркиза Чир-

челли состоялъ въ томъ: „что Король, его „Государь, не можетъ отдѣлить выгодъ Англіи „отъ своихъ собственныхъ, что порты Его „Величества будутъ впредь заперты для Рос„сійскаго флага и что присутствіе фрегата „Венуса въ Палермѣ не совмѣстно нынѣ съ на„стоящими обстоятельствами.“

Отвѣтъ сей ясно обнаруживалъ безсиліе Короля Фердинанда и невозможность, въ коей онъ находился противустать волѣ Англичанъ, войска коихъ занимали Мессину, Сиракузы и почти всѣ главные порты и крѣпости Сициліи. Поведеніе Сицилійскаго Двора было слѣдовательно послѣдствіемъ положенія его и несчастной для него необходимости; ибо безсомнѣнія союзъ съ Императоромъ Россійскимъ столько же полезенъ былъ Фердинанду, сколько разрывъ сего союза вреденъ для Его Сицилійскаго Величества. Россія же не имѣла надобности ни искать дружбы, ни отвращать разрыва съ безсильнымъ союзникомъ. Одно лишь желаніе спасти какъ нибудь фрегатъ Венусъ и доставить намъ служившимъ на оном случай поддержать честь Россійскаго флага, заставило прилѣжно дѣйствовать почтеннаго Посланника нашего. Видя, что Маркизъ Чирчелли, при всемъ своемъ благоразуміи, вѣрности къ своему Государю, и преданности къ Россіи, не можетъ свергнуть ига Англичанъ, Министръ нашъ, для скорѣйшаго достиженія цѣли своей, обратился прямо къ Королю и Королевѣ. Но Маркизъ не полу-

чивши еще отвѣта на первую ноту свою, по настоянію Англичанъ, подалъ новую, коею требовалъ, чтобы фрегатъ непремѣнно оставилъ Палерму въ теченіи одного дня. На сіе Министръ нашъ отвѣтствовалъ: что фрегатъ не можетъ выдти изъ порта, когда на рейдѣ стоитъ непріятельская эскадра; что послѣдствія сраженія между силами столь неравными не могутъ быть сомнительны; что фрегатъ пришедъ въ портъ дружественный въ ономъ останется, и что наконецъ Его Сицилійское Величество будетъ Императору Россійскому отвѣчать за всякое оскорбленіе, причиненное его флагу.

Во время сихъ переговоровъ, Капитанъ нашъ видя, что покровительство Короля зависящаго отъ Англичанъ было очень не надежно, рѣшился дождавшись крѣпкаго попутнаго вѣтра, ночью оставить Палерму и полагаясь на легкость фрегата достигнуть другаго болѣе безопаснаго союзнаго порта; почему и потребовалъ возвращенія своего пороха. Сицилійское Портовое начальство, сдѣлавъ въ ономъ сначала нѣкоторое затрудненіе, наконецъ приказало доставить намъ порохъ на своей канонерской лодкѣ; но Англинскій Адмиралъ не смотря ни на какое приличіе лодку съ порохомъ задержалъ у своего корабля. Вскорѣ послѣ сего насилія тогоже 27 Декабря, служащій при посольствѣ Сватскій Совѣтникъ Пет. Ив. Карцовъ, прибывъ

на фрегатъ увѣдомилъ насъ, что Англичане вознамѣрились ночью напасть на фрегатъ, почему отъ имени Министра просилъ Капитана взять свои мѣры и, для безопасности, секретные сигналы и повелѣнія поручить ему.

На рейдѣ, на картечный отъ нашего фрегата выстрѣлъ стояли 5 линейныхъ Англинскихъ кораблей, изъ коихъ два были сто-пушечные, а два фрегата нарочно для насъ ходили подъ парусами при входѣ въ Палермскій заливъ. Въ семъ крайне затруднительномъ положеніи, когда ни уйти, ни получить пороха было совершенно не возможно, Капитанъ пригласилъ Офицеровъ на военный совѣтъ, и прилѣжно разобравъ всѣ мѣры и средства, служащія къ защищенію фрегата, мы согласно положили, и общимъ подписаніемъ рѣшеніе совѣта утвердили: 1) Остаться въ Молѣ, 2) на собственныя деньги купить въ городѣ такое количество пороха, котораго было бы достаточно для мѣлкаго ружья и верхняго дека пушекъ; 3) если Англичане нападутъ на фрегатъ линейнымъ кораблемъ, а не на шлюпкахъ и не абордажемъ, тогда разстрѣлявъ весь снарядъ, фрегатъ сжечь.

Лейтенантъ Насѣкинъ посланъ былъ увѣдомить о семъ Министра, что Капитанъ, Офицеры и весь экипажъ положили защищаться до послѣдней возможности, и рѣшились лучше взлетѣть на воздухъ, нежели сдаться Англинской эскадрѣ. Дмитрій Павло-

вичъ восхищенный симъ извѣщеніемъ, пожавъ руку Насѣкину отвѣчалъ: скажите вашему Капитану, что я узнаю въ немъ Рускаго! Намѣреніе ваше самое геройское; но я надѣюсь отвратишь смерть храбрыхъ людей, скольбы впрочемъ ни славна она была для нихъ. Если же не успѣю, то самъ буду на фрегатѣ и окончa дипломатическое мое дѣло, за счастіе почту раздѣлить съ вами вашу опасность.

Для приведенія въ исполненіе рѣшенія нашего, главнѣйшее затрудненіе было въ покупкѣ пороха. Уже вечерѣло, времени оставалось не болѣе трехъ часовъ. Мы разослали всѣхъ нашихъ знакомыхъ покупать въ городѣ порохъ. Капитаны Бокезскихъ корсеровъ два брата Петровичи, первые привезли намъ своихъ три бочки, за ними одинъ за другимъ Датскіе и Греческіе шкиперы доставляли намъ кто сколько имѣлъ, и такимъ образомъ въ короткое время получили мы столько пороху, что могли дѣйствовать верхнимъ декомъ и 4 пушками нижняго. Датскіе шхиперы вызвались помочь намъ своими людьми; Бокезцы по ревности не хотѣли уступить имъ сего преимущества, и мы въ самомъ дѣлѣ не имѣя нужды въ людяхъ, отказались отъ сего предложенія и просили снабдить насъ только однимъ абордажнымъ оружіемъ; онаго столько было на фрегатѣ доставлено, что каждый стрѣлокъ имѣлъ по три ружья и по два пистолета, а дабы они могли стрѣлять скорѣе,

40 человѣкъ опредѣлены были только заряжать и подавать готовыя ружья стрѣлкамъ. Бокезскіе, Греческіе и Датскіе шкиперы, дали намъ слово, что въ то время, когда Англинскія шлюпки пристанутъ къ фрегату, они нападутъ на нихъ своими, и какъ скоро фрегатъ будетъ зажженъ, они зажгутъ свои суда и пустятъ ихъ прямо на городъ.

По захожденіи солнца, фрегатъ снабженный достачнымъ количествомъ пороха и числомъ оружія, былъ обращенъ такъ сказать въ сухопутную крѣпость. На верхней палубѣ, для удобнаго стрѣлянія изъ ружей, сдѣланы подмостки, на марсахъ и русленяхъ изъ офицерскихъ постелей брустверы; не нужные порты нижняго дека на глухо заколотили; между нижнихъ реевъ на веревкахъ подвѣшенъ былъ баластъ, которой когда непріятельскіе шлюпки пристанутъ уже къ борту, долженъ былъ упасть прямо на оныя. Пистолеты, сабли, копья, бердыши, ломы и анщпуги всѣ орудія смерти были положены подъ руками. Въ такомъ оборонительномъ состояніи, мы надѣялись, что не легко будетъ взять насъ абордажемъ. Послѣ примѣрнаго ученья, когда всякой уже зналъ, что долженъ будетъ дѣлать въ сраженіи, Капитанъ приказалъ собрать всѣхъ людей на шканцы и просилъ Офицеровъ внушить имъ, сколь необходимо въ глазахъ чужестранныхъ народовъ, при первой встрѣчѣ и по объявленіи войны въ первомъ сраженіи съ Англичанами, пожертвовать жиз-

нію для спасенія чести флага Рускаго, и если въ неровномъ боѣ мы погибнемъ, то Англичане по крайней мѣрѣ не могутъ похвалиться, что побѣдили насъ, что взяли нашъ Венусъ: храбрые матрозы наши, изъ которыхъ нѣкоторые отличились еще въ прошедшую съ Шведами войну, на убѣжденіе сіе охотно отвѣчали: ради умеретъ Ваше Благородіе! не выдадимъ нашего Венуса пока будемъ живы.

Намѣреніе сжечь фрегатъ произвело въ городѣ великое безпокоиство, и какъ между тѣмъ всякой желалъ видѣть какъ Англичане будутъ нападать, а фрегатъ и всѣ суда въ гавани стоящія будутъ горѣть, то множество экипажей и народа до свѣта стояли на набережной и на Мулѣ. Маркизъ Чирчелли сначала не вѣрилъ симъ слухамъ, но когда Министръ нашъ объявилъ ему словесно, что нападеніе Англичанъ на фрегатъ будетъ сигналомъ всеобщаго пожара въ Палермскомъ портѣ, онъ столько былъ симъ озабоченъ, что немедленно поѣхалъ къ Друммонду и увѣдомилъ его о угрожавшемъ бѣдствіи. Оба Министра, ни мало не желая, чтобы угрозы сіи сбылись на самомъ дѣлѣ, сообщили о намѣреніи сжечь фрегатъ Адмиралу Торнброу. Адмиралъ столь же какъ и Министры былъ изумленъ, и что бы въ точности увѣриться, около полночи осматривалъ фрегатъ, и должно думать, что онъ не нашелъ возможнымъ взять фрегатъ абордажемъ; ибо хотя около 2 часовъ пополуночи и собрались Англинскія шлюпки съ сол-

дашами у корабля Кента всѣхъ ближе къ намъ стоявшаго; но когда у насъ ударили тревогу въ барабаны, то онѣ опять разъѣхались.

На разсвѣтѣ 29го Генваря, Ровлей Капитанъ 84хъ пушечнаго корабля Орла (Eagle) привезъ письмо, котораго переводъ отъ слова до слова здѣсь предлагается:

Его Британскаго Величества корабль Рояль-Соверинъ. Палермо.

Государь мой!

Объявленіе войны между Великобританіею и Россіею даетъ мнѣ право требовать отъ васъ сдать Россійскій Императорскій фрегатъ Венусъ, подъ вашею командою находящійся, эскадрѣ Его Британскаго Величества подъ моими повелѣніями состоящей.

При обстоятельствахъ, въ которыхъ вы находитесь, побѣгъ и сопротивленіе ясно не возможны и слѣдствіемъ безполезнаго защищенія будетъ только вѣрная потеря храбрыхъ людей вамъ подчиненныхъ. Потому надѣюсь, что не принудите меня къ прискорб-

ной необходимости, поддержать мое требованіе силою оружія. Ожидаю немедленнаго отвѣта и есмь

Государь мой!

Вашъ послушнѣйшій

покорной слуга

Едвардъ Тронброу.

Вице-Адмиралъ синяго флага и Командующій эскадрою Его Британскаго Величества въ Палермскомъ заливѣ

1808 года Генваря 10. н. ст.

Капитанъ Ровлей вручивъ письмо, изустно притомъ объявилъ нашему Капитану, что онъ имѣетъ отъ своего Адмирала предписаніе дать время на размышленіе не долѣе, какъ токмо до полудня; что ежели фрегатъ въ срокъ сей не будетъ сданъ эскадрѣ Его Британскаго Величества, тогда принужденными найдутся употребить силу. Капитанъ Андреяновъ подавъ руку Ровлею, сказалъ ему: „я отвѣтомъ „не замедлю, но вотъ вамъ мое честное сло„во, что фрегатъ мой никогда не будетъ „вашимъ!“ Потомъ оборотясь къ собравшимся на шканцахъ Офицерамъ и служителямъ продолжалъ: Господа! ребята! мы вчера дали другъ

другу слово и теперь, когда наступаетъ рѣшительная минута, конечно не отступимъ отъ него.„ На сіе Офицеры и весь экипажъ отвѣчалъ: умремъ всѣ и не сдадимся. Англинскій Капитанъ удивленный симъ кликомъ, не спрашивая, что оный значитъ и не вступая въ разговоръ, пожелавъ намъ добраго утра, уѣхалъ.

Мнѣ поручено было отнесть письмо Торнброу къ нашему Министру. Пришедъ въ домъ послѣдняго очень рано, я разбудилъ людей, но Дмитрій Павловичъ не спалъ, и услышавъ шумъ тотчасъ ко мнѣ вышелъ. Министръ пробѣжавъ письмо Англинскаго Адмирала, спросилъ, чтожъ вы намѣрены теперь дѣлать? Капитанъ проситъ Ваше Превосходительство приказать написать по Англински или по Француски отвѣтъ, что мы ни подъ какимъ видомъ не сдадимся. На что писать по Француски, возразилъ Министръ, отвѣчайте ему по Руски, пусть себѣ читаетъ (*), а я чрезъ то выиграю часа четыре времени, постараюсь избавить васъ отъ бѣды и надѣюсь, что фрегатъ не будетъ въ рукахъ непріятеля. Попросите Капитана, чтобы переговоры старался сколько можно замедлить, а я сей часъ ѣду къ Королю и Королевѣ предложить имъ послѣднее

(*) Сіе тѣмъ болѣе было справедливо, что Англичане сами ведутъ всѣ переписки съ чужестранными державами на своемъ языкѣ.

средство сохранить фрегатъ, честь флага и вашу. Будьте покойны и тверды въ своемъ рѣшеніи, можетъ-быть нынѣже вечеромъ мы вмѣстѣ посмѣемся надъ Англичанами.

Вотъ отвѣтъ, который поручено мнѣ было отвезть Англинскому Адмиралу:

Ваше Превосходительство.

Находясь въ гавани Его Величества Короля Сицилійскаго, союзной и намъ дружественной; знавъ права нейтралитета и гостепріимства, кои доселѣ отъ всѣхъ просвѣщенныхъ націй почитаемы были священными и ненарушимыми; я почитаю себя безопаснымъ отъ васъ. Имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

Милостиваго Государя!

покорный и послушный слуга

Кондратій Андреяновъ.

Его Императорскаго Величества моего Всемилостивѣйшаго ГОСУДАРЯ Капитанъ-Лейтенантъ и Командующій фрегата Венуса въ Палермской гавани.

1807 года Декабря 27 дня. С. Сп.

Имѣя на шлюпкѣ бѣлый флагъ, присталъ я къ Рояль-Соверинъ. Капитанъ корабля, встрѣтивъ меня у лѣстницы и не допустивъ караульнаго Офицера завязать мнѣ глаза, пожавъ мнѣ руку сказалъ: вотъ какъ обстоятельства перемѣняются и мы теперь непріятели; но однакожъ никогда конечно не будемъ врагами; Англичанинъ и Руской всегда будутъ уважать и любить другъ друга. Между тѣмъ подошли мы къ двери, шесть часовыхъ съ Офицеромъ отдали мнѣ честь, мы вошли въ каюту. Адмиралъ выступилъ впередъ, поклонился, разорвалъ пакетъ, развернулъ письмо, наморщилъ брови, поднесъ письмо ближе къ глазамъ, потомъ подошелъ къ окну, еще разъ посмотрѣлъ, хладнокровно улыбнулся и подавая оное Капитану сказалъ: похоже на Греческія литеры. Потомъ обернувшись ко мнѣ продолжалъ: я не умѣю читать по Руски; вы говорите по Англински, то чтобы скорѣе кончить наше дѣло, объясните въ чемъ смыслъ письма вашего заключается? — Мнѣ поручено только вручить его Вашему Превосходительству. — Такъ вы хотите весть дипломатическую переписку. — Я молчалъ. — Адмиралъ взглянулъ на меня и уразумѣвъ, что я отвѣчать не хочу, закинулъ руки на спину, и началъ ходить по каютѣ; при каждомъ оборотѣ окидывалъ онъ меня съ ногъ до головы суровымъ взоромъ; я смотрѣлъ въ окно или опускалъ внизъ глаза. Адмиралъ остановясь и подумавъ нѣсколько, наконецъ от-

рывисто сказалъ: пожалуйте обождите, я позову васъ когда будетъ нужно. Я поклонился; вышелъ, меня проводили въ каютъ-компанію, знакомые Офицеры обступя меня спрашивали: чѣмъ вы кончили? ничѣмъ, и разговоръ обратился на посторонніе предметы. Подали чай, завтракъ и газеты. Каждый Офицеръ приглашалъ меня въ свою каюту, потомъ водили меня по всему кораблю, считали сколько ядеръ попало въ него въ Трафалгарскомъ сраженіи и наконецъ показали прекрасный арсеналъ на кубрикѣ. Ружья, сабли, пистолеты, чистыя и свѣтлыя какъ стекло; гвозди, рымы, блоки и прочія принадлежности расположены по стѣнамъ точно такъ, какъ въ галантерейной лавкѣ. Вышедъ на верьхъ я посмотрѣлъ на часы и четыре часа уже прошло. Какъ Англичане и у Министра своего не могли видно сыскать, ктобы перевелъ письмо, то меня въ сіе время позвали къ Адмиралу въ каюту.

Садитесь; вы не хотите сдаться? такъ началъ Торнброу, и конечно думаете, что я не имѣю права взять фрегатъ вашъ силою или на что нибудь надѣетесь? - Мы сначала полагали, отвѣчалъ я, что вы для одного фрегата не нарушите должнаго уваженія къ Королю, которому не возможно какъ казалось предать насъ въ руки непріятеля; надѣялись, что Его Величество не потерпитъ, чтобы въ его гавани, въ его глазахъ, оскорбленъ былъ флагъ того Императора, который два раза возвращалъ ему престолъ; но теперь мы знаемъ ваше

намѣреніе, и его мысли, не ожидаемъ ни отъ кого ни какой помощи и почитаемъ себя обязанными исполнить то, что долгъ намъ повелѣваетъ. — Оставимъ разсужденіе, возразилъ Адмиралъ и заключимъ тѣмъ, что вы должны сдаться, ибо переговоры наши иначе кончиться не могутъ. — Одно средство, которое отъ имени Капитана осмѣливаюсь предложить Вашему Превосходительству, можетъ васъ и насъ избавить нарѣканія: „позвольте фрегату выдти изъ Палермы; позвольте намъ воспользоваться принятымъ морскими державами правомъ и послѣ 24хъ часовъ не нарушая сихъ правъ, не оскорбляя Короля, мы въ морѣ, а не въ гавани сражаясь рѣшимъ кому предъ кѣмъ спустить флагъ. Адмиралъ никакъ неожидавшій такого предложенія, взглянувъ на Венусъ видный въ окно сказалъ the Bird which is-in-a cage more value than-in air, птичка въ клѣткѣ всегда лучше нежели на волѣ. Не правда ли что фрегатъ вашъ весьма легокъ на ходу? но не уже ли вы думаете ускользнуть отъ цѣлой эскадры? Я не могу однакожъ продолжалъ Адмиралъ, нѣсколько подумавъ, согласиться на предложеніе ваше, во первыхъ, что обязался бы отвѣтомъ моему Правительству за напрасное пролитіе крови тогда, когда могу и безъ онаго достигнуть своей цѣли; во вторыхъ изъ личнаго уваженія къ Рускому мужеству, и щадя жизнь храбрыхъ вашихъ людей, въ другихъ случаяхъ могущихъ съ пользою служить своему Отечеству. Я не отнимаю

у васъ чести предлагая сдаться цѣлой эскадрѣ, а не одному кораблю. — Вашему Превосходительству уже извѣстно, что мнѣ поручено только доставить вамъ письмо и съ отвѣтомъ вашимъ возвратиться.—Очень хорошо, я дамъ отвѣтъ, но послѣдній, послѣ котораго не приму никакихъ возраженій и предложеній.

Капитанъ пригласивъ меня въ свою каюту, какъ кажется, имѣлъ порученіе уговорить меня. Вотъ разговоръ мой съ нимъ: не уже ли въ самомъ дѣлѣ вы хотите защищаться противу пяти кораблей перваго ранга; мужество въ семъ случаѣ не у мѣста; любящему свое Отечество, должно беречь жизнь для лучшихъ обстоятельствъ. Сдаться превосходному въ силахъ непріятелю отнюдь не безчестно, я вамъ могъ бы привесть многіе на сіе примѣры, но скажу только одинъ: въ прошедшую войну два нашихъ корабля въ туманѣ сошлись съ Испанскимъ флотомъ и сдались безъ драки. Рускіе, отвѣчалъ я на сіе, безъ сраженія никогда не сдаются. Но въ нынѣшнемъ положеніи возразилъ Капитанъ, кому нибудь изъ насъ надобно уступить, и это конечно вамъ. Если Капитанъ и Офицеры согласятся, продолжалъ Капитанъ, сдаться безъ сраженія; то не будутъ имѣть причины жаловаться на плѣнъ. Вы въ Англіи будете въ гостяхъ, вездѣ хорошо приняты, и я особенно съ моей стороны предлагаю вамъ домъ мой въ Лондонѣ. — Свободнымъ, а не плѣннымъ, я былъ бы обязанъ благодарить за вѣжливость

вашу Г. Капитанъ; но теперь повторяю вамъ, что я неуполномоченъ вести переговоры и чтобы не тратить напрасно словъ, прошу позволить мнѣ возвратиться на фрегатъ. Тутъ доложили Капитану, что ѣдетъ Министръ Друммондъ.

Я прохаживался на шканцахъ съ Офицерами, какъ вдругъ подняли сигналъ и вскорѣ со всѣхъ кораблей барказы съ вепами пошли къ кораблю Егль. Это значило, что рѣшились взять Венусъ силою. Подошедъ къ Капитану я просилъ его доложить Адмиралу, не угодно ли ему будетъ дать мнѣ немедля отвѣтъ. Его Превосходительство, отвѣчалъ мнѣ Капитанъ, желаетъ, чтобы вы остались здѣсь, а шлюпку вашу можете отпустить. Остаться здѣсь? не уже ли Г. Капитанъ, вы хотите задержать меня? напомните Его Превосходительству, что я парламентеръ и кто повѣритъ, что меня задержали? товарищи мои подумать могутъ, что я самъ по своей волѣ у васъ на кораблѣ остался. Надѣюсь, что Англинскій Адмиралъ безъ нужды и безъ причины такъ безчестить меня не пожелаетъ. Успокойтесь, пожавъ мнѣ руку, сказалъ Капитанъ, поѣзжайте; очень впрочемъ жалѣю, что вы будучи уже ранены, не хотите избавить себя опасности, которой могли бы избѣгнуть.

Во время, какъ я находился на Англинскомъ Адмиральскомъ кораблѣ, Капитанъ нашъ ѣздилъ къ Министру, прося его не оставить своею помощію. Дмитрій Павловичъ отвѣчалъ

ему, я съ своей стороны по долгу службы, сдѣлаю все, что будетъ возможно; ѣду сей часъ къ Королю и предложу ему послѣднее средство избавить васъ отъ рукъ Англичанъ; впрочемъ вы люди военные, и если предложеніе мое Королемъ принято будетъ, а вы не разсудите оному послѣдовать; въ такомъ опасномъ случаѣ сами собою располагать должны.

По возвращеніи моемъ на фрегатъ во 2-мъ часу по полудни, когда корабль Егль, началъ уже завозами тянуться къ гавани, изъ города показалась скачущая конница, потомъ артиллерія и наконецъ пѣхотная гвардія Короля Сицилійскаго; на всѣхъ крѣпостяхъ, чего прежде не дѣлывали, подняли флаги. Множество экипажей стояли на Марино, окна и терассы домовъ обращенныхъ къ гавани покрыты были народомъ. Какъ фрегатъ стоялъ у оконечности Молы и могъ быть атакованъ съ лѣваго борта, то мы, дабы закрыть корму, подтянулись ближе къ пристани, и носомъ упираясь на корабль Архимедъ, стали въ такомъ положеніи, что корабль сей, а за нимъ стоявшіе два Неаполитанскіе фрегата, при зажженіи Венуса, должны были вмѣстѣ съ нами летѣть на воздухъ. Министръ нашъ воспользовавшись замедленіемъ переговоровъ успѣлъ спасти насъ отъ алчности Англичанъ. Онъ предложилъ Королю, фрегатъ нашъ взять лучше себѣ, нежели отдать его въ своей гавани Англичанамъ.

Его Величество объемлемый страхомъ и желая сохранить дружество съ обоими своими могущественными союзниками, съ благодарностію принялъ сіе предложеніе Г. Ташищева. Въ третьемъ часу по полудни, когда корабль Егль былъ уже отъ гавани на своемъ выстрѣлѣ, прибылъ къ намъ на фрегатъ уполномоченный отъ Сицилійскаго Министерства, Полицмейстеръ Палермскій кавалеръ Каспрони и вмѣстѣ съ нимъ отъ Министра нашего секретарь посольства Алек. Яков. Булгаковъ. Первый именемъ Короля объявилъ: что фрегатъ со всѣми принадлежностями, какія приняты будутъ, по заключеніи мира возвратится нашему правительству, Офицеры и служители, когда согласятся сдаться безъ сраженія, которое должно быть пагубно всему Палермскому порту, не будутъ почитаться плѣнными, а гостями и при первомъ случаѣ, по полученіи отъ Императора Россійскаго соизволенія, или останутся до заключенія мира съ Англіею въ Палермѣ, или возвратятся въ Россію; доставленіе и содержаніе по Русскому штату, Король беретъ на себя. Секретарь Посольства подтвердилъ, что Дмитрій Павловичъ исходатайствовалъ для насъ сію Капитуляцію и мы можемъ оною воспользоваться. Капитанъ призвавъ всѣхъ Офицеровъ и служителей на шканцы, объявилъ о предложеніи Короля и требовалъ согласія. Матрозы отвѣчали, что они согласны, если предложеніе будетъ принято Капитаномъ и

Офицерами. Какъ условіе было самое удовлетворительное, то Капитанъ по общему согласію, объявилъ Полицмейстеру, что фрегатъ на сбереженіе вручается Королю Сицилійскому. Кавалеръ Кастрони призвалъ съ корабля Архимеда 10 человѣкъ солдатъ, и въ то самое время, когда Англинскій корабль Егль оборачивался бортомъ къ Венусу, дабы открыть огонь, вмѣсто нашего поднятъ былъ на фрегатѣ Сицилійскій флагъ. Оставя на фрегатѣ своемъ караулъ (*), мы переѣхали на Молу, взяли съ собой флагъ и отдали ему честь залпомъ изъ ружей и крикомъ ура! Наслѣдный Принцъ Леопольдъ съ Герцогомъ Гассенъ-Филипсталъскимъ, первые подъѣхали къ нашему фронту, и благосклонно разговаривали съ Капитаномъ и Офицерами, благодарили насъ, что избавили Короля отъ большаго неудовольствія и тотчасъ приказали Бригадиру начальнику порта помѣстить матрозовъ въ упразднившемся монастырѣ близъ Молы находившемся, а для Офицеровъ нанять домъ въ городѣ.

Англичане, видя себя такъ искусно обманутыми, все негодованіе свое обратили на

(*) Фрегатъ послѣ былъ сданъ Сицилійскому Правительству по описи, за общимъ подписаніемъ уполномоченнаго отъ порта чиновника, нашего Капитана, Ревизора и Секретаря посольства Алек. Яков. Булгакова.

Сицилійской Дворъ, а особливо на Королеву, которую они называли душею Руской партіи. Друммондъ оскорбленный неудачею жаловался Ея Величеству, но Королева отвѣчала ему: „Мы поссорились за Англію съ Россіею и дол„жны съ сею сильною державою нести бремя „войны; справедливость требуетъ, чтобы мы „пользовались и преимуществами, съ войною „сею сопряженными, а потому и требовали „мы, чтобъ фрегатъ Венусъ сдался намъ. Кто „можетъ у насъ оспоривать сію добычу?

Министръ нашъ возвратившись отъ Короля и Королевы въ то самое время, когда на Венусѣ подняли Сицилійскій флагъ, подалъ ноту Маркизу Черчелли, въ коей между прочимъ было сказано: что предложеніе, сдѣланное сего утра Капитану фрегата Венуса Англинскимъ Адмираломъ и двѣ ноты отъ Сицилійскаго Двора служатъ доказательствомъ, что онъ дѣйствуетъ съ Англіею совокупно противъ насъ; что сколь велика ни была бы храбрость Рускихъ, фрегатъ не имѣющій даже пороху, не можетъ сразиться съ пятью линейными кораблями и не можетъ противустать морскимъ и сухопутнымъ силамъ цѣлаго Государства, что пролитіе крови въ семъ случаѣ было бы безразсудно, и что по симъ уваженіямъ Руской фрегатъ вручается Его Сицилійскому Величеству. Министръ оканчивалъ ноту, что слагаетъ съ себя званіе Посланника, снимаетъ съ дому своего гербъ

Россійскій (*), оставаясь въ Сициліи токмо до времени, какъ частное лице.

Король искренне благодарилъ Г. Ташищева за то, что доставилъ Его Величеству средство дать Государю Императору доводъ своей нелицемѣрной преданности, не подвергая себя мщенію Англичанъ. „Что дѣлать намъ островитянамъ, сказалъ Король, „гдѣ много воды, тутъ много и Англичанъ! „Хотя чрезъ нѣсколько дней, по настоянію Г. Друммонда, прислали къ монастырю, матрозами нашими занимаемому, Сицилійской караулъ и предложили ружья сложить въ магазейнъ, шутъже въ казармѣ находившійся; но солдатамъ позволили носить тесаки, въ инструкціи же карауленаго Сицилійскаго Офицера было сказано: охранять насъ отъ Англичанъ, не допускать подозрительныхъ людей въ казармы и быть въ полномъ распоряженіи у дежурнаго Россійскаго Офицера. Посему при смѣнахъ Сицилійской Офицеръ рапортовалъ нашему, а солдаты его, которые стояли на часахъ у воротъ монастыря, повиновались нашимъ матрозамъ, вмѣстѣ съ ними отправлявшимъ караулъ. Словомъ, съ нами обходились какъ съ друзьями и не почитали насъ плѣнными. Такимъ образомъ кончилось къ удо-

(*) Во всей Италіи Дипломатическій Агентъ выставляетъ обыкновенно на воротахъ дома имъ занимаемаго Гербъ своего Государства.

вольствію обѣихъ сторонъ дѣло, которое безъ присутствія духа Россійскаго Министра и рѣшительности Капитана Андреянова могло бы имѣть весьма невыгодныя для насъ послѣдствія. За таковой подвигъ Тайный Совѣтникъ Тапищевъ при возобновленіи дружественныхъ сношеній былъ награжденъ отъ Короля орденомъ св. Фердинанда, а Секретарю посольства А. Я. Булгакову пожалованъ орденъ св. Константина.

До отъѣзда Дмитрія Павловича обходились съ нами очень снисходительно; всѣми удовольствіями, какія имѣли въ продолженіе пребыванія нашего въ Палермѣ, обязаны мы достопочтенному сему Министру. Онъ представилъ насъ Королю и Королевѣ, рекомендовалъ нѣкоторымъ особамъ Двора, которыя въ отсутствіе его могли удовлетворять нуждамъ нашимъ, любилъ, что бы мы чаще были у него и старался доставить намъ пріятное времяпровожденіе. По отъѣздѣ Министра, мы сей часъ почувствовали, что лишились ходатая и защитника. Едва оставилъ онъ Палерму, людямъ уменшили положенную порцію, потомъ временно стали удерживать и сію, такъ что матрозы наши принуждены были искать работою пропитанія. Дюку де Бельмонте, котораго загородный домъ находился близъ казармъ, Рускіе оставили по себѣ памятникъ; ибо то, что предполагалъ онъ окончить въ годъ, команда наша сдѣлала ему въ два мѣсяца. Каменный ушесъ былъ взорванъ, обдѣланъ и

обращенъ въ Англинской садъ, долженствующій по предполагаемому плану служить наилучшимъ украшеніемъ окрестностей Палермы. Офицерамъ не давали никакого содержанія и стороною подсылали подговаривать матрозовъ въ Англинскую службу. Непріятность слѣдовала за непріятностію. 3-го Морскаго полку рядовой Епифановъ, по старому знакомству съ Англинскимъ сержантомъ зашедъ съ нимъ въ трактиръ, выпилъ лишнюю чарку. Англичанинъ замѣтивъ, что товарищъ его довольно веселъ, предложилъ ему принять Англинскую службу и въ задатокъ далъ ему нѣсколько червонцевъ. Епифановъ понялъ для чего такъ усердно его подчивали. Принявъ червонцы, бросилъ оныя ему въ глаза, вылилъ на голову изумленнаго сержанта оспальное вино и выполкалъ его изъ трактира на улицу. Англинскіе наборщики, никакими хитростями не успѣвши подкупить ни одного изъ матрозовъ нашихъ, осмѣлились наконецъ брать ихъ силою на корабли свои; и одинъ разъ схвативши трехъ матрозовъ, не успѣли увесть ихъ; ибо караулъ близъ Арсенала бывшій вступился за нашихъ; Англичане получивши помощь съ своего Брига, прогнали было Сицилійскихъ солдатъ; но тутъ подоспѣли изъ казармы наши матрозы, началась драка, которая къ счастію кончилась только тѣмъ, что дерзкихъ изрядно поколотили, принудили бѣжать и отнявъ у нихъ шлюпку изломали оную въ щепы. Въ другой разъ въ

самомъ городѣ, схватили было нашего матроза; но чернь отбила его, шушъ едва не дошло до кинжаловъ и каменьевъ; къ счастію полиція подоспѣла во время, и до драки не допустила. Сіи поступки не могли быть скрыты отъ Короля; они возбудили въ немъ справедливое негодованіе. Его Величество приказалъ караулъ при казармѣ нашей удвоить, и не пускать Англинскихъ матрозовъ далѣе Арсенала.

По необходимости принуждены мы были, кромѣ работы въ саду Дюка де Бельмонте, запретить людямъ нашимъ выходить изъ казармъ; они хотя чрезъ сіе и лишились многихъ другихъ выгодъ; однакожъ не только не роптали на нужду, но съ твердостію отказались отъ предложеній, дѣлаемыхъ имъ даже чрезъ караульныхъ у казармы Сицилійскихъ солдатъ вступить въ Англинскую службу, и напослѣдокъ къ концу пребыванія нашего въ Палермѣ, повинуясь приказанію Капитана не выходили даже за ворота. Когда стороною дали знать матрозамъ, что если они хотятъ, то не смотря на запрещеніе Капитана, имъ позволятъ выходить для своихъ работъ, кому куда угодно будетъ и даже отпустятъ ихъ однихъ безъ Офицеровъ въ Россію; то къ чести всего экипажа должно сказать, что они предложеніе сіе отвергли съ неудовольствіемъ и объявили, что они изъ повиновенія своихъ начальниковъ не выдутъ, и безъ нихъ и въ Россію возвратиться не хотятъ. Послѣ сего неудачнаго опыта съ людьми нашими, подъ ви-

домъ недостатка денегъ, предложили Офицерамъ выдать только имъ однимъ жалованье; но мы также объявили, что одни безъ служителей, не хотимъ имѣть противу ихъ никакихъ выгодъ и хотя въ деньгахъ имѣли крайнюю нужду, но отъ принятія оныхъ отказались. Всѣ наши бѣды, какъ мы полагали, происшекали отъ Маркиза Чирчелли, дѣйствовавшаго въ угодность Англичанамъ. Онъ услышавъ, что мы отказались отъ жалованья и опасаясь, чтобы жалобы наши не дошли до Королевы, призвалъ къ себѣ Лейтенанта Насѣкина, по знанію Италіянскаго языка рекомендованнаго ему отъ Дмитрія Павловича для нужныхъ сношеній нашихъ съ Правительствомъ, ласково предложилъ ему: отправить Капитана съ Офицерами, для коихъ какъ онъ сказалъ и судно уже готово; а людей, какъ скоро сыщется другое, отпустятъ вслѣдъ за нами съ условіемъ, чтобы мы Офицеры напередъ дали честное слово не служить въ продолженіи войны противу Англичанъ. Насѣкинъ понявъ къ чему клонится такое предложеніе отвѣчалъ: Офицеры безъ людей, равно и они безъ насъ, какъ уже вамъ извѣстно, не могутъ и не должны согласиться одни безъ другихъ отправиться куда либо, и мы не только не дадимъ честнаго слова не служить противу Англичанъ, но и противу васъ; ибо мы Сицилійцамъ не сдавались, мы здѣсь не плѣнные и слово Короля отпустить насъ при первомъ случаѣ, безъ всякаго условія, должно

быть свято исполнено. Министръ огорченный такимъ отвѣтомъ началъ угрожать. Насѣкинъ повторилъ ему, что онъ, равно и его товарищи, привыкли уже не страшиться и самой смерти; конечно не убоятся однихъ угрозъ Министра, которому должно знать, что всякое насиліе отъ стороны его Правительства Рускимъ сдѣланное, будетъ не только несправеливость, но и неблагодарность; и что онъ полагаясь на праводушіе Короля и Королевы, смѣло отвергаетъ и впредь не приметъ никакихъ симъ подобныхъ предложеній. Маркизъ столько смутился сими послѣдними словами Насѣкина, что выходя изъ своего кабинета, во гнѣвѣ ему сказалъ: если такъ, то могу увѣрить васъ, что можетъ завтраже перемѣните вы тонъ Римлянина; я имѣю средства, заставить васъ дѣлать то, что мнѣ нужно.

Угрозы сіи ничего не обѣщали намъ хорошаго. Капитанъ знавши, что Министръ можетъ обвинить насъ предъ Королевою, въ угодность Англичанъ, поступить съ нами какъ ему вздумается, пригласилъ къ себѣ на квартиру всѣхъ Офицеровъ, дабы согласиться какъ отразить сіи нападки Маркиза. Въ сіе время дежурный Офицеръ прислалъ сказать, что команда проситъ всѣхъ Офицеровъ притти въ казарму. Это насъ очень удивило. Капитанъ будучи не здоровъ, поручилъ старшему Лейтенанту Мѣльникову разыскать, кто первый осмѣлился сдѣлать такое предложеніе

и наказать въ примѣръ другимъ. Но должно представить наше негодованіе, когда караульный Сицилійскій Офицеръ, встрѣтившій насъ за воротами монастыря, съ торопливостію и въ великомъ страхѣ объявилъ, что онъ не знаетъ, что дѣлать; что матрозы наши не слушаютъ его и нашего дежурнаго Офицера, что самовольно отперли магазейнъ и разобрали по рукамъ сложенное въ ономъ оружіе. Едва вошли мы въ казарму, безпорядочной шумъ, при первомъ голосѣ начальниковъ утихъ, и всѣ безъ малѣйшаго нехотѣнія по приказанію Г. Мѣльникова, тотчасъ стали во фрунтъ. Когда мы, разумѣется въ великомъ гнѣвѣ, начали выговаривать и спрашивать, кто осмѣлился подать голосъ къ неповиновенію и бунту.... Матрозы Коптевъ, Аѳанасьевъ, солдатъ Епифановъ первые вышли передъ фронтъ, за ними самъ боцманъ и еще человѣкъ десять лучшихъ, исправнѣйшихъ и добраго поведенія людей. Первый изъ нихъ Коптевъ такъ начинаетъ: напрасно Ваше благородіе называете насъ бунтовщиками, извольте выслушать и вы увидите, что мы никогда не думали выйти изъ повиновенія; ибо очень знаемъ, что безъ начальниковъ какъ безъ головы, а паче здѣсь на чужей сторонѣ, мы всѣ пропадемъ. Правда, мы безъ просу взяли ружья и порохъ; но взяли его для защиты васъ, а не для другаго чего. Вамъ извѣстно, что мы отказались одни безъ васъ отправиться въ Россію, теперь мы слышимъ

что всѣхъ Г.г.Офицеровъ хотятъ посадить въ тюрьму, а насъ силою отдать на Англинскіе корабли; мы опасаясь исполненія того или другаго, и какъ квартиры ваши въ городѣ слишкомъ отъ казармъ удалены, то мы и осмѣлились просить васъ къ себѣ съ тѣмъ; чтобы или защищаться противу притѣсненія, или неразлучно съ вами итти въ тюрьму, и что теперь прикажите, мы все готовы исполнить. Послѣ угрозъ нашихъ, когда уже все было приготовлено къ строгому наказанію начинщиковъ, изумленіе, переходъ отъ гнѣва и огорченія къ радости и удовольствію, представить и описать не возможно. Когда Коптевъ простыми словами, но смѣло объяснилъ мысли всѣхъ своихъ товарищей, и когда нѣкоторые изъ Офицеровъ примолвили: однакожъ . . . . то онъ положивъ шапку на земь сказалъ: я начинщикъ, меня одного и наказывайте. При семъ словѣ и самые строгіе изъ насъ невольно опустили глаза внизъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ краснорѣчиваго молчанія, когда съ одной стороны поражены были справедливостію представленія, съ другой со смиреніемъ ожидали приговора начальническаго и наказанія, никто изъ Офицеровъ не смѣлъ въ другой разъ повторить многозначущее однакожъ . . . . . Я едва могъ удержаться, чтобы не обнять Коптева, и дожидалъ съ нетерпѣніемъ, что скажутъ старшіе меня, а когда сіи какъ бы по невольному движенію, сказали: „Коптевъ! ты правъ.“ То я подошедъ къ нему

сказалъ: Коптевъ ты молодецъ, славной матрозъ, ты благородный человѣкъ. Всѣ Офицеры перемѣня попомъ тонъ, смягчивъ голосъ, какъ бы не смѣя приказывать такой командѣ, которая благородною рѣшимостію и преданностію заслужила нашу признательность, старались ласковыми словами внушить, что взяться за оружіе было бы дѣло безразсудное, что такой поступокъ будетъ намъ пагубенъ, и что мы до рѣшенія нашей участи, останемся въ казармѣ и на кварширы не пойдемъ. Послѣ сего матрозы безъ малѣйшаго противорѣчія, сложили оружіе на прежнее мѣсто. Сицилійскій Офицеръ, ожидавшій дурныхъ для себя послѣдствій, будучи въ восхищеніи отъ такой скорой перемѣны въ расположеніи людей и для него непоняшной подчиненности, ломая руки восклицалъ o! che Gente che Gente! (какой народъ!). Когда Бригадиръ, которому мы поручены были, по увѣдомленію караульнаго Офицера пріѣхалъ, то мы ему объявили о угрозахъ Министра и о своемъ намѣреніи остаться съ матрозами въ казармѣ и ни подъ какимъ видомъ съ ними болѣе не разлучаться. Будьте покойны отвѣчалъ Бригадиръ, Король, а особенно Королева васъ столько уважаетъ, что Министръ не осмѣлится употребить противу васъ насиліе; онъ по печальной для всѣхъ насъ зависимости отъ Англичанъ, старается угрозами побудить васъ къ какому либо безпорядку, дабы представить оной Королю, разлучить васъ съ людьми, сдѣлать

шѣмъ угодность Друммонду, а болѣе Тронброу, которому очень хочется имѣть на своихъ кораблякъ Рускихъ матрозовъ.

Дабы и впредь оградить себя отъ нападковъ Маркиза Черчелли, на другой же день по болѣзни Капитана пять Офицеровъ пошли во Дворецъ съ прозьбою. Королева удостоила принять насъ первыхъ. Когда мы введены были въ ея кабинетъ, Ея Величество уже ожидала насъ у самыхъ дверей, и взявъ бумагу не читая ее, милостиво сказала: „объя„сните мнѣ, въ чемъ ваша нужда, я за удо„вольствіе почту во всемъ удовлетворить „васъ.“ Когда Насѣкинъ въ коротькихъ словахъ пересказалъ разговоръ его съ Министромъ, то Королева отвѣчала: „Я не понимаю, почему сдѣлали вамъ эту непріятность: впрочемъ кажется когда отпускаютъ Французскихъ Офицеровъ, то они очень охотно даютъ честное слово; но и то правда, что они никогда его и не держутъ.“ Насѣкинъ въ отвѣтъ на сіе осмѣлился представить Ея Величеству, что въ царствованіе Екатерины II, былъ примѣръ, что одинъ Офицеръ находясь въ плѣну у Шведовъ, и давши слово въ продолженіи войны не служить противу ихъ, по прибытіи въ Россію былъ за то отставленъ отъ службы. Ея Величество благосклонно выслушавъ отвѣчала: очень вамъ вѣрю, и сіе ваше обыкновеніе не давать честнаго слова похваляю; но вы у меня не плѣнные; надѣюсь, что вы сами такими себя не почитаете, боюсь одна-

кожъ, не огорчили ли васъ чѣмъ либо болѣе, нежели словами; ибо намъ не возможно Рускихъ почитать своими непріятелями; одинъ Богъ и вашъ Императоръ моя единая надежда; такъ, одинъ Александръ, продолжала она съ чувствомъ и поднявъ къ небу глаза, одинъ только онъ твердая опора притѣсненныхъ и только ему одному возможно прекратить сей хаосъ..... Успокойтесь, я отпущу васъ безъ всякаго условія, какъ моихъ друзей; выбирайте гавань, куда будетъ способнѣе васъ доставить и вы немедленно отправитесь. Обѣщаніе Королевы было въ точности исполнено; намъ выдали все что слѣдовало, сверхъ положеннаго по нашему морскому уставу, Король за доброе и примѣрное поведеніе людей, которые въ пятимѣсячное пребываніе въ Палермѣ, заслужили общую похвалу, пожаловалъ намъ особенно на путевыя издержки, и наконецъ послѣ многихъ неудовольствій, по желанію нашему, на двухъ наятыхъ купеческихъ Австрійскихъ судахъ 12 Апрѣля 1808 года мы отплыли въ Тріестъ, гдѣ стояла эскадра Капитанъ-Командора Салтанова. Такимъ образомъ съ честію, съ оружіемъ и барабаннымъ боемъ, перебрались мы на суда, на которыхъ на большей мачтѣ подняли мы Россійской, а на передней бѣлой переговорной флагъ.

На пути отъ Палермы до Трiеста. Нѣчто о Мессинѣ.

При тихомъ вѣтрѣ и пасмурной погодѣ оставили мы Палерму. Обширный городъ сей, въ нѣкоторомъ отъ него удаленiи, представляется въ наилучшемъ видѣ. Гавань, наполненная кораблями, великолѣпныя зданiя обнесенныя стѣною, видъ и всѣ окресности столицы, въ 10ти миляхъ отъ оной, имѣютъ прекраснѣйшее положенiе. Въ вечеру мы проходили островъ Упику, напоминающiй смѣлость Варварiйскихъ разбойниковъ и слабость Неаполитанскаго правительства. Корсеры обыкновенно приставали къ сему острову, на коемъ есть солдаты для стражи и небольшая крѣпость для охраненiя солдатъ; не смотря на сiе до водворенiя Англичанъ въ Сициліи, Алжирцы безнаказанно брали суда въ самой гавани Палермской.

Ночь была прекраснѣйшая, мы плыли съ попутнымъ вѣтромъ и располагали завтра быть въ Мессинѣ; но небо опредѣлило иначе и море также. При разсвѣтѣ 13 Апрѣля, когда находились мы между Липарскими островами и Сициліею, вѣтръ сильный и противный развелъ большое волненiе, горизонтъ покрытъ былъ мрачными тучами; мы лавировали у острова Липари, гдѣ, какъ говорятъ, Эолъ заключилъ въ пещеру вѣтры; но въ этотъ день они были на свободѣ. Шхиперъ нашъ подошедъ весьма близко къ берегу, отъ прибоя волнъ не успѣлъ

МЕССИНА
Фонтанъ
Палацата
Садео
Ровъ
Домъ Губернат.
Илъ съ ракушкой
Илъ
ГАВАНЬ
Кр. Сн. Салвадоръ
Цитадель
Карантинъ
Низкая песчаная коса
Соленыя ямы
Маякъ
Харибда
Танедонъ
Ист.
Маштабъ полумили.
1 2 3 4
Скл. 15° W.

поворотить противъ вѣтра (чрезъ оверъштагъ) и спускаясь по вѣтру чуть не посадилъ судна на камень. Отъ неудачи сей, шхиперъ потерялъ голову, кричалъ, суетился и не зналъ что дѣлать; матрозы его вынесли La Madonna (образъ Богородицы), поставили ее къ мачтѣ и начали молишься о прекращеніи бури; но въ самомъ дѣлѣ вѣтръ былъ не такъ силенъ; неловкость матрозовъ и торопливость шхипера были причиною напраснаго шума. Капитанъ нашъ прогналъ шхипера въ каюту, Итальянцевъ его оставилъ молиться, а своимъ матрозамъ приказалъ отправлять должность. Къ полудню вѣтръ отошелъ, сдѣлался попутный, и мы смотря то на одну, то на другую сторону, наслаждались скорымъ ходомъ, и съ удовольствіемъ глядѣли на снѣжную пѣну, которая клубилась и клокотала вокругъ судна. Къ вечеру вѣтръ началъ уменьшаться, мы шли вдоль зеленѣющагося берега Сициліи. На одной сторонѣ мелькали города, деревни и монастыри, а съ другой синѣлись Липарскіе острова, изъ которыхъ четыре извергали дымъ, наподобіе курильницъ, поставленныхъ на гладкомъ столѣ. Ночь была темна, но тиха и пріятна. Стромболи изрѣдка выбрасывалъ пламя. Видъ сей представлялъ взору такую картину, для изображенія которой трудно найти художника. Изверженіе огнедышущей горы дѣлаетъ сильное впечатлѣніе въ томъ, кто еще не прывыкъ къ оному. Непонятно тому покажется, какъ Итальянцы

могутъ шутить и весело пѣть близъ оныхъ. Что можетъ быть въ природѣ ужаснѣе землетрясенія? Твердѣйшаго гранита горы, коихъ вершины въ облакахъ, до основанія разрушаются, перемѣняютъ видъ и даже мѣсто; а человѣкъ, сія персть земная, не смотря почти на ежегодное разрушеніе вокругъ его распространяемое, бодрствуетъ противу всего, и близъ такихъ горъ спокойно наслаждается жизнію. Должно согласишься, что ничего нѣтъ храбрѣе прывычки.

14 го Апрѣля. Когда мы вошли въ Мессинской проливъ и находились посреди пучинъ, вѣтръ, бывшій до сего времени довольно свѣжъ, вдругъ уменьшился. Наше судно, держась ближе къ Фаро, успѣло обойти косу благополучно; другое же, на коемъ находился Лейтенантъ А. М. Мельниковъ съ половиною экипажа, попало въ самой сильной водоворотъ, и было выброшено на Калабрскій берегъ. Французская батарея, построенная на семъ берегу, не смотря на то, что на суднѣ подняты были Россійскій и бѣлой переговорной флаги, открыла огонь сначала ядромъ, потомъ картечью. Въ защиту нашего судна, Англичане начали стрѣлять изъ одной пушки большаго калибра, поставленной у маяка Фаро; каждое ядро изъ оной падало прямо на Францу кую батарею. Такимъ образомъ *союзники* приняли насъ, какъ враговъ, а непріятели, уважая переговорный флагъ, защищали какъ друзей. Оставляю всякому судить, что мы при семъ чувствовали. Хотя

судно стояло уже на мѣли и слѣдовательно было во власти Французовъ; но они стрѣлять не переставали; почему Капитанъ Андреяновъ послалъ на шлюпкѣ Лейтенанта Насѣкина для объясненія съ Французами. Лейтенантъ не смотря на ружейный и картечный огонь, присталъ къ берегу и тогда съ батареи перестали стрѣлять. Французскій Офицеръ, командовавшій батареею, извинялся, что онъ третей дивизіи нашъ флагъ почелъ Англинскимъ. Прекрасное извиненіе! Судно повреждено было въ мачтахъ, два Италіанскихъ матроза, спрятавшіеся въ трюмъ, были тамъ убиты ядромъ, а изъ нашихъ, стоявшихъ на палубѣ ни одного не убито и не ранено.

Прибывъ въ Мессину, Капитанъ послалъ меня съ письмомъ къ Англинскому Генералу, командующему гарнизономъ и крѣпостью, просить, чтобы позволилъ послать нѣсколько лодокъ для сняшія судна съ мѣли; естьли же сіе окажется не возможнымъ, то команду нашу перевесть въ Мессину, откуда для отправленія въ Тріестъ нанять другое купеческое судно. Я пріѣхалъ сначала на бранвахту. Капитанъ бранвахтеннаго фрегата сказалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ еще повелѣнія пускать насъ на берегъ, что онъ для испрошенія сего, сей часъ ѣдетъ къ Генералу и можетъ пакетъ отъ Капитана нашего вручить ему и немедленно доставитъ отвѣтъ. Англинскій Капитанъ ескорѣ возвратился и объявилъ мнѣ, что Генералъ охотно согласился удовлетворить

всѣ наши желанія; но сомнѣваясь, чтобы Французы также благосклонно приняли наше предложеніе; ибо они, неуважая никакого флага, берутъ всѣ суда, какія по несчастію теченіемъ бросаетъ, на ихъ берегъ; находилъ за необходимо нужное ошобрать напередъ мнѣніе Французскаго Генерала, командовавшаго авангардомъ въ Реджіо; и если Капитану нашему угодно для сего сношенія послать своего Офицера; то, для перевозу его въ Реджіо, будетъ дана лоцманская лодка. Лейтенантъ Насѣкинъ въ тотъже день былъ отправленъ и 18 Апрѣля возвратился съ неблагопріятнымъ отзывомъ. Французскій Генералъ не хотѣлъ вѣрить, что бы Англичане съ добрымъ намѣреніемъ оказывали намъ свои услуги; и думалъ, что за такое снисхожденіе, они, когда оба судна будутъ въ Мессинѣ, задержатъ оныя и насъ возмутъ въ плѣнъ; и что онъ самъ собою не можетъ рѣшишься на удовлетвореніе прозьбы нашего Капитана. Курьеръ, посланный въ главную квартиру, въ Козенцѣ бывшую, привезъ слѣдующее рѣшеніе главнокомандующаго Генерала Французской арміи: „Австрійское судно задержать, людей же нашихъ на немъ находящихся отправить чрезъ Неаполь, Римъ и Анкону въ Венецію, гдѣ стоитъ наша эскадра. Для сопровожденія дать Французскаго офицера, коему приказать по требованію Лейтенанта Мельникова, доставлять все нужное. Въ семъ непріятномъ для насъ обстоятельствѣ, открываешся нѣкоторымъ образомъ причина

дѣйствій и поступковъ Англичанъ и Французовъ. Ненависть сихъ двухъ націй, конечно происходитъ отъ самолюбія и соперничества. Кто много думаетъ только о себѣ, тотъ не можетъ быть справедливъ къ другому, и вотъ причина, вотъ источникъ довольно мутный ненависти унижающей оба народа. Англичане винятъ Французовъ; Французы браняТъ Англичанъ; и тѣ и другіе и правы и виноваты. Въ нѣкоторыхъ однакожъ случаяхъ должно оправдать Англичанъ; они иногда уважаютъ права народныя и бываютъ вѣжливы; Французы подражая Наполеону пренебрегаютъ всѣми уставами и бываютъ вѣжливы только на словахъ.

Едва мы вошли въ гавань, какъ Графъ Кауницъ (сынъ Министра), Австрійскій Посланникъ при Сицилійскомъ Дворѣ, первый посѣтилъ насъ и предложилъ свои услуги. Капитанъ съ благодарностію оныя принялъ; ибо хотя и оставался въ Мессинѣ нашъ Консулъ Манзо, но онъ будучи частнымъ лицомъ не смѣлъ къ намъ показаться. На другой день мы сами отъискали его квартиру, у него денегъ не было и помощь Графа была очень кстати.

Пріуготовленіе Французовъ сдѣлать высадку на Сицилію, остановило торговлю. Англинскіе купцы были въ великомъ безпокойствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ колоніальные свои товары продавали за безцѣнокъ, другіе, болѣе дальновидные, скупали оные, и не обманулись

въ разщотѣ. Наполеонъ дѣлалъ великія приуготовленія въ Калабріи для покоренія Сициліи, точно съ тоюже цѣлію, какъ послѣ Амієнскаго мира, изъ Булони, не имѣя корабельнаго флота, на канонерскихъ лодкахъ (быть можетъ и на воздушныхъ шарахъ) хотѣлъ высадить войска въ Англію и вдругъ со всею арміею обратился на Австрію; и Сицилія была также только отводомъ для нападенія на Испанію.

Иждивеніемъ и трудами Англичанъ, всѣ укрѣпленія Мессины нынѣ приведены въ лучшее состояніе. Вмѣсто прогулки, я пошелъ осматривать портъ и крѣпости. Гавань Мессинская (*) подобная ковшу, есть наипрекраснѣйшая по мѣстоположенію, безопаснѣйшая по удобности и конечно можетъ почесться изъ числа лучшихъ въ свѣтѣ. Противу Палацаты, составляющей полкруга, закрѣпившись канатами за набережную стоятъ военные и купеческіе корабли. Грунтъ повсюду илъ, глубина близъ берега къ городу отъ 8 до 35, по средине гавани простирается до 60 саженъ. Узкая песчаная коса (**), загибающаяся противу набережной также въ полкруга, образуетъ обширной Бассейнъ съ единствен-

(*) Смотри картину.

(**) Баснословные Греческіе писатели повѣствуютъ что Сатурнова коса упавъ на сіе мѣсто начертила сію фигуру.

ымъ входомъ шириною въ 220 саженъ. Пучина Харибды, сильнымъ своимъ теченіемъ иногда затрудняетъ входъ въ гавань; но корабли могутъ останавливаться и вић оной, имѣя только одну осторожность, а именно, когда положатъ якорь, тотчасъ должно укрѣпиться канатами за берегъ; ибо съ онаго вѣтры дуютъ сильными порывами. Карантинное зданіе по назначенію своему построено въ удобномъ мѣстѣ; оно соединяется съ косою подъемнымъ мостомъ. Мессинской Фаросъ (маякъ), зажигаемый каждую ночь, поставленъ для показанія плавателямъ отмѣли *Санадонъ*, которой крайне беречься должно, потому что Харибда, здѣшними жителями Гарафаро называемая, дѣйствуетъ въ семъ мѣстѣ весьма сильно. Укрѣпленія съ морской стороны составляютъ сильную защиту; но съ сухаго пути, хотя городъ обнесенъ стѣною и сухимъ рвомъ, а на горѣ построена цитадель, не можетъ однакожъ выдержать порядочной осады.

Мессинцы, почитаются въ Италіи за наилучшихъ плавателей въ искуствѣ семъ, они достигли до невѣроятности. Мальчики, на глубинѣ 30 саженъ, ныряя достаютъ устрицы со дна моря. Здѣсь разказываютъ про нѣкотораго Коласа, уроженца сего города, будтобы онъ могъ ходить по морскому дну противъ теченія, могъ ловить рыбу и нѣсколько дней могъ плавать, не выходя на землю, отъ чего и прозванъ былъ рыбою. Естьли бы произ-

шествіе сіе не утверждено было многими Сицилійскими писателями, то оное можно бы почесть за баснь Греческаго воображенія. Король Фридрихъ посѣщая Мессину, желалъ быть очевиднымъ тому свидѣтелемъ. Коласъ учинилъ два опыта, и своимъ долгимъ пребываніемъ подъ водою, привелъ зрителей въ изумленіе. Любопытство Короля стоило наконецъ бѣдному Коласу жизни. Фридрихъ, желая наградить его, приказалъ большую золотую чашу бросить въ самую Харибду. Коласъ нырнулъ и погибъ.

Окресности Мессины очень пріятны; кругомъ города видны прекрасныя гулянья. Дороги въ Палерму и Таормины обсажены шѣнистыми деревами. Возвращаясь изъ Цитадели въ городъ, взошелъ я на вершину одного холма, и остановился, дабы насладиться прелестнымъ видомъ оттуда открывавшимся. Городъ былъ подъ ногами. Проливъ представлялъ глазамъ величественную рѣку, между двумя хребтами горъ медленно текущую. Оба берега покрыты тучными нивами, виноградниками, городами, селами, монастырями и двумя красивыми фаросами. Съ каждой стороны зрѣніе ограничиваетъся высокими горами, одѣтыми плодосными рощами. Всѣ поля, луга и холмы около Мессины покрыты тучнымъ прилиственникомъ, душистыми растѣніями, кустарниками розъ и другихъ цвѣтовъ, которые наполняютъ воздухъ пріятнѣйшимъ благовоніемъ. Въ самой гавани нѣтъ того

непріятнаго запаха, отъ морской воды происходящаго, который во многихъ приморскихъ городахъ безпокоитъ обоняніе. Сильное движеніе воды въ проливѣ конечно тому причиною.

Проходя городомъ, я зашелъ въ одну старую Готическую церковь, что на площади, гдѣ стоитъ монументъ Карла III, отца нынѣшняго Короля Фердинанда IV. Церковь сія украшена Греческою Мозаикою, очень посредственнаго вкуса, а нѣсколько статуй кажется нынѣшняго дѣла и довольно изрядны. На Мозаическомъ полу проведена полуденная линея, раздѣленная на знаки Зодіака, и числа. Въ стѣнѣ церкви пробитъ узкій прорѣзъ, лучи солнца проникая въ оный и досягая полуденной черты, показываютъ вмѣстѣ мѣсяцъ, число и истинный въ Мессинѣ полдень.

Въ Италіи, каждый городъ имѣетъ особенный свой церковный праздникъ. Мессина отличается торжествомъ, отправляемымъ въ день Успенія, 15 Августа. Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ былъ очевидцемъ сего страннаго обряда; я предлагаю здѣсь его замѣчаніе. На горѣ, въ концѣ большой улицы сооружается деревянная машина въ видѣ конуса, вышиною въ 7 саженъ. Основаніе машины утверждено на каткахъ, къ которымъ придѣланы шестерни, обращающія нижній кругъ, а за нимъ и всѣ другіе круги на одной оси съ нижнимъ укрѣпленные. Машина украшается померанцовыми вѣтвями, цвѣтами въ горшкахъ

и разноцвѣтными бумажками. До ста мальчиковъ, въ бѣлой длинной одеждѣ съ привязанными на плечахъ крыльями, представляющіе Ангеловъ, садятся между цвѣтами на горизонтальныхъ колесахъ, изображающихъ небесные круги. На верхнемъ кругѣ, надъ хоромъ Херувимовъ старецъ въ пурпуровой одеждѣ съ поддѣланною сѣдою бородою представляетъ Вседержителя; подлѣ него сидитъ юная дѣва, облеченная въ драгоцѣнныя ризы, какія у насъ пишутъ на образахъ Богородицъ; дѣвица, представляющая главное лице, Божію матерь, должна быть прекрасна и непорочна; и для сего избирается дѣвица десяти или одиннадцати лѣтъ изъ бѣдныхъ. Народъ, сколько можетъ помѣститься на улицѣ, взявшись за веревки тащитъ машину подъ гору къ соборной церькви. Лишь только машина тронется, круги начинаютъ двигаться; представляющіе Ангеловъ, одни поютъ, другіе ѣдятъ апельсины, иные рѣзвятся, а большая часть закружившись засыпаютъ. Пушечная пальба возвѣщаетъ начало процессіи, народъ тѣснится на главной улицѣ, по коей везутъ машину; набожные бросаются ницъ на мостовую, и машина чрезъ нихъ проѣзжаетъ. Изъ оконъ домовъ вывѣшиваютъ разноцвѣтные шелковые покровы, женщины осыпаютъ цвѣтами машину, оная представляетъ видъ огромнаго движущагося замка занимающаго всю ширину улицы. Процессія сія останавливается на каждыхъ ста шагахъ; народъ обращается

въ сидящей на верху дѣвицѣ и становится на колѣни. Оркестры музыки играютъ въ сіе время гимны въ честь Богородицы. По окончаніи обѣдни, когда дѣвица выходитъ изъ церкви, отдается ей честь залпомъ изъ маленькихъ мартирокъ, называемыхъ *Масколи*; она ходитъ потомъ по всѣмъ церквамъ и домамъ, гдѣ дарятъ ее деньгами или вещьми на приданое. Въ сей день дѣвица имѣетъ право освободить преступника, хотя бы онъ приговоренъ былъ къ смерти. Сія дѣвушка вздумала посѣтить и Рускіе корабли. Хотя паковое посѣщеніе и запрещено Петромъ Великимъ, однакожъ, сей не можно было отказать, и она получила въ подаяніе гораздо болѣе, нежели другія предшественницы ея въ прежніе годы. По сему сопровождавшіе ее говорили: „*наша Богородица счастлива, что Рускіе пришли къ ея празднику.*“ На другой день два бумажныхъ великана прогуливаются по городу. Одинъ изъ нихъ представляетъ мущину, другой женщину въ престранномъ нарядѣ. Народъ, а болѣе женщины кланяются въ землю симъ бумажнымъ кукламъ. О произхожденіи сего обряда сказываютъ слѣдующее: Когда Графъ Рожеръ завоевалъ Сицилію у Сарациновъ, въ то время находился въ Мессинѣ начальникъ оныхъ съ женою исполинскаго роста, весьма любимый народомъ. Въ честь имъ установлена сія процессія. Непостижимо, какъ въ Католической землѣ позволяютъ

народу такія шалости; но вездѣ свои обычаи, ихъ осуждать не можно.

19 Апрѣля. Оставя Мессину и обошедъ мысъ Спартивенто, мы держались близь берега. Вѣтры были тихіе, погода пріятнѣйшая. Этна три дня была у насъ въ виду; надъ нею неподвижно стояло густое облако дыма. Крутыя и высокія Калабрскія горы, съ обозженными вершинами, касающимися облаковъ; дикія скалы нависнувшія надъ моремъ; скаты горъ и долины между ими заключенныя, покрытыя зеленью, плодоносными дубравами, виноградниками, замками, селеніями, монастырями и крѣпостями, разнообразя мѣстоположеніе, представляютъ попеременно веселые и грозные виды. Природа является здѣсь во всемъ своемъ великолѣпіи и богатствѣ и посреди ужасовъ своихъ нравится взору; но жить въ сихъ едемскихъ садахъ совсѣмъ другое дѣло. Признаюсь, я чувствую великое отвращеніе отъ здѣшнихъ землятрясеній, и можно ли спокойно оставаться на такой землѣ, которая почти безпрестанно трясется подъ ногами? Съ чѣмъ можно сравнить опасеніе быть раздавлену собственнымъ домомъ?

23 Апрѣля прошли Отранто и вступили въ Адріатическое море. Поелику ночью вѣтры дуютъ здѣсь съ берега, то держались мы къ оному какъ можно ближе. Тихая ночь при полнолуніи дѣлала плаваніе наше

очень пріятнымъ. Судно движимое легкимъ вѣтеркомъ, наполнявшимъ верхніе паруса, плыло и ушухающіе огоньки въ хижинахъ набережныхъ селеній мѣлькали, появлялись и изчезали. Иногда подходили мы такъ близко къ берегу, что слышенъ былъ говоръ людей. Матрозы наши отъ бездѣйствія, собравшись на палубѣ въ кружокъ, пѣли заунывныя пѣсни. Печальные звуки оныхъ, сливаясь съ тихимъ журчаніемъ воды производимымъ бѣгомъ судна, напоминали мнѣ о милой родинѣ. Кому не пріятно, знакомыми звуками, простыми выраженіями народныхъ пѣсней, переноситься въ отечество и на минуту забывать разлуку съ онымъ?

Въ полночь я сошелъ въ низъ, но отъ жару и духоты не могши уснуть, скоро вышелъ на верхъ. Кто привыкъ плавать на военномъ кораблѣ, тому на купеческомъ суднѣ очень не понравится. Первой уподобить можно большому дому, имѣющему всѣ удобности и выгоды; второе, низкой хижинѣ, гдѣ тѣсно, грязно и все бѣдно. Къ утру 24 Апрѣля вѣтръ не много посвѣжѣлъ. Волны, то взбѣгая на берегъ, то сливаясь съ онаго, шумомъ своимъ напомнили намъ, что мы должны нѣсколько отъ берега удалиться. Алый блескъ зари открылъ предъ нами прекрасные виды. На востокѣ сумракъ уступалъ свѣту; небо горѣло пурпуровымъ огнемъ. Море было гладко, какъ зеркало; на западѣ близь насъ, видѣнъ былъ низменный берегъ покрытый

краснокатымъ пескомъ. Мы проходили Брундизи, облака дыма выходя изъ трубъ прямымъ столбомъ, клубились вверхъ. Туманъ лежалъ на отдаленныхъ поляхъ; но лишь солнце показалось на горизонтѣ, видъ сей началъ измѣняться. Земные испаренія и теплота верхнихъ слоевъ морской воды, восходя въ окружающій ее холодный воздухъ, подымались къ небу легкимъ прозрачнымъ туманомъ. Золотые лучи солнца, проникая туманъ, разширялись; свѣтъ увеличивался, пары изчезли и по мѣрѣ возвышенія солнца, какъ сквозь флеровой завѣсъ, отдаленные предметы постепенно освѣщались; мракъ уступалъ свѣту, и наконецъ весь берегъ откpылся въ настоящемъ видѣ.

Подъ всѣми парусами, тихо, незыблемо плыли мы извиваясь близь берега, то обходили мысъ, то входили внутрь небольшаго плеса. Неаполитанское Королевство со стороны Адріатическаго моря представляетъ взору обширную равнину, раздѣленную полями и лугами. Цѣпь Апеннинскихъ горъ синѣется вдали. Провинція Пулія, которую мы проходили, очень плодосна; изъ нее отпускается большое количество пшеницы. Съ великимъ нетерпѣніемъ желали мы видѣть Баръ, гдѣ почіютъ мощи Чудотворца Николая. Небольшой городокъ сей мы проходили очень близко. Въ честь великаго угодника, какъ покровителя плавателей мы сдѣлали три выстрѣ-

ла, въ монастырѣ отвѣчали на наше привѣтствіе звономъ колокола; Италіанцы пали на колѣна, всѣ наши матрозы также молились. Мы очень жалѣли, что не могли остановиться, дабы отслужить святому молебенъ. За Баромъ безпрестанно встрѣчались селенія и города, мѣста классическія и любопытныя; но вѣтръ довольно освѣжелъ и мы только глазами мѣрили городъ Канны, гдѣ гордые Римляне были разбиты славнымъ Аннибаломъ. Долина, гдѣ было сраженіе, нынѣ называется *кровавое поле* (Pezzo di Sangue); у Манфредоніи равнина оканчивается горою Санъ Анжело, которая по высотѣ своей очень издалека открывается и служитъ мореходцамъ лучшею примѣтою для опредѣленія мѣста на картѣ.

Изъ Сифантскаго залива, что у Манфредоніи, мы пошли поперегъ Адріатическаго моря. Миновавъ ос. Пелагосъ, перемѣнили путь къ сѣверу и прошедъ между островами Сантъ-Андрея и Лисса, стали держать вдоль Далматскаго Архипелага. Островъ Помо, лежащій посреди моря, по виду и положенію своему заслуживаетъ особенное вниманіе. Когда море тихо, онъ открывается небольшимъ плавающимъ шаромъ, а по приближеніи къ нему показывается похожимъ на яблоко. Онъ находится къ сѣверу отъ Сантъ Андрея и къ западу отъ Лезино (*)

(*) Лезина древле называлася Фарія (Pharia): на немъ родился Димитрій Фалерскій.

въ равныхъ разстояніяхъ по 30 ит. миль; на многихъ каршахъ означенъ далѣе или ближе сего; посему въ пасмурную погоду и ночью крайне беречься должно, дабы не найти на него. Острова Короната, Гросса, Премеда, Сиаго, Юнія и Оссаро (*), съ моря представляютъ одни голые камни, изрѣдка видна на нихъ зелень и признаки обиталищъ. Для кораблей нѣтъ въ нихъ пристаней, но для малыхъ судовъ весьма много. На сихъ то островахъ въ древнія времена жили Либурнійцы, кои на своихъ легкихъ лодкахъ прославились морскими разбоями. Страбонъ повѣствуетъ, что нравы сихъ Либурнійцевъ и вообще всѣхъ Иллиріицовъ не различествовали отъ другихъ варваровъ; они сражались подобно Гетамъ, были очень храбры и долго сопротивлялись Римлянамъ. Когда сіи принудили ихъ перейти на твердую землю въ Далмацію, а потомъ далѣе въ горы, то они для пропитанія своего занялись земледѣліемъ. Наиболѣе обрабатывали виноградъ, а изъ овса дѣлали крѣпкое пиво, называемое *Сабая*. Отъ сего-то Императоръ Валенціи, родомъ Иллиріянинъ въ насмѣшку назывался *Сабаярусъ*.

(*) Оссеро нѣкоторые древніе Географы называютъ Абсартіумъ (Absartium), и производятъ имя сіе отъ Абсартуса, брата Медеи, которая дабы убѣжать отъ отца своего за нею гнавшагося, убила на семъ островѣ брата, и раздробленные члены его разбросала по дорогѣ.

Проходя Поло, (что въ Истріи) близъ коей еще видны остатки Римскаго театра, мы встрѣтились съ Англинскимъ Тендеромъ (*), блокирующимъ Венецію. Англичане опросивъ насъ пожелали счастливаго пути. Островъ Лисса, занимаемый Англичанами, представляетъ великую удобность къ наблюденію всего Адріатическаго моря; ибо островъ сей находясь въ центрѣ моря, имѣетъ весьма покойную гавань (Жоржіо) и небольшую крѣпость, которую защищать можно одною ротою солдатъ. Когда обошли мы мысъ Солворъ, и когда открылись Тирольскіе Альпы, столь величественно облегающіе Италію; то изъ Пирамо, также для опроса, выходила Французская канонерская лодка. 30 Апрѣля, имѣя въ продолженіе всего плаванія тихіе и перемѣнные вѣтры, бросили мы якорь въ Тріестѣ. На рейдѣ стояла тогда эскадра подъ начальствомъ Капитанъ-Командора Ив. Ос. Салтанова. Оную составляли слѣдующіе корабли: 1) Праскевія о 74 пуш. Капитанъ-Командорскій. 2) Уріилъ 80 пуш. Капитанъ Мих. Быченскій. 3) Сед-ель-Бахръ 80 пуш. Капитанъ Сульменевъ. 4) Азія 66 пуш. Капитанъ Бороци; фрегаты: 5) Легкій о 44 пуш. Капитанъ Повалишинъ. 6) Михаилъ о 44 пуш. Капитанъ Снаксаревъ. 7) Корветъ Діомидъ о 24 пуш. Капитанъ Палеолого.

(*) Малое военное судно съ одною мачтою.

Пребываніе въ Тріестѣ.

Портъ и укрѣпленія.

Вѣнскій Дворъ, съ давняго времени желалъ имѣть военный портъ, искалъ средствъ, дабы что нибудь значить въ числѣ морскихъ Державъ. Политика его постоянно стремилась къ утвержденію своего могущества силою флота и внѣшнею торговлею; но прекрасное сіе предположеніе, по обстоятельствамъ, долго оставалось безъ исполненія. Наконецъ Императрица Марія Терезія, рѣшилась воспользоваться выгоднымъ положеніемъ Тріеста, которой былъ тогда небольшой городъ. Въ 1750 году положено въ немъ основаніе корабельной верфи; построены магазейны для складки товаровъ; казармы, гошпиталь; выданы великія суммы для сооруженія укрѣпленій и другихъ общественныхъ зданій; и въ короткое время Австрійскій флагъ явился на Средиземномъ морѣ и возвѣстилъ о существованіи Тріеста. Въ царствованіе Іосифа II, городъ объявленъ вольною гаванью; множество иностранныхъ и Австрійскихъ купцовъ съ значительными капиталами поселились въ немъ. Произведенія южной Германіи, Леванта, Египта, Ишаліи и Сициліи обратились къ нему, обогатили и украсили его; и Тріестъ сдѣлался опаснымъ соперникомъ Венеціи, которой торговля съ сего времени начала упадать.

ТРІЕСТЪ
Цитадель
патокъ
Каналъ
Пристань
Канатный Заводъ
Батарея С. Карло
Прис. Санита
Ст. Карантинъ
С. Андрея
новый Карантинъ
Батарея
Батарея
a. Комондорскій Корабль Уріилъ. b. Прасковія С. Азія.
d. Сед-ель-бахръ. e. Фрег. Легкой. f. Фр. Михаилъ. g. Кор. Діомидъ.
500 Шаговъ или ½ Ит. мили.
100 200 300 400 500

Заливъ, образуемый мысомъ Салвора (что въ Истріи) съ одной, а Венеціанскимъ берегомъ съ другой стороны, называется Тріестскимъ. Городъ лежитъ въ самомъ углу Адріатическаго моря, по наблюденію учиненному въ 1806 году Генераломъ Барономъ Цахомъ, въ широтѣ 45 град. 38 мин. 8 сек., и 11 гр. 26 мин. 56 сек. долготы восточной, считая отъ Парижскаго меридіана. Построенная на отмѣли каменная насыпь (*), съ батареею на краю оной, примыкающая къ старому карантину, мало прикрываетъ гавань отъ морскихъ вѣтровъ, которые разводятъ въ оной неправильное волненіе, причиняющее немалые убытки. Не проходитъ года, чтобы сильными югозападными вѣтрами, не разбило отъ 20 до 30 судовъ. Бора, по причинѣ высокихъ горъ, окружающихъ Тріестъ, дуетъ прямо съ берега съ такою ужасною силою, что не смотря на малую глубину и твердый грунтъ, корабли иногда срываетъ съ трехъ якорей и ломаетъ мачты. Въ зимнее время, Боры продолжаются по двѣ недѣли сряду, и хотя по чрезмѣрной жестокости сего вѣтра волненія въ гавани не бываетъ, но поверхность моря покрывается сѣдою пѣною, брызги срываемые съ воды несетъ въ высоту на три сажени. Въ окрестностяхъ Тріеста вѣтеръ сей причиняетъ ужасныя опустошенія, въ го-

(*) Смотри карту.

родѣ срываетъ крыши съ домовъ, на улицахъ опрокидываетъ экипажи. Новый каранпинъ или иначе Санта Тереза называемый, опредѣленъ для судовъ, приходящихъ изъ зараженныхъ чумою мѣстъ. Въ Бассейнѣ, раздѣленномъ на три части не болѣе 20 кораблей помѣщаться можетъ; глубина его три сажени, а вороша для входу въ оный очень узки. Въ каналѣ, находящемся посреди города, глубины двѣ сажени; въ ономъ суда нагружаются и разгружаются. Нѣсколько пушекъ, поставленныхъ на мулѣ стараго Карантина и вокругъ бассейна новаго, защищаютъ городъ и гавань съ морской стороны. Два ветхихъ укрѣпленія, называемыхъ цитаделью, построенныхъ на крутомъ холмѣ надъ самымъ городомъ, не могутъ ни себя, ни городъ защитить; ибо подлѣ цитадели есть высоты, господствующія оною, а городъ почти кругомъ открытъ. Смотря на укрѣпленія Тріеста, сказать можно, что оныя построены для одного вида.

Карантинъ.

Сколь пріятно переходить изъ страны въ страну, столь иногда и малое препятствіе огорчаетъ насъ. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ считали мы минуты, когда придемъ въ Тріестъ;—пришли—и могли только на него смотрѣть. Лишъ бросили якорь, Карантинный Чиновникъ съ Консуломъ нашимъ Г. Пел-

легрини, объявили намъ непріятную вѣсть, что мы должны цѣлыя три недѣли сидѣть въ Карантинѣ и ни съ кѣмъ не сообщаться. Канонерская лодка, занимающая Бранвахтенный постъ, къ намъ приближилась; сторожъ, называемый здѣсь *Гвардіано*, взошелъ на судно, приказалъ Шхиперу ввести оное въ бассейнъ, а намъ съ людьми перебраться въ старой лазаретъ. Мы повиновались и тотчасъ начали перевозиться. На первомъ дворѣ, куда насъ ввели, было довольно народу, но всѣ отъ насъ бѣгали; самъ нашъ Гвардіано, отчаяннымъ крикомъ напоминалъ, чтобы мы не приближались къ чужимъ людямъ. Это сначала насъ забавляло, а потомъ крайне наскучило; ибо ходили за нами, такъ сказать, по пятамъ; малѣйшее движеніе замѣчали и ни на одну минуту не упускали изъ виду. Карантинный начальникъ просилъ насъ убѣдительнѣйше съ терпѣніемъ покоряться Карантинному уставу; ибо за малѣйшее упущеніе, нарушившій законъ, подвергается лишенію жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ужаснѣе чумы? Отъ одного зараженнаго не только городъ, но цѣлое государство можетъ пострадать; отъ единаго прикосновенія могутъ погибнуть тысячи народа. Посему чрезмѣрная осторожность и строгость есть въ семъ случаѣ благоразумна.

Въ 1812 году, по справедливости названномъ годиною испытанія, когда любезное Отечество наше терзаемо было лютыми врагами, въ то самое время, когда Москва заня-

та была Французами, въ Одессѣ и Феодосіи открылась чума. Служа тогда въ Черноморскомъ флотѣ, я былъ по несчастію свидѣтелемъ и очевидцемъ печальныхъ слѣдствій сего бича человѣческаго рода. Язва, постепенно заражала всѣ члены тѣла, знаки ея были ужасны, распространеніе скорое, слѣдствія почти всегда смертельны. Человѣкъ, получившій заразу, сначала чувствуетъ тошноту, круженіе головы, потомъ начинается рвота, тѣло покрывается красными пятнами, которые скоро чернѣютъ, и когда въ пахахъ покажется карбункулъ, (черный чирей), тогда уже во внутренностяхъ существуетъ антоновъ огонь и смерть неминуемо послѣдуетъ. При первыхъ припадкахъ, человѣкъ лишается разсудка, душа теряетъ свои силы, тѣло же кажется, получаетъ отъ того новыя, и больной совершенно разслабленный переноситъ жесточайшія мученія. Сильныя судороги, рвота, непрестанное иканіе, безсоница терзаютъ больнаго. Но это еще не все: несносный жаръ сжигаетъ ихъ внутренность; съ воспаленными на выкатѣ глазами, стѣсненною грудью, помертвѣлымъ лицемъ, издавая зловонное дыханіе, съ запекшеюся на устахъ нечистою кровію, отчаяннымъ воплемъ требуютъ они воды, льда и не возмогши утолить палящей ихъ жажды, въ исступленіи рвутъ одежды, грызутъ зубами тѣло свое, и въ бѣшенствѣ валяются по землѣ. Большая часть умирала въ пятый или седьмый день, иные чрезъ

одни или двое сутки, а нѣкоторые въ три или четыре часа. Слабое утѣшеніе тому, кто выздоравливалъ отъ сей болѣзни; онъ представлялъ взору нещастный только остатокъ самаго себя. Анатольцы, вызвавшіеся лѣчить больныхъ, безъ боязни ходили по лазаретамъ, лѣчили разными средствами и замѣчено, что одно лѣкарство производитъ дѣйствія спасительныя и вредныя; многіе зараженные были однакожъ ими возвращены къ жизни, и ни одинъ изъ сихъ великодушныхъ людей не погибъ. Когда оказались явные признаки чумы; когда городъ окруженъ былъ военною стражею и прекращено сообщеніе съ окресностями, никакимъ перомъ не возможно описать ужаса, объявшаго жителей. При началѣ видимы были достойные подражанія примѣры материнской нѣжности, дѣтской привязанности и великодушныхъ пожертвованій. Изъ многихъ я приведу только одинъ. Полковникъ Ребокъ, примѣтивъ на ребенкѣ своемъ знаки заразы, спѣшилъ подать ему помощь, вымылъ его уксусомъ, употребилъ всѣ другія предохранительныя средства; но скоро почувствовалъ и самъ припадки. Онъ объявилъ о томъ полиціи, заперся въ своей комнатѣ, затопилъ печку, сжегъ свое платье и все принимающее заразу, и на другой день умеръ. Послѣ таковаго печальнаго опыта, лишь только въ какомъ домѣ оказывалась чума, тотчасъ полицейскіе служители, вымазанные дегтемъ, и въ кожаныхъ

платьяхъ, раздѣляли здоровыхъ отъ больныхъ и подъ сомнѣніемъ находящихся. Можетъ ли быть что жалостнѣе, когда дитя отрывали отъ груди матери, сына отлучали отъ отца, и почтеннѣйшіе узы не были уважаемы. Было много трагическихъ и чувствительнѣйшихъ явленій. Здоровые одни запирались въ домахъ, другіе жили за городомъ въ палаткахъ и землянкахъ. Городъ обратился въ пустыню; нѣкоторые домы сожгли, у другихъ выбиты были окна, никто не смѣлъ выйти на улицу и страшился встрѣтиться съ другомъ. Одна бѣдная чернь раздирающимъ голосомъ требовала пищи. Въ сіи нещастные дни умирающему нѣкому было закрыть глаза, и жестокая смерть не извлекала уже болѣе слезъ.

Послѣ многихъ нещастныхъ случаевъ, произшедшихъ отъ дурнаго раздѣленія карантиновъ въ большихъ торговыхъ городахъ Италіи, Франціи и Испаніи, построенныхъ несообразно назначенію и цѣли оныхъ, можно сказать, что Тріестскій каранпинъ, какъ по удобству строенія, такъ и по порядку и точности въ немъ наблюдаемому, справедливо почитается въ числѣ лучшихъ въ Европѣ. Тутъ все придумано къ лучшему; раздѣленіе комнатъ для людей и магазины для товаровъ сдѣланы такъ, что и при самомъ покушеніи нѣтъ возможности перейти изъ одного отдѣленія въ другое; вездѣ своды, высокія стѣны, рогатки, дворы, калитки и замки. Нѣкоторыя подробности о

устройствѣ Тріестскихъ карантиновъ, думаю, не будутъ безполезны многимъ читателямъ. Они построены по краямъ города и каждый обнесенъ высокою стѣною. Новый карантинъ раздѣленъ стѣнами на два кварпала. Чумный кварталъ съ кладбищемъ совсѣмъ стоитъ особо. Въ другихъ дворахъ чумнаго кварпала, въ одномъ помѣщаются люди, въ другомъ кладутся товары. Товары и экипажъ одного судна помѣщаются раздѣльно отъ другихъ. Матросы и пассажиры, если въ числѣ ихъ есть подозрительные, до совершеннаго увѣренія, что они здоровы и чумы въ нихъ нѣтъ, сажаются каждый особо въ комнату, предъ которою есть небольшой дворикъ, запираемый желѣзною калиткою; подлѣ калитки сдѣлано окно, въ которое приставы на длинной желѣзной лапатѣ подаютъ пищу. Словомъ сказать, чумной кварталъ представляетъ острогъ. Когда на пришедшемъ суднѣ шхиперъ объявитъ, что у него есть чума, то судно введя въ бессейнъ, тотчасъ разгружаютъ. Товары развѣшиваютъ въ рѣшетчатыхъ сараяхъ. Люди оставя свое платье, (которое сжигаютъ), вымывшись, выстригши волосы и окурившись, занимаютъ каждый по одной комнатѣ, гдѣ они находятъ новое платье, курильницу, дрова для камина и все нужное. Судно остается пустое, на немъ открываютъ люки и для лучшаго сообщенія воздуха въ трюмъ прорубаютъ борты и каждый день снаружи и внутри обливаютъ морскою водою. Съ хлоп-

чатою бумагою, какъ наиболѣе удерживающею въ себѣ заразительность, поступаютъ съ великою осторожностію. Каждый пакъ разбивается по столамъ и палатямъ, а пряденая развѣшивается на жердочкахъ въ рѣшетчатомъ магазейнѣ, стѣною огражденномъ. Ворочаютъ бумагу каждый день не входя въ магазейнъ, а сквозь двери или рѣшетку длинными желѣзными вилами. Къ сей опасной работѣ, равно какъ и къ выгрузкѣ судна, окуриванію онаго и товаровъ каждый день на щетъ хозяина опредѣляются преступники, осужденные на смерть или по согласію для выгрузки товаровъ допускаются матросы тогоже судна. Во второмъ кварталѣ, раздѣленномъ на два двора, назначенномъ для судовъ, пришедшихъ изъ зараженныхъ чумою мѣстъ, сдѣланы такіеже сараи для товаровъ, и такіяже раздѣленія въ домѣ для людей назначенномъ, съ тою только разностію, что экипажъ одного судна, если нѣтъ на матрозахъ ни какихъ признаковъ чумы, помѣщается въ большой комнатѣ. Во второмъ кварталѣ есть часовня, колодезь съ прекрасною водою и особый дворъ, назначенный для сада. Карантинные чиновники живутъ на отдѣленномъ дворѣ. Они входятъ въ чумной и во второй кварталъ особыми дверями, наблюдаютъ вездѣ порядокъ, доставляютъ пищу, но всегда съ тою осторожностію, что къ больнымъ или выдерживающимъ карантинъ близко не подходятъ. Приставы и работники чумнаго квартала,

по прекращеніи заразы, не прежде отпущаются въ городъ, какъ выдержавъ сами карантинъ.

Старый лазаретъ, находящійся на западномъ краю города, опредѣленъ для пассажировъ и людей пришедшихъ изъ портовъ, въ коихъ нѣтъ никакой заразительной болѣзни. На первомъ дворѣ, построенъ двуэтажный домъ, раздѣленный на восемь отдѣленій, по четыре отдѣленія въ каждомъ этажѣ. Четырьмя воротами входятъ на дворъ, который перегороженъ на 4 части. Окна нижняго этажа обращены на галерею внутрь сихъ дворовъ. Входъ въ комнаты сего этажа также со двора. Входы въ верхній этажъ и окна онаго обращены на улицу. Такимъ образомъ въ восьми отдѣленіяхъ могутъ помѣститься пассажиры съ 8ми судовъ; а если нужно, то каждое отдѣленіе можетъ раздѣлено быть на двѣ части такъ, что въ каждое изъ 18-ти отдѣленій будетъ особый выходъ. Внутри двора къ одной стѣнѣ пристроена небольшая церковь, куда входитъ одинъ только Священникъ; а живущіе въ домѣ могутъ молиться каждый съ своей галлереи, обращенной на дворъ. Во всякое отдѣленіе помощію трубъ проведена вода. На второмъ дворѣ стараго лазарета построено двуэтажное зданіе, раздѣленное на 4 большія комнаты, въ коихъ помѣщаются люди, принадлежащіе одному судну. Вмѣсто оконъ сдѣланы въ стѣнахъ жалузи. По очереди позволяютъ выходить для

прогулки на дворъ, наблюдая, чтобы люди одного срока не мѣшались съ другими, кои послѣ или прежде поступили въ каранпинъ. Впрочемъ, никто не лишается удовольствія видѣться съ своими пріятелями. Переговорное мѣсто есть длинный узкой четвероугольникъ, коего одна сторона отстоитъ отъ другой на 3 сажени; по одну сторону становятся пришедшіе изъ города, а по другую изъ каранпина. Желающіе говорить наединѣ, входятъ въ домикъ перегороженный двумя рѣшетками, при выходѣ городской житель подвергается осмотру. Трактиръ построенъ внѣ каранпинной стѣны, сквозь малое окно огороженное рѣшеткою, на желѣзной лопатѣ подаютъ кушанье и все, что кому угодно. Вещи, принимающія заразу, прежде должнаго очищенія, изъ каранпина не выпускаются.

Въ продолженіе политическаго нашего заключенія, хотя мы и ни въ чемъ не имѣли нужды, но лишась свободы, терпѣли большую скуку. Послѣ 10 ти дней, нашъ Консулъ Г. Пеллегрини выхлопоталъ и самъ объявилъ намъ о нашемъ освобожденіи. Мы шакъ сему обрадовались, что обнимали Консула и каранпиннаго Директора какъ своихъ друзей, которыхъ давно не видали. За нами съ эскадры прислали катеры, и мы опредѣлены были на корабль, Едъ-ель-бахръ, куда команда и офицеры, исключая двухъ, были перевезены.

Взглядъ на городъ.

Отрасль Алпійскихъ горъ, называемыхъ Юліевы, коихъ вершины представляются обнаженными; крутыя скалы, покрытыя зеленью и украшенныя загородными домами, амфитеатромъ величественнымъ и пріятнымъ, спускаются къ гавани. Мало городовъ столько дѣятельныхъ каковъ Тріестъ. Большія фуры безпрестанно движутся по улицамъ, обозы одни подымаются, другіе спускаются подъ гору въ городъ; у Саниты (карантинная кантора), гдѣ корабли отдаютъ и принимаютъ грузъ и въ таможенныхъ магазейнахъ, въ которыхъ складываютъ товары для отправленія за границу и во внутрь Имперіи, можно видѣть почти всѣ произведенія Италіи, Леванта, Англіи и Германіи. На биржѣ суета и сборище такое, какого вообразить себѣ не можно. Купцы, которые спѣшатъ отправить свои товары, теряютъ терпѣніе отъ вялости Нѣмецкихъ извощиковъ, множество любопытныхъ толпится на площади, и все это вмѣстѣ составляетъ видъ разнообразный и одушевленный. Я тутъ замѣтилъ, что поденщики, называемые здѣсь *факинами*, переносятъ товары съ пристани на повозки съ отмѣнною ловкостію. Двое или четверо изъ нихъ на шестахъ подымаютъ тяжелыя бочки и ступая съ ноги на ногу въ ладъ, бѣгутъ съ ними, какъ съ легкою ношею. Свободная торговля, обогатила здѣсь всѣ состоя-

нія гражданъ, особенно ремесленный, и трудящійся классъ народа. Въ Тріестѣ не видно нищихъ и все дышетъ изобиліемъ. Какъ въ городъ позволено все привозить, то расщетистые продавцы запрещенныхъ товаровъ, чрезъ тайную продажу оныхъ, не находятъ выгодъ дѣлать свои обороты; купцы не имѣютъ нужды прибѣгать къ хитростямъ, а таможенные смотрители по необходимости собираютъ (*) и отдаютъ все сполна въ государственную казну, которая симъ благоразумнымъ постановленіемъ пользуется и выгодами своими ни съ кѣмъ *не дѣлится*.

Тріестъ отличается отъ Италіанскихъ городовъ опрятностію и простотою. Наружность домовъ, во вкусѣ новой архитектуры, не уступаетъ лучшимъ нашимъ Петербургскимъ зданіямъ. Жалузи, которыми въ жары закрываютъ окна вмѣсто ставней, придаютъ домамъ особенный видъ. Дворы здѣсь очень малы, многіе домы и совсѣмъ ихъ не имѣютъ, почему хозяева принуждены содержать свои экипажи и лошадей въ общей канюшнѣ построенной за городомъ. Тріестъ раздѣляется на старый и новый городъ, первый расположенъ по горѣ вокругъ Цитадели, ули-

(*) Пошлины съ товаровъ, вывозныхъ изъ Тріеста, взимаются только при отправленіи оныхъ въ внутренніе города Австріи.

цы въ немъ узки и грязны, домы низки и малы. Тутъ живутъ большею частію Евреи и бѣдный народъ. Новый городъ построенъ во кругъ гавани на ровномъ мѣстѣ; въ немъ улицы широки, вымощены плитникомъ и всегда очень чисты. Главная улица, идущая вдоль города, называется (strada del Ponte Rosso) улица краснаго моста. Площадь st. Antonio украшена хорошимъ водометомъ. На восьми-угольномъ подножіи поставленъ Коринѳской столбъ съ статуею св: Антонія, вокругъ подножія нѣсколько мраморныхъ фигуръ, кои безпрестанно источаютъ воду. На другой площади близъ канала, водометъ бьетъ воду чрезъ Нептунову статую. Два сіи фонтана снабжаютъ жителей прекрасною водою, которая подземными трубами проведена изъ водохранилища, находящагося близъ города по дорогѣ въ Боскетто. Театръ, Биржа и домъ Карчіоши, отличаются отъ прочихъ зданій какъ огромностію, такъ и изяществомъ архитектуры. Наружность театра проста; а внутренность и маскерадная зала съ хорами, не послѣднія были бы и въ хорошей столицѣ. Биржа, гдѣ купцы каждый день собираются для своихъ дѣлъ, есть зданіе огромное и великолѣпное. На куполѣ видѣнъ сгарающій фениксъ, окруженный эмблеммами торговли. Между красивою колонадою портика, обращеннаго на площадь, стоятъ двѣ колосальныя статуи, очень изрядной работы. У одной, къ сожалѣнію, носъ

немного поврежденъ. Домъ Карчіотти занимаетъ цѣлой кварталъ по каналу и набережной. Онъ имѣетъ простую и пріятную наружность; всѣ украшенія онаго составляютъ два портика, поддерживаемые Іоническими колоннами. Въ 1770 году, когда Графъ Орловъ командовалъ флотомъ, сей Карчіотти, избѣгая мщенія Турокъ, оставивъ отечество свое Морею, со 100 піастрами поселился въ Тріестѣ, и торгуя сначала бурками, (*) потомъ служа прикащикомъ, трудомъ и прилѣжаніемъ пріобрѣлъ въ 30 лѣтъ столь значительный капиталъ, что почитается теперь богатѣйшимъ купцомъ въ Тріестѣ.

Соборная церковь св: Августина, признаваемаго покровителемъ города, находящаяся на горѣ близъ Цитадели, есть древнее Готическое зданіе весьма простое и ничѣмъ неукрашенное. Здѣсь всѣ вѣры терпимы, каждое исповѣданіе имѣетъ свою церковь; но оныя вообще очень не богаты; я ни въ одной не замѣтилъ ничего отличнаго.

Въ Тріестѣ строятся купеческія суда. Отлогость берега замѣняетъ стапели (**) и суда спускаются совсѣмъ вооруженныя. Здѣшніе мастера строятъ большіе шлюпы и бри-

---

(*) Матроскій капотъ съ капишономъ.

(**) Покатый помостъ, на которомъ строятся корабли.

ги, очень красиво и прочно. Мачтовые сараи наполнены пиленными деревьями, по большой части кленовыми и масличными, несравненно тверже и легче нашего дуба; доставляемый сюда изъ Далмаціи горный дубъ очень тяжелъ и крѣпокъ. Тріестскія суда, кромѣ красивой наружности, близкой къ военнымъ судамъ, легки на ходу, и подымаютъ грузу болѣе Идріотскихъ, а менѣе Датскихъ и Англинскихъ.

Тріестскіе жители представляютъ смѣсь народовъ. Ихъ составляютъ Нѣмцы, Италіанцы, Греки, Славяне, Французы и Жиды. Каждый живетъ по своему и вообще очень разсчетливо. Кромѣ немногихъ дворянскихъ фамилій, и нѣсколькихъ выходцевъ, отъ всѣхъ краевъ Европы сюда пришедшихъ и здѣсь поселившихся, прочіе граждане занимаются торговлею. Вездѣ множество лавокъ, наполненныхъ товарами. Трудолюбіе и промышленность ходитъ здѣсь съ веселымъ лицемъ. Купечество въ образѣ жизни сообразуется съ дворянствомъ; дѣти ихъ воспитываются наилучшимъ образомъ. Самые небогатые имѣютъ хорошій видъ и обращеніе. Молодые люди честнаго поведенія и прилѣжные къ должности, очень скоро пріобрѣтаютъ независимое состояніе. Они сначала опредѣляются къ богатымъ Негоціантамъ писцами, и когда научатся порядку дѣлъ и бухгалтеріи, тогда поручается имъ грузъ одного судна, вмѣсто жалованья опредѣляется имъ десятая часть прибыли. Послѣ одного удачнаго

оборота, они уже имѣютъ маленькой капиталъ, которой при каждомъ рейсѣ (*) увеличивается. И такимъ образомъ случается, что чрезъ десять лѣтъ и менѣе, не имѣвшій ни копейки, пріобрѣтаетъ до ста тысячъ рублей.

Двухлѣтнее наше пребываніе въ Тріестѣ доставило намъ многія знакомства; но кромѣ Славянъ, которые принимали насъ какъ родныхъ, мы рѣдко пользовались приглашеніемъ другихъ. Въ лучшихъ дворянскихъ домахъ, гдѣ бываютъ вечернія собранія, новому гостю, еще не коротко знакомому, покажется очень скучно. Тутъ обыкновенно старушки садятся играть въ лото, старики въ карты, молодые люди разговариваютъ о погодѣ или много что о театрѣ. Все это такъ принужденно, что если бы влюбленные не имѣли въ сихъ собраніяхъ полной свободы клясться въ своей любви, нимало не обращая на себя симъ вниманіе другихъ; то не многіе были бы въ состояніи выдержать столь скучное положеніе. Всего удивительнѣе есть то, что хозяинъ, хозяйка и дѣти по очередно выходятъ въ другую комнату по тихонку кушать, а гостей, кромѣ воды, ничемъ не потчиваютъ. О благословенная матушка Россія! еслибъ ты была и не мое отечество, я всег-

---

(*) Рейсъ значитъ возвращеніе судна въ свой портъ. Говорится, на одинъ Рейсъ, то есть, туда и обратно.

да бы похвалилъ твое гостепріимство! Напрасно мы ищемъ онаго на чужбинѣ, тамъ нѣтъ и тѣни Руской привѣтливости. Путешествовать, безспорно, полезно и доставляетъ многія разнообразныя удовольствія; но жить только на своей родинѣ хорошо и пріятно.

Приглашать въ домъ на завтракъ или обѣдъ, здѣсь и въ обычаѣ нѣтъ; посему-то заведено множество трактировъ и кофейныхъ домовъ; они отъ утра до вечера наполнены людьми. Каждое сословіе купцовъ по націямъ имѣетъ свой Казино (кофейный домъ), куда собираются они читать газеты, пить кофе, шеколадъ, играть въ карты, на биліардѣ, толковать о своихъ дѣлахъ и политикѣ. Здѣсь, какъ и въ Италіи, можно сказать, ведутъ *трактирную жизнь*. Не многіе держатъ столъ дома; цѣлыя семейства обѣдаютъ и ужинаютъ въ ресторацiяхъ. Женщины также слѣдуютъ сему обыкновенію и не думаютъ, чтобы это было для нихъ неприлично; напротивъ онѣ находятъ въ семъ много выгодъ. Тутъ прелести ихъ всегда на позорищѣ, кокетство въ дѣйствіи, и умъ ихъ пріобрѣтаетъ ту гибкость и свѣтскость, которыя научаютъ ихъ ни отъ чего не краснѣть и все обращать въ шутку или смѣхъ. Красавицы придумали какія-то общія выраженія, съ помощію коихъ и обыкновенный ихъ разговоръ дѣлается пріятнымъ и занимательнымъ.

Отъ образа жизни, какую здѣсь ведутъ женщины, происходитъ, какъ мнѣ кажется, другой обычай достойной замѣчанія. Чтобы избавиться шума и крику и быть болѣе свободною, мать (не думаю однакожъ, чтобы всякая) дѣтей своихъ съ утра отпущаетъ съ нянькою въ пансіонъ, въ которомъ за весьма умѣренную плату остаются онѣ весь день, а ввечеру возвращаются домой. Я любилъ смотрѣть на сіи *магазейны дѣтей*. Представьте себѣ группу прекрасныхъ малюткъ трехъ, четырехъ и пяти лѣтъ, ползающихъ и прыгающихъ на мягко насланномъ коврами полу, и дабы они падая не могли ушибиться, но и стѣны на аршинъ отъ пола также обиты. Дѣвочки большихъ лѣтъ, подъ надзоромъ мадамы, въ другой комнатѣ занимаются рукодѣліемъ, къ какому которая способна; другія рѣзвятся или играютъ въ куклы.

Боскетто-Сант-Андреа.

Въ Тріестѣ мы имѣли всѣ удовольствія, какія можно найти въ большихъ городахъ. Театръ, балы, маскерады и прогулки въ Боскетто и Санкт-Андреа, въ продолженіи года слѣдуютъ одни за другими. Наемныя кареты и коляски хотя и очень дешевы, но ихъ употребляютъ только въ дурную погоду; ибо дамы не стыдятся здѣсь ходить пѣшкомъ. Чтобы не потерять нити обыкновеннаго время-препровожденія, я начну съ

лѣтнихъ прогулокъ и кончу зимними увеселеніями.

Лѣтомъ на восходѣ солнца торговки въ крахмаленныхъ чудныхъ чепцахъ, разставливаютъ на площади столики и скамейки, раскладываютъ на нихъ зелень, плоды, сливки, масло и мягкіе хлѣбцы разныхъ видовъ и формъ. Хозяйки въ утреннемъ неглижѣ, сопровождаемыя горничными съ корзинками и кувшинчиками въ рукахъ, приходятъ для покупки; за ними являются молодые люди и площадь скоро обращается въ залу собранія. Ходятъ взадъ и впередъ, разговариваютъ, кавалеры предлагаютъ дамамъ свѣжіе плоды или приглашаютъ въ кофейной домъ, и часто чашка шоколада доставляетъ неожиданное знакомство. Должно однакожъ признаться, что шутъ предпочтительно гоняются за миловидными служанками, которыя очень искусно успѣваютъ для своихъ госпожъ покупать запасъ для обѣда на цѣлъ волокитъ. Бѣлокурые, съ голубыми глазами и розовыми щеками Нѣмки, съ своею холодностью и скромностью, много выигрываютъ у живыхъ и ловкихъ Италіанокъ, и скорѣе пріискиваютъ себѣ пастушковъ. Впрочемъ и тѣ и другія, сколько я могъ замѣтить, не возвращаются домой съ пустыми корзинками.

Каждый праздникъ, въ Боскетто, небольшой рощѣ, находящейся въ двухъ верстахъ отъ города, собирается множество людей. Одни, сидя въ кругу, услаждаютъ вкусъ мо-

роженымъ, жареными цыпляшами, спаржею и сладкими пирожными, курятъ табакъ и пьютъ пиво; другіе, по дорожкамъ скромно прогуливаются съ своими семействами, иные, сидя подъ тѣнію деревъ, читаютъ, не удостоивая проходящихъ взора своего. Молодыя поселянки, однѣ продаютъ свѣжія сливки, масло и плоды; другія на лугу кружатся въ караводахъ или валсируютъ; дѣвочки, въ красныхъ карсетахъ, подносятъ тому, кто имъ приглянется, букетъ цвѣтовъ; музыка въ разныхъ мѣстахъ гремитъ, танцующіе платятъ музыканшамъ по два гроша. Въ трактирѣ читаютъ газеты, шутятъ, пьютъ вино или играютъ на биліардѣ. Все это вмѣстѣ представляетъ простой сельской праздникъ. Не доходя Боскетто, спрѣляютъ изъ ружей въ цѣль; тутъ гарнизонные офицеры, большею частію тучные собою, съ философскимъ взоромъ, и гордымъ видомъ, наставляютъ молодыхъ негоціантовъ очень щеголевато одѣтыхъ, какъ держать ружье, какъ прицѣливашься и проч. Днемъ дамы и кавалеры ходятъ только одни за другими, молчатъ и довольствуются одними взорами; къ вечеру же, когда лучшая часть публики разъѣдется, между оставшимися начинаются разговоры и скоро водворяется щастливое согласіе. Когда музыка умолкнетъ и сумракъ вечера увеличитъ тѣни въ рощѣ, повсюду начинаетъ показываться пара за парой, и скорыми шагами скрываются они въ разныя стороны; одни

идутъ на гору, другіе подъ гору, иные возвращаются по дорогѣ въ городъ, а другіе сѣвши въ наемную карету ѣдутъ далѣе въ лѣсъ. Не столь щастливые, съ электрическимъ потрясеніемъ въ сердцѣ, кланяются красавицамъ очень низко, и если у которой изъ сихъ нѣтъ чего дурнаго въ мысляхъ, то она закраснѣвшись, или взглянувъ важно, или потупивъ глаза, или отворотившись, краснорѣчивымъ молчаніемъ изъявляетъ отказъ. Если-же которая взглянетъ умильно и ласково, то предлагаютъ ей услуги проводить домой или итти въ тракширъ вмѣстѣ ужинать. Здѣсь и самыя записныя прелестницы не иначе сдаются, какъ только тому, кто имъ понравится, или наконецъ тому, кто имъ надоѣстъ своею рѣшительностію. Въ Тріестѣ довольно сего рода Вакханокъ; но онѣ не нападаютъ какъ фуріи на проходящихъ, напротивъ имѣютъ свой тонъ, вкусъ, разборчивость, и въ своемъ классѣ могутъ почесться настоящими смиренницами. Здѣсь живость и пылкость Италіанская примѣтно умѣряется Нѣмецкою холодностію. Природные Тріестянки или пріѣзжающія изъ окрестностей, такъ свѣжи лицомъ, такъ бѣлы и румяны, что если встрѣтится счастливый случай, то по неволѣ обрадуешся.

Въ Санкт-Андре ходятъ прогуливаться всякой день, лѣтомъ ввечеру, зимою въ полдень. Тутъ нѣтъ ни сада, ни рощи и ни какой зелени. Простая дорога идетъ близъ

берега; видъ на море отсюда очень хорошъ, и по сей причинѣ и по близости мѣста сего отъ города, собираются туда гулять лучшія общества. Кромѣ устрицъ, только что пойманныхъ, молодаго вина называемаго Рифоско (Rifosco), вѣтчины, сыру и пива, которыми подчиваютъ въ небольшемъ трактирѣ съ двумя комнатами и о двухъ этажахъ, ничего другаго достать не можно; нѣтъ никакихъ другихъ увеселеній. Сюда ходятъ только для того, чтобы ходить, видѣть море и корабли.

Окресности Трieста очень пріятны, вокругъ видны сады и уютные загородные домы. Въ нѣкоторыхъ садахъ я видѣлъ много статуй; въ одномъ кажется было оныхъ болѣе, чѣмъ деревьевъ. Въ убранствѣ домовъ не видно роскоши. Вкусъ здѣшнихъ господъ ограничиваетъся простотою и опрятствомъ. Я часто выходилъ за городъ любоваться прекраснымъ его положеніемъ. Зеленые холмы, за ними дикія голыя горы на одной сторонѣ, и величественный городъ и грозный видъ на морѣ съ другой, составляютъ великолѣпную картину. Здѣсь въ большемъ употребленіи такъ называемый *Пикникъ*. Небольшое чйсло пріятелей, соглашаются провесть день въ какой либо деревни. Приглашаютъ дамъ, и каждый въ назначенный часъ, пріѣзжаетъ на мѣсто съ узломъ, въ коемъ, по условію, должно быть или жаркое или пирожное, вина и конфекты. Дамы обязываютъся привозить только то, что

своими руками они могутъ приготовить. Кавалеры должны доставлять вина и тому подобное. Располагаются въ какой нибудь хижинѣ, въ саду или на лугу. Одна изъ дамъ избирается хозяйкою; она повелѣваетъ всѣми и каждый дѣлаетъ то, что умѣетъ. Одинъ носитъ воду, другой рубитъ дрова, третій жаритъ артишоки или накрываетъ столъ. Въ сихъ занятіяхъ прекрасная женщина все одушевляетъ; съ какимъ удовольствіемъ каждый старается угодить ей. Отъ ея взора, кажется, и садъ безъ тѣни, и лугъ безъ зелени, получаютъ новыя прелести.

Театръ.

Быть въ Италіи и не сказать чегонибудь о театрѣ, о томъ удовольствіи, которое есть лучшее и пріятнѣйшее время препровожденія, было бы не простительно. Италія по справедливости должна назваться отечествомъ театральныхъ зрѣлищъ. Здѣсь чествуютъ славнаго пѣвца или пѣвицу болѣе, нежели индѣ искуснаго и счастливаго Генерала. Актеры раздѣляются на классы; они воспитываются въ театральныхъ Академіяхъ; первокласные служатъ образцомъ хорошаго обращенія. Знатнѣйшіе Господа принимаютъ ихъ въ своихъ домахъ съ отличнымъ уваженіемъ, и всѣ другіе считаютъ за честь имѣть актеровъ въ своемъ обществѣ. Въ Италіи въ рѣдкомъ городѣ нѣтъ театра,

лучшія только принадлежатъ правительству, прочіе строятся и содержатся или по подпискѣ или однимъ частнымъ лицомъ. Сіи послѣдніе почти всегда разоряются; ибо наемъ ложъ, креселъ и мѣстъ въ партерѣ очень умѣренъ. Въ Тріестѣ, когда червонецъ ходилъ по 18 флориновъ (*), за входъ въ партеръ брали 48 крейцеровъ (48 коп.), ложа въ первомъ ярусѣ стоила 5 рублей; для бенефисовъ цѣна не возвышается, но при входѣ въ театръ каждый даетъ актеру сколько разсудитъ. По причинѣ низкой цѣны за входъ, театры всякой день бываютъ полны и актеры самые посредственные получаютъ достаточное жалованье. Первокласные же, по мѣрѣ ихъ искуства, отъ однихъ бенефисовъ въ коротkое время пріобрѣтаютъ большое состояніе. Вотъ почему хорошаго пѣвца или пѣвицу рѣдко можно слышать внѣ Италіи; ибо въ семъ царствѣ изящныхъ искуствъ умѣютъ цѣнить и поощрять таланты.

Трагедіи ограничиваются представленіемъ оперъ Метастазіевыхъ, изъ которыхъ выпускаются аріи. Сочиненія другихъ авторовъ суть слабыя подражанія или переводы. Трагедіи Метастазія наполнены высокими мыслями, и трагическими красотами; стихи его благородны и величественны; въ нихъ столько же гармоніи, сколько въ музыкѣ, и столько

(*) Рубль.

нѣжности, что его оперы могутъ служить образцомъ для стихотворцевъ нѣжнаго и тонкаго вкуса. Сколь ни славны творенія Метастазія, но если трагедія должна трогать или ужасать душу важностію приключеній, чрезвычайными, но не романическими положеніями, то Италіанская Мелпомена должна уступить преимущество Англинской и Нѣмецкой. Кажется хладъ сѣвера болѣе способенъ производить истинныхъ трагиковъ, нежели благорастворенный воздухъ юга. Для трагедій Метастазіевыхъ до сего времени не было въ Италіи хорошихъ актеровъ и, кажется, не будетъ; они рождены для оперъ. Сколько мнѣ ни случалось видѣть актеровъ, хорошими здѣсь называемыхъ, они были всѣ очень посредственны. Большею частію говорятъ съ большимъ напряженіемъ, въ поступи ихъ и мѣлодвиженіяхъ есть нѣчто благородное, но слишкомъ много живости, кажется они очень торопятся кончить, въ чемъ и правы. Италіанская публика не весьма уважаетъ трагедіи и драммы; во время представленія оныхъ пріѣзжаютъ въ театръ не для того, чтобы слушать, но чтобы видѣться съ знакомыми. Обыкновенно по окончаніи представленія, театральная дирекція разыгрываетъ лотарею, удерживая для себя изъ собранной суммы четвертую или пятую часть. Тутъ зрители, отвѣчая или спрашивая, какой номеръ вынулся; сами становятся актерами.

Комедіи Гольдонія, называемаго Италіанскимъ Мольеромъ, имѣютъ много жару въ дѣйствіи и связи въ произшествіяхъ, но для Италіанцовъ, какъ они сами замѣчаютъ, мало комическаго. Сочиненія другихъ авторовъ также хороши, но слабы противу Гольдоніевыхъ. Въ Италіи вообще мало актеровъ съ истиннымъ талантомъ, но буфовъ, самыхъ смѣшныхъ и презабавныхъ очень много. Оригинальные и чудные въ своемъ родѣ фарсы, гдѣ Арлекинъ играетъ главную ролю, есть по истинѣ странное произведеніе веселаго ума. Въ сихъ національныхъ комедіяхъ, большею частію только четыре дѣйствующихъ лица: *Сьіоръ Панталоне*, богатый Венеціанскій купецъ въ маскѣ съ большимъ краснымъ носомъ; *Бригелла* слуга; *Арлекинъ*, въ дурацкомъ пестромъ платьѣ, съ валенымъ колпакомъ на головѣ, въ черной полумаскѣ и съ деревянною шпагою за поясомъ. *Колумбина*, постоянная его пріятельница. Роль Арлекина трудна по тому, что онъ какъ любимое чадо публики, долженъ всѣми родами шутокъ, испорченнымъ Италіанскимъ нарѣчіемъ, во что бы ни стало смѣшить зрителей, и должно отдать имъ справедливость, что они очень хорошо въ томъ успѣваютъ. Во время сихъ представленій, рукоплесканія почти не умолкаютъ и и Арлекинъ заслуживаетъ и пріобрѣтаетъ оныя, какъ говорится, въ потѣ лица своего; ибо большею частію они говорятъ роль свою собственно отъ себя, не заимствуя отъ

сочинителя. Это однакожъ не такъ трудно, какъ сначала показаться можетъ; Арлекинъ затверживаетъ десятка два или три самыхъ глупыхъ, низкихъ, простонародныхъ шутокъ, пословицъ и острыхъ словъ, въ которыхъ столь много двусмысленнаго, столько оскорбительнаго для женщинъ, что, я не понимаю, какъ имѣютъ терпѣніе ихъ слушать. У насъ, конечно, запретили бы ихъ и въ лубошномъ театрѣ подъ качелями. На примѣръ, Арлекинъ объясняется въ любви Коломбинѣ самымъ необыкновеннымъ образомъ, и когда она ему отказываетъ, онъ хочетъ умертвить себя. Затруднясь въ выборѣ рода смерти, по обыкновенію Арлекиновъ, притворяясь всегда голоднымъ, глуповатымъ и трусомъ, онъ пишетъ себѣ надгробную самую непристойную... Обращеніе его съ Коломбиною слишкомъ безцеремонное, онъ ее обнимаетъ и бьетъ деревянною шпагою или руками по чему бы ни попало... Острыя слова Арлекина большею частію ограничиваются сравненіями, иногда самыми плохими. Однажды разсказывая товарищу своему Бригеллѣ, какъ онъ укралъ капотъ, лежавшій въ одномъ домѣ на постелѣ, капотъ сей уподобляетъ онъ женщинѣ и публика ему аплодируетъ ... Впрочемъ такое безстыдство актеровъ ни мало не удивительно; ибо и въ обществахъ говорятъ очень вольно, хотя и не вовсѣхъ вообще; ибо благовоспитанные Итальянцы въ разговорахъ своихъ строго наблюдаютъ благопристойность. Я

не смѣю упоминать о родѣ клятвы, на которую и дамы отвѣчаютъ такого же рода восклицаніемъ безъ малѣйшаго замѣшательства. Многіе Арлекины очень хорошо и легко танцуютъ, и въ семъ родѣ я видѣлъ пресмѣшныхъ и забавныхъ. Въ ролѣ Арлекина бываютъ фарсы истинно комическіе. Всего забавнѣе видѣть его Королемъ. Представте себѣ, что Арлекинъ сидитъ на тронѣ, судитъ народъ, распоряжаетъ; но по какому-то случаю несутъ мимо его блюдо съ макаронами и Арлекинъ забываетъ, что онъ Царь, стремглавъ оставляетъ престолъ, съ жадностію бросается на любимое свое кушанье и оставшееся на блюдѣ кладетъ въ карманы на запасъ.

Страсть къ театральнымъ зрѣлищамъ до того въ Италіи распространилась, что и самый Католицизмъ ей уступаетъ. Въ великій постъ представляютъ комедіи, драммы или Трагедіи: право не знаю какъ ихъ назвать; ибо они ни то, ни другое. Піэсы сіи заимствуются изъ Библіи или изъ житія святыхъ. Я видѣлъ на театрѣ св. Терезу; содержаніе піесы было самое грѣшное; были явленія противныя вкусу и нравственности. Непонятно, какая цѣль, какое намѣреніе было сочинителей подобныхъ симъ *Трагико-комико-драмъ*? весьма полезно, ежели христіанскія добродѣтели, искреннее покаяніе угодниковъ Божіихъ описываются въ наилучшемъ видѣ, искуснѣйшимъ перомъ; но пороки, погрѣшности ихъ, какъ мірскихъ людей, выведенные на сцѣну предъ

взоры публики, оскорбляютъ вѣру и вѣрующихъ. Можно ли безъ нарушенія должнаго уваженія къ святынѣ, безъ нарушенія пристойности видѣть на сцѣнѣ въ ролѣ распутную женщину, сгарающую порочною страстію, кающуюся тогда уже, когда грѣхъ ее оставилъ; видѣть святую въ первомъ дѣйствіи бесѣдующую съ любовникомъ, а въ послѣднемъ отказывавщуюся отъ суетъ міра сего, и наконецъ видѣть ее при смерти окруженною Ангелами, чертями и вмѣстѣ Арлекиномъ. Конечно, таковыя піесы суть порожденіе вольнодумства, и порожденіе самое безобразное.

Въ трагическихъ операхъ, Ишаліанская музыка является въ своемъ блескѣ. Тутъ чувства, производимыя трагическими явленіями очаровываются согласіемъ музыки. Трагическая опера, по декараціямъ столь близкимъ къ натурѣ, и по своимъ блестящимъ одеждамъ, безъ всякаго увеличиванія, по истинѣ есть нѣчто весьма великолѣпное. Мало городовъ, которые могли бы собрать нужныя издержки для сихъ представленій. Велютти, первый Сопрано, получалъ въ Тріестѣ за каждое представленіе 1000 флориновъ; изъ 40 представленій два бенефиса и сверхъ того экипажъ, столъ на шесть персонъ и гардеробъ. На декораціи и одежды не щадятъ издержекъ. Къ сожалѣнію самые богатые костюмы иногда не приличествуютъ представляемому лицу; но главный недостатокъ сихъ оперъ есть тотъ, что *Сопрано*, такъ названные получе-

ловѣки, занимающіе первую степень на театрѣ, по своей тѣлесной нестройности и болѣе женскому, нежели мужскому голосу, со всѣмъ неспособны представлять роль знаменитыхъ героевъ древности. Всего страннѣе, пока къ тому не привыкнешь, покажется то, что герой уже заколовшійся и умирающій продолжаетъ пѣть такъ громко, что голосомъ своимъ покрываетъ и громъ оркестра и громъ рукоплесканій. Страсть къ пѣнію была причиною обычая жестокаго и безполезнаго. Родители забывая природу и человѣчество, желая доставить дѣтямъ своимъ славу и богатство, отдаютъ ихъ въ театральныя Академіи, гдѣ изъ 20 жертвъ, едвали удаются двѣ съ хорошими голосами. Сіи полу-мущины имѣютъ всю силу и звонкость мужскаго и всю нѣжность и гибкость женскаго голоса. Велюшти воспитанникъ Санъ-Карловскаго въ Неаполѣ театра, первокласный Сопрано, удивлялъ Тріестъ своими героическими аріями; въ нѣжныхъ и любовныхъ онъ оказывалъ верхъ искуства; рулады его, трели, пониженія и возвышеніе голоса столько необыкновенны силою, пріятностію и выраженіемъ, что по окончаніи имъ лучшей аріи осыпаютъ его изъ ложъ цвѣтами, конфектами и бросаютъ на сцѣну кошельки съ червонцами. Но признаюсь я не всегда былъ согласенъ съ сими восторгами партера; мнѣ казалось, что если бы Велюшти въ нѣкоторыхъ выходкахъ своихъ пѣлъ болѣе обыкновеннымъ голосомъ, то онъ съ

своимъ искуствомъ, скорѣе и лучше тронулъ бы сердца слушателей. Велютти не только пѣніемъ, но и самою игрою пріобрѣлъ себѣ славу; два таланта, которые рѣдко бываютъ вмѣстѣ; ни одна лучшая пѣвица не смѣла на театрѣ пѣть съ нимъ вмѣстѣ. Корея также, какъ и онъ, состоя въ первомъ классѣ, рѣшилась наконецъ состязаться съ нимъ, и можетъ быть опять ошибаюсь, но думаю, что никакой полу-мущина не можетъ пѣть съ такою душею, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ она въ трагедіи (Траянъ въ Дакіи) пѣла съ нимъ Арію: (Se tu mi lasci, o Caro, io moro, nel tuo partir mi sento, mi sento morir). Если ты меня оставишь, о милый другъ мой, я умру, разставаясь съ тобою чувствую, чувствую уже смерть въ груди моей. Представте себѣ Корею, высокаго роста, статную и полную женщину, въ великолѣпной царской одеждѣ, осыпанную жемчугами и драгоцѣнными каменьями, прелестную, въ горести и слезахъ, имѣющую голосъ сладкій, пріятный, нѣжный, выразительный, и судите, можетъ ли какой бы то нибыло полу-человѣкъ такъ сильно тронуть, потрясти сердце? Можетъ ли самъ Велютти не уступить преимущества госпожѣ Сеси (Imperatrice Sessi), когда она поетъ въ операѣ (Меропа) Арію: (Carí mei figli venite!) Милыя дѣти! придите въ мои объятія.

Опера Буфо есть можетъ быть лучшее украшеніе Италіянскаго театра. Въ сихъ

операхъ выводятъ на сцѣну всѣ сцѣпленія хитростей любви и волокитства. Одинъ въ нихъ недостатокъ, что разговоры, которые поютъ на распѣвъ (recitatiuo), крайне утомительны и скучны. Слова въ аріяхъ часто не имѣютъ никакого смысла, но при громѣ прекрасной музыки, къ щастію, никто ихъ не слышитъ. На каждую изъ сихъ оперъ сочинено по нѣскольку музыкъ славнѣйшими Композиторами. Достоинство музыки въ операхъ и балетахъ столь велико, что оно только одно превосходитъ всѣ другія. Италіянцы рождены музыкантами; они имѣютъ отъ природы нѣжнѣйшія чувства къ музыкѣ и то, что у насъ пріобрѣтается ученіемъ, у нихъ, даже у простаго народа, кажется природнымъ. Талантъ сей у Италіянцевъ никто оспоривать не можетъ; музыка ихъ въ превосходной степени изображаетъ нѣжность, любовь, печаль, страхъ и ревность; но въ другихъ болѣе героическихъ страстяхъ, есть нѣчто томное, женоподобное; и если Италіянцы уступаютъ Французамъ въ военныхъ маршахъ, Нѣмцамъ въ нѣкоторыхъ трудныхъ піесахъ съ варіаціями, то они во всѣхъ другихъ родахъ музыки далеко ихъ превосходятъ. Искуство музыкальное конечно наиболѣе Италіянцамъ обязано своимъ совершенствомъ.

Балеты не уступаютъ въ славѣ операмъ. Блестящія одежды, превосходныя декораціи, а болѣе всего, неподражаемая небесная музыка, пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуютъ на

зрителя. Первокласные танцоры и танцовщицы, легкостію и пріятностію движеній очаровываютъ взоры; пантомима ихъ имѣетъ чувства. Извѣстные *гротески* легки, смѣлы и сильны; имъ удивляются и повсюду похваляютъ; но мнѣ не нравятся ихъ такъ называемые смертные скачки (Salto mortale). Они мѣшаютъ наслаждаться танцами второкласныхъ танцовщицъ. Сіи театральныя Граціи прекрасныя, стройныя, полуобнаженныя, весьма опасны для сердецъ. Взоры отличаютъ одну за другою. Сердце не можетъ избрать, не можетъ одну другой предпочесть, и воображеніе представляетъ чувствамъ, каждую изъ нихъ попеременно красавицею. *Розина*, первая пѣвица оперы Буфо; и *Королина* первая танцовщица, какъ роза и лилія между цвѣтами, отличались отъ прочихъ красотою и вмѣстѣ непорочнымъ поведеніемъ. Нѣтъ правила безъ изключенія, и въ Италіи есть 17-ти лѣтнія милыя актрисы, осмѣливающіяся не любить. Басси, первой Буфъ въ оперѣ, превосходный актеръ, какихъ въ Италіи мало. Онъ Фениксъ въ своей ролѣ. Шутки его исполнены остроты, въ нихъ нѣтъ ни чего не пристойнаго; двусмысленныя слова онъ никогда не договаривалъ, краснорѣчивая его пантомима дополняла наилучшимъ образомъ то, что ему должно было сказать, и милыя дѣвицы могли восхищаться его игрою, могли смѣяться отъ души, не имѣя причины краснѣть отъ стыда. Въ оперѣ Пертантино, Басси отли-

чался пѣніемъ; въ другой же оперѣ, гдѣ онъ игралъ роль Дурандо, превосходилъ всѣхъ и игрою и пѣніемъ. Въ наше время въ Тріестѣ были лучшія, самыя дорогія труппы. Выходя изъ театра, которой посѣщалъ всякой почти день, я чувствовалъ себя всегда въ хорошемъ расположеніи.

Театральныя труппы, обыкновенно нанимаются на два или на три мѣсяца; въ продолженіи сего времени по 40 представленій сряду, изключая комедій и трагедій, играется одна и таже піеса; по сему-то избираемыя актерами новыя піесы для своихъ бенефисовъ, очень много выигрываютъ. Каждая труппа имѣетъ своего Профессора музыки или композитора танцовъ, или поэта. Сей послѣдній есть самое жалкое и бѣдное твореніе. Я не смѣю объявить обыкновенную цѣну платимую за ихъ оперу Буфо, ибо тогда принужденъ буду сказать, что творенія сіи и того не стоятъ. Они обыкновенно выбираютъ по нѣскольку актовъ изъ лучшихъ сочиненій, и на скорую руку сшиваютъ нѣсколько дѣйствій вмѣстѣ. Превосходная музыка замѣняетъ собою всѣ недостатки. Здѣсь даже и не любопытствуютъ о имени сочинителя новой оперы, а спрашиваютъ чья музыка? Авторы комедій и трагедій получаютъ болѣе; но какъ драматическія творенія не весьма уважаются, то новое сочиненіе хорошо принимается только по тому, что оно ново, и

самое лучшее рѣдко переживаетъ два, три представленія и почти никогда болѣе не возвращается на сцѣну.

Карнавалъ.

Карнавальныя увеселенія продолжаются отъ Рождества до великаго поста. Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ сего времени. Маскерадъ, главная забава карнавала, выдуманъ только для любовныхъ шалостей и всякаго рода дурачествъ. Въ продолженіе сихъ дней безстыдства, молодые люди имѣютъ всѣ удобности къ удовлетворенію страстей; развратъ, прикрытый маскою, не удерживается болѣе приличностями. Женщины отъ утра до вечера заняты бываютъ приготовленіемъ нарядовъ изъ магазейна хитростей; онѣ выбираютъ лучшія для обману и ни о чемъ болѣе не помышляютъ, какъ объ однихъ способахъ нравиться и привлечь на себя вниманіе.

Лишъ наступаетъ вечеръ, маскерадныя лавки великолѣпно освѣщенныя наполняются дамами и кавалерами. Маскерадный балъ открывается по окончаніи театральнаго представленія; но обыкновенно приходятъ въ маскерадъ при наступленіи ночи, а расходятся съ разсвѣтомъ. Нигдѣ, какъ только въ Италіи, не можно видѣть такого разнообразія и замысловатости въ одеждахъ. Гогартовы каррикатуры суть только слабое подражаніе Италіанскаго маскерада. Ничего не можетъ быть за-

бавнѣе, какъ видѣть въ смѣшеніи всѣ народы міра въ своихъ одеждахъ: Римлянъ, Грековъ, монаховъ различныхъ орденовъ, Индѣйцевъ, дикихъ Американцевъ, боговъ, богинь, амуровъ и чертей, между которыми ходятъ вѣтреныя мѣльницы, башни и Харонъ въ лодкѣ разъѣзжаетъ по залѣ. Изъ характерныхъ масокъ, знатный господинъ съ большею свитою, играетъ первую рóлю. Шутъ его составляютъ разнаго званія особы: Поэтъ слѣдуетъ за нимъ съ кипою стиховъ; онъ иногда читаетъ забавныя сатиры, Арлекинъ и Паяцо отличаются острыми шутками избранными изъ лучшихъ сочиненій; музыканты имѣютъ головы Индѣйскаго пѣтуха; конюшій, егерь и кухмистеръ, каждый играетъ свою ролю, которую знатный господинъ въ удовольствіе публики заставляетъ ихъ говорить, что походитъ на нѣкоторый родъ комедіи, составленной изъ разныхъ смѣшныхъ сцѣнъ. Всякая маска претворяетъ свой голосъ и вообще соглашаетъ лице свое съ одеждою. Докторъ раздаетъ двусмысленные рецепты отъ всѣхъ родовъ болѣзней, слѣдующій за нимъ аптекарь предлагаетъ лѣкарства погашать или воспламенять любовь. Оракулъ несетъ урну, изъ которой желающіе вынимаютъ на заданное ими отвѣтъ въ стихахъ, какіе у насъ пишутся на конфектныхъ билетахъ. Изъ всѣхъ масокъ въ продолженіе карнавала одна заслужила гром-

кое рукоплесканіе. Это была женщина одѣтая по послѣдней модѣ съ зеркаломъ въ рукахъ. На розовыхъ ленточкахъ, привязанныхъ къ длиннымъ носамъ, она вела за собою семь мущинъ, изъ коихъ каждой представлялъ щеголя, философа, воина, купца, доктора, судью и Царя.

Въ полночь маскерадная зала наполняется до того, что съ трудомъ можно ходить. Въ такой тесноте, пришедшіе вмѣстѣ, разлучаются въ разныя стороны, многіе даютъ волю рукамъ. Женщины ходящія безъ мущинъ ни мало тѣмъ не обижаются, почитая, что въ маскерадѣ такія непристойности должны быть терпимы. Желающія избѣгнуть оскорбленій, масокъ не надѣваютъ, и къ симъ оказываютъ должное уваженіе. Свободное обращеніе въ маскерадахъ простирается до того, что женщины подъ смиренною одѣждою монашенки, смѣло говорятъ то, чего отъ ихъ пола никакъ ожидать было бы не льзя. Мущины ни мало не затрудняются въ словахъ, и предложенія ихъ принимаются или отвергаются почти въ слухъ. Замаскированныя скоро сыскиваютъ знакомства, выходятъ въ другую залу пить кофе или шеколадъ, потомъ въ маскерадной лавкѣ перемѣнивъ нарядъ, въ наемной каретѣ ѣдутъ куда имъ угодно; или въ театральномъ трактирѣ берутъ особую комнату . . . Въ два часа за полночь, маскированные возвращаются въ залу въ прежнихъ наря-

дахъ, сыскиваютъ своихъ подругъ, и ни матери, ни отцы, ниже мужья ни мало не безпокоятся, гдѣ они были и что дѣлали. Вотъ, какъ мнѣ кажется, истинная причина того, почему съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ карнавала. Щастливы мы, что всѣ наши увеселенія чужды сей развратности нравовъ.

Въ продолженіе маслиницы бываетъ общій маскерадъ, увеселеніе очень странное и забавное. Послѣ обѣда весь городъ въ экипажахъ, пѣшкомъ и верхомъ на ослахъ и коровахъ является въ маскахъ. Обыкновенныя и маскерадныя экипажи въ нѣсколько рядовъ ѣздятъ по главной улицѣ. Въ маскерадные экипажи запрягаютъ различныхъ животныхъ, какъ то: быка и козла, корову и лошадь; всѣ они обвѣшиваются попонами, цвѣтами, побрякушками, къ инымъ придѣлывается по двѣ головы и проч. Балконы и окна, украшенные вывѣшенными коврами, занимаются дамами. Кавалеры запасшись мѣлкими сухими конфектами, фазолью, бобами, цвѣтами и спишками, бросаютъ то или другов (смотря по красотѣ и уваженію) прямо въ лицо дамъ. Сильный градъ конфектъ предпочтительно сыплется на красавицъ, и удивительно, какъ въ продолженіе сего сраженія, остаются у нихъ цѣлы глаза. При наступленіи вечера, дамы замаскировавшись ходятъ изъ дома въ домъ съ посѣщеніемъ, стараясь сколько можно, чтобъ и самые коротко знакомые не могли ихъ уз-

нашь. Въ сіе время дѣлаются знакомства съ такими людьми, какихъ никогда лица не увидишь. Бываютъ обманы довольно забавные; встрѣчаются случаи, которые всегда оставляютъ пріятное воспоминаніе.

Въ продолженіе карнавала фокусники забавляютъ народъ различными представленіями. Собачій балетъ, кукольная комедія, кабинетъ восковыхъ статуй показываются на площадяхъ. Балансеры, незгараемый человѣкъ и тому подобное, иногда показываютъ свое искуство на театрѣ. Ученыя кинарейки наиболѣе мнѣ понравились. Тиролецъ подъ музыку заставляетъ ихъ маршировать, беретъ ими бумажную крѣпость, изъ которой стрѣляютъ изъ пушекъ. Взявъ крѣпость разстрѣливаютъ дезертира, которой по учиненіи изъ пушечки выстрѣла, падаетъ мертвымъ; но когда Тиролецъ положитъ его къ себѣ на руку, кинарейка вдругъ вспорхнетъ и запоетъ. Удивительно, какъ столь малую птичку успѣваютъ пріучить къ повиновенію и къ различнымъ движеніямъ несвойственнымъ ея породѣ. Всего пріятнѣе, когда они числомъ до тысячи, всѣ вмѣстѣ поютъ подъ органъ и умолкаютъ вдругъ, когда Тиролецъ погрозитъ имъ тросточкою.

Подземный гротъ въ Липцахъ.

Удивительной подземной гротъ въ Липцахъ въ 24хъ верстахъ отъ Тріеста по до-

рогѣ къ Фіумѣ, возбудилъ многихъ любопытство. Согласившись наняли мы коляски и въ числѣ одиннацати человѣкъ рано утромъ отправились къ гроту. Дорога сперва вела насъ мимо загородныхъ красивыхъ домовъ, между пріятными садами; но скоро принуждены мы были подыматься на высокую каменную гору, состоящую изъ плитника, совершенно голаго. Солнце пекло, зной былъ несносный, шагомъ вставшись на вершину, мы остановились, дабы дать отдохнуть уставшимъ лошадямъ. Мы укрылись подъ тѣнію трехъ или четырехъ деревъ, съ нами были трубки и пиво. Отдыхъ былъ пріятнѣйшій. Видъ съ горы вокругъ представлялъ различные предметы. Къ востоку тянулся хребетъ горъ, изрѣдка поросшій мѣлкимъ лѣсомъ, почва земли близъ насъ состояла изъ безплоднаго камня. Бѣдные жители сихъ горъ имѣютъ свое пропитаніе отъ продажи угольевъ; почему и называютъ ихъ *Карбонарами* (угольники). Къ сѣверу вдали видѣнъ былъ сѣдой хребетъ Фріумскихъ горъ, также черныхъ и нагихъ, какова и та, на которой мы находились. Близъ Тріеста часть моря, окруженнаго высокими скалами, отъ преломленія солнечныхъ лучей, въ спокойной водѣ блестѣло какъ зеркало. До деревни Безовицы, не было ни какого признаку обитаемости. Вездѣ видѣнъ былъ голый камень, кремнистыя скалы печально стояли посреди пустыни, мрачная тишина

царствовала вокругъ насъ. Проѣхавъ Безовицы, я вдругъ перенесся изъ ада въ рай; тутъ взору моему представились плодоносные сады, прекрасныя рощи и многочисленныя по зеленымъ лугамъ посущіяся стада, и я не скучая болѣе палящимъ зноемъ, не примѣтилъ какъ прекрасною аллеею пріѣхалъ въ Липецы, небольшое селеніе, очень красиво выстроенное. Напившись кофе, и заказавши обѣдъ, мы съ проводникомъ пошли въ гротъ.

На ровномъ усыпанномъ множествомъ каменьевъ полѣ, проводникъ показалъ намъ глубокую яму, вокругъ обросшую мѣлкимъ кустарникомъ и сухою травою. Одинъ за однимъ начали мы спускаться въ гротъ. Я спустился на нѣсколько шаговъ внизъ, и непроницаемый мракъ принудилъ меня итти осторожнѣе; придерживаясь за неровности высунувшихся каменьевъ, я не прежде спускалъ ногу внизъ, какъ ощупавъ мѣсто палкою. Слыша голоса, а не видя никого, боясь, чтобы сверху кто не поскользнулся и паденіемъ своимъ не увлекъ бы въ пропасть меня и впереди идущихъ, съ безпокойствомъ началъ я кликать товарищей. Въ сіе время проводникъ зажегъ факелъ и вдругъ разлился вокругъ насъ свѣтъ. Съ полчаса мы шли извилистыми переходами, стѣны пещеры то сближались, то распространялись столько, что пламя факела не освѣщало дальнихъ угловъ. Наконецъ сошли мы на самый низъ грота въ глубину до 300 саженъ и зрѣлище чудное и великолѣпное по-

разило взоры наши. Стѣны грота, покрышыя накипью окаменѣвшей воды, отражая огонь факела, горѣли ослѣпляющимъ, неподражаемымъ свѣтомъ, только для мудрой руки природы возможнымъ. Мы находились въ кристальномъ подземномъ чертогѣ великолѣпно освѣщенномъ. Своды грота, мѣстами восходили до такой высоты, что свѣтъ не достигалъ оныхъ; нѣсколько не весьма толстыхъ столбовъ изъ чистаго хрусталя, поддерживали всю тяжесть обширныхъ сводовъ, съ коихъ, какъ бы прилепленные къ нимъ, висѣли другіе столбы, угрожающіе паденіемъ. Игра природы образовала на стѣнахъ многія фигуры, подобныя бюстамъ, птицамъ и животнымъ. Посреди грота куча каменьевъ чистыхъ и прозрачныхъ какъ стекло, походитъ на колосальную статую, поставленную на кругломъ подножіи. Сталактиды сіи такой разливали свѣтъ, такими яркими горѣли огнями, что не возможно было долго на нихъ смотрѣть. Холодъ и сырость, происходящія отъ капающей со сводовъ воды, были столь чувствительны, что мы скоро всѣ передрогли и поспѣшили выйти изъ грота. Палящее солнце скоро потомъ принудило насъ снять мундиры, и мы пришедъ въ трактиръ снова искали прохлады, чтобы съ удовольствіемъ отобѣдать.

Поступки Французовъ въ Тріестѣ.

Когда намѣреніе Наполеона лишить Бурбоновъ послѣдняго трона ему удалось; тогда великодушный Испанскій народъ, не могши перенести столь наглой обиды, именемъ Короля Фердинанда VII, рѣшился съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои права и свободу. Революція жестокая по дѣйствіямъ, но справедливая по оскорбленію, возбудила геройское мужество въ душахъ благородныхъ Испанцевъ. По объявленіи Іосифа Бонапарта Королемъ Испанскимъ не было уже сомнѣнія, что Наполеонъ, уничтожая царство за царствомъ, предположилъ покорить всю Европу. Императоръ Австрійскій въ обезпеченіе своей независимости, нашелъ необходимымъ составить сильное земское войско, которое въ случаѣ войны могло бы съ пользою служить вмѣстѣ съ арміею его. Дворянство, духовенство, купечество и народъ не щадили пожертвованій, ревностно и охотно исполняли волю своего Императора. 18 Іюня 1808 года Эрц-Герцогъ Іоганъ прибылъ въ Тріестъ для формированія земскаго ополченія; Его Высочество удостоилъ посѣщеніемъ наши корабли и принятъ былъ съ надлежащею сану Его почестію.

Наполеонъ не успѣвъ въ одну кампанію покорить Испаніи, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1809 года требовалъ, чтобы Австрійскій Императоръ распустилъ свое земское войско, и военные громы раздались близъ насъ. При открытіи

военныхъ дѣйствій, Австрійское оружіе увѣнчано было блистательнѣйшимъ успѣхомъ. Эрц-Герцогъ Іоганъ при фонтанѣ Фредо (что въ Фріулѣ) разбилъ Принца Евгенія столь сильно, что Французы до самаго Адижа не могли ни на одной позиціи остановиться. Жители Италіи (*) съ радостію приняли Австрійскія войска; не было сомнѣнія, что Королевство Италіанское въ непродолжительномъ времени было бы освобождено; но судьба повелѣла иначе. Наполеново счастіе вскорѣ вознаградило ему сію потерю. Поспѣшно подкрѣпивъ отступившія въ Баварію свои войска новыми корпусами, онъ разбилъ у Регенсбурга Эрц-Герцога Карла, Главнокомандующаго большою Австрійскою арміею. Потеря Вѣны и отступленіе Принца Іоганна изъ Италіи въ Венгрію, было слѣдствіемъ несчастной битвы у помянутаго города: 6 Маія Французы вступили въ Тріестъ съ условіемъ не требовать отъ города никакой контрибуціи, кромѣ 800 порцій въ день; но едва Австрійская армія нѣсколько удалилась отъ Тріеста, требованія со дня на день начали увеличиваться: то нужно было нѣсколько лошадей, то нѣсколько бочекъ вина, то сухарей. Начали приходить полки, одинъ

(*) Въ Тріестѣ Гоферъ, въ Вестфаліи Маіоръ Шиль, въ Италіи многочисленныя толпы народа возстали противу Французовъ; неоспоримое доказательство ихъ ширанскаго правленія.

другаго хуже, солдаты оборванные, босикомъ и въ вѣтошкахъ съ однимъ ружьемъ на плечѣ, требовали одѣжды. Когда граждане Тріеста потеряли терпѣніе, когда Австрійскіе гражданскіе чиновники, остававшіеся въ городѣ и утвержденные новымъ правительствомъ въ своихъ должностяхъ, напомнили о условіи; то Французы сняли съ себя личину и начали брать все силою. Вопервыхъ объявили, что бы жители всякое оружіе сдали въ арсеналъ, и когда такимъ образомъ обезпечили себя отъ бунта, на первый разъ потребовали только 50.000 флориновъ, но не прошло дня, еще 100.000. Потомъ съ оружіемъ въ рукахъ, обобрали въ лавкахъ сукно, полотно, нанку и сапожной товаръ, собрали всѣхъ портныхъ и сапожниковъ и пока они не обмундировали двухъ полковъ, держали ихъ подъ карауломъ въ казармѣ. Въ прежнюю войну (1800 года) Массена придумалъ для скорѣйшаго обмундированія солдатъ еще лучшее средство. Для какого-то торжества входъ въ маскерадъ позволенъ былъ безъ платы. Когда маскерадная зала наполнилась, гренадеры съ примкнутыми штыками выгнали кавалеровъ вонъ изъ залы, а женщинамъ вмѣсто увеселенія предложили, снявши маски, заняться шитьемъ рубашекъ. Благородныхъ дамъ, до тѣхъ поръ не выпускали изъ залы, пока они вмѣсто себя не представили служанокъ и нѣсколько денегъ. Бѣдныя женщины сидѣли въ залѣ подъ карауломъ цѣлую недѣлю, а послѣ отосланы

были мыть казармы. . . . Каждый Генералъ, который приходилъ на короткое время въ Тріестъ, налагалъ контрибуцію для своего содержанія. Одинъ изъ Генераловъ, взявъ оную, пригласилъ Австрійскихъ чиновниковъ къ себѣ на обѣдъ; и когда послѣ стола Президентъ магистрата откланялся Генералу, то на лѣстницѣ былъ остановленъ Адъютантомъ, который вручилъ ему щетъ съ приказаніемъ заплатить по оному за столъ и угощеніе. Офицеры не уступали своимъ Генераламъ, они брали у хозяевъ своихъ все, что имъ нравилось, иногда дарили его тѣми вещами, кои затруднительно было имъ взять съ собою. Одинъ Офицеръ проходящей партіи, увидѣвъ на балконѣ дамъ, вошелъ въ домъ, и безъ обиняковъ сказалъ хозяину, что онъ любитъ хорошенькихъ женщинъ и потому у него ночуетъ. Адвокатъ Резетти (хозяинъ дома) спросилъ у него билетъ на квартиру? что за билетъ, отвѣчалъ Французъ; приготовь мнѣ на шесть персонъ ужинъ, и чтобъ было шампанское и бургонское. На другое утро, Французскій Офицеръ, взявъ нѣсколько бѣлья, уложилъ въ свой чемоданъ, надѣлъ новые хозяйскіе сапоги, а свои, изношенные въ знакъ дружбы, подарилъ Адвокату.

Когда Жубертъ Генералъ-Интендантъ Французской арміи прибылъ въ Тріестъ, то бѣдствія еще большія, притѣсненія неслыханныя, отяготѣли на бѣдныхъ жителяхъ. Я желалъ бы умолчать о хищническихъ поступкахъ,

весьма печальныхъ и невыгодныхъ для чести націи, называвшей себя великою и просвѣщенною; и какъ такого рода злодѣяпія происходятъ всегда отъ правительства или лучше правителя Деспота, то хотя по пословицѣ: „лежачаго не бьютъ“ я долженъ бы покрыть завѣсою произшествія, коихъ былъ очевидецъ, и коими сердце мое тогда раздиралось; однакоже почитаю нужнымъ дать соотечественникамъ моимъ понятіе, что могли бы мы претерпѣть тогда, когда подобно Нѣмцамъ остались бы въ своихъ домахъ? Чего жители Москвы должны были бы ожидать, если бы наши гражданскіе чиновники остались при своихъ должностяхъ, и были бы обязаны грабить своихъ друзей, отца, мать и себя самихъ? Сравнивая бѣдствія всей Европы съ потерею нашею и Испанцевъ, пусть читатели сами скажутъ, лучше ли или хуже мы сдѣлали, что предали огню свои домы, что оставляя занятые непріятелемъ города пустыми, лишили его средства содержать себя на чужой щетъ; и наконецъ, не отъ того ли мы побѣдили почитавшаго себя непобѣдимымъ Наполеона, что наше Правительство, подобно мужественнымъ Испанцамъ, приняло другія мѣры и способы для сопротивленія ему?

На другой день прибытія въ Тріестъ Жуберта, Французы конфисковали Англинскіе товары; вмѣстѣ съ оными отняты были частію и Нѣмецкіе, по произволу Французскихъ комисаровъ названные Англинскими. Дабы за сіи

товары выручить наличныя деньги, продали часть оныхъ съ аукціоннаго торга. Купившимъ выдали свидѣтельства и билетъ на свободный сихъ товаровъ пропускъ и продажу безъ пошлины во Французскихъ владѣніяхъ. Тріэстскіе капиталисты, думавшіе симъ оборотомъ обагатиться, обмануты были самымъ необыкновеннымъ образомъ. На границѣ Италіянскаго Королевства товары ихъ были остановлены; свидѣтельство, данное Жубертомъ, таможенные чиновники объявили ничтожнымъ, и бѣдные купцы, очень еще довольны были и тѣмъ, что за половинную цѣну противу аукціонной покупки могли продать свои товары Маршалу Массенѣ и нѣкоторымъ другимъ Французскимъ Генераламъ . . . разумѣется, что товары, принадлежащіе *Маршалу* были тотчасъ пропущены.

По взятіи Вѣны, Наполеонъ наложилъ на Тріестъ 50 милліоновъ флориновъ контрибуціи. Хотя сначала полагали, что городъ едвали четвертую часть сей суммы можетъ выплатишь, однакоже Жубертъ доказалъ противное; въ два мѣсяца онъ собралъ болѣе 20 милліоновъ, частію деньгами, а прочее съѣстными припасами и другими потребностями. Жубертъ систематически и постепенно, такъ сказать, высасывалъ деньги. Во первыхъ наложена была небольшая контрибуція, которую въ три дни удобно и уплатили, потомъ подъ разными предлогами въ три раза взято было еще нѣсколько денегъ, и когда у бѣднаго

и посредственнаго состоянія нечего уже было брать, тогда приснупилъ Жубертъ къ *насильственнымъ займамъ*, то есть, у богачей отняли до половины ихъ капитала, представя имъ чрезъ посредство своего Магистрата, сдѣлать уравнительную раскладку и современемъ взыскать съ своихъ согражданъ. При сихъ насильственныхъ займахъ, если кто отказывался платить, то, дабы принудить его, употребляли такъ называемую *военную экзекуцію*. Въ первый день приходили въ домъ пять человѣкъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ; хозяинъ кромѣ пищи, слишкомъ прихотливой для солдата, долженъ былъ въ тотъ же день заплатить каждому изъ нихъ по 5 флориновъ. На другіе сутки прибавлялось еще пять солдатъ, кои получали по 10 флориновъ. На третій день 15 солдатамъ выдавалось по 15 флориновъ каждому, и такъ далѣе. Если чрезъ пять дней, хозяинъ не вносилъ положенной на него контрибуціи, то на шестой Комисаръ бралъ у него серебро или какія другія вещи, которыя удобнѣе и выгоднѣе можно было продать. Не случалось почти никогда, или весьма рѣдко, чтобы кто могъ въ продолженіи пяти дней выдержать всѣ грубости и неистовства солдатъ. Они обыкновенно располагались въ лучшихъ комнатахъ, развѣшивали по стѣнамъ ружья и сумы, портили мебель, заставляли чистить себѣ сапоги, мыть бѣлье, брали что имъ нравилось, женщинамъ не было отъ нихъ покою, и самыя жесточайшія оскорбленія оставались безъ наказанія.

Когда лавки и магазейны были на чисто ограблены; въ домахъ, едва ли что оставалось для пропитанія; когда изъ 40 тысячъ жителей, оставалось только 20 тысячъ; то Жубертъ для вынужденія значительнѣйшей суммы, употребилъ слѣдующее средство: 24 богатѣйшихъ капиталистовъ посажены были подъ стражу, при чемъ объявлено было имъ, что если чрезъ 10 дней не внесутъ новаго наложеннаго на нихъ насильственнаго займа, то будутъ разстрѣляны. Денегъ ни у кого не было, и сіи нещастные отправлены были въ крѣпость Пальма-Нову, для исполненія надъ ними смертнаго приговора. Не могу описать унынія и отчаянія, объявшаго Тріестцевъ. Нѣкоторые благородные Французы были чувствительны къ бѣдствіямъ народа, нѣкоторые съ негодованіемъ порицали жестокіе поступки, происходящіе отъ алчности къ деньгамъ. Дюкъ де Нарбонъ (*), дивизіонный Генералъ, бывшій въ сіе время Губернаторомъ въ Тріестѣ, старался сколько можно облегчать участь угнетенныхъ; но по причинѣ полной власти для взысканія контрибуцій данной

(*) Дюкъ былъ изъ числа тѣхъ эмигрантовъ, которые возвратясь во Францію, вступили въ службу. Мать и сестра его потерявъ все свое имѣніе жили въ Тріестѣ въ крайней бѣдности и неизвѣстности. Нечаянная встрѣча обрадовала престарѣлую мать, но она запретила сыну посѣщать ее во французскомъ мундирѣ.

Жуберту, благородныя усилія его большею частію оставались безуспѣшны. Жубертъ, сколько по обязанности и долгу службы, столько сообразуясь съ характеромъ своего деспота, какъ кажется, получилъ навыкъ ничѣмъ не прогаться, и употреблять крайнія мѣры жестокости съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Вотъ тому примѣръ: Карчіотти, старецъ 80 лѣтъ, вмѣстѣ съ прочими купцами отправленъ былъ въ Пальму-Нову. Сынъ его представя Жуберту, что имѣніе ему, а не отцу принадлежитъ, просилъ Генерала, чтобы ему вмѣсто родителя позволилъ умереть. Жубертъ равнодушно и съ насмѣшливою улыбкою отвѣчалъ сему достойному сыну: „твое намѣреніе похвально, годится для тра„гедіи; заплати, сверхъ положенной на отца „контрибуціи 20 тысячъ флориновъ, и я сей „часъ прикажу разстрѣлять тебя вмѣсто „твоего почтеннаго родителя.“ Къ счастію миръ вскорѣ былъ заключенъ, и страдальцы просидѣвъ въ тюрмѣ, были освобождены.

Таковы-то были средства для взысканія контрибуціи употребленныя; но были еще другія, адскою душею обдуманныя злодѣйства, коимъ и самъ Аттила, и самый неистовый разбойничій атаманъ долженъ былъ бы уступить. До вступленія Французовъ въ Тріестъ, коронныя суммы и всякое казенное имущество были вывезены; но капиталы не совершенно-лѣтнихъ и вдовъ подъ опекою находящихся, оставались; Жубертъ для пополненія контри-

буцій, не усомнился потребовать и сіи суммы. Президентъ городоваго правленія долго тому противился. Жубертъ въ семъ случаѣ не хотѣлъ употребить явнаго насилія и для полученія сихъ денегъ прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости. Сыскалъ такого человѣка, который не имѣя ничего, чтобы могъ почесть для себя потерею, согласился за мѣсто Президента выдать деньги акпомъ. Прежній благородный Президентъ, не щадивщій никакихъ усилій для облегченія участи своихъ сограждан, былъ смѣненъ, а сироты и вдовы лишились отъ того дневнаго пропитанія. Вотъ какими уловками Французы прикрывали свои насильственные поступки, кои и имъ иногда казались непозволенными. Дабы имѣть причину притѣснять и отнимать деньги, было наконецъ публиковано, что донощикамъ будетъ выдаваемо приличное награжденіе. Невинные страдали, принуждены были платить за обвиненія, коимъ не было никакого основанія; и даже не требовались для улики и ложные свидѣтели.

Въ слѣдъ за арміею вступила въ Тріестъ другая, состоящая изъ маркитантовъ, распутныхъ женщинъ, картежныхъ игроковъ, искусниковъ, фигляровъ, въ почетномъ званіи шпіоновъ, тайной полиціи служащихъ, и такого рода людей, кои будучи чужды всякой нравственности, не имѣя въ поступкахъ своихъ и тѣни добродѣтелей, дерзаютъ выхвалять человѣколюбіе и безкорыстіе Наполеона,

за честь себѣ вмѣняютъ удивляться его подвигамъ; и между тѣмъ поведеніемъ своимъ, при каждомъ шагѣ обличаютъ героя своего въ малодушіи и хищничествѣ, и невольно обнаруживаютъ низкое его рожденіе. Отъ добраго сердца приписываютъ ему такія свойства, кои свойствамъ истинно великихъ мужей совершенно чужды.

Картежные игроки, заплативъ немаловажную откупную сумму за позволеніе обыгрывать навѣрное, состоятъ, какъ называютъ Французы, *подъ покровительствомъ законовъ*. Дежурный банкеръ для отличія носитъ чрезъ плечо широкую, подобную орденской, трехцвѣтную ленту. Театральная зала отъ утра до вечера была наполнена игроками. Я иногда приходилъ въ оную питать душу мою отвращеніемъ, примѣчать отчаянныя лица игроковъ, которые при каждомъ оборотѣ рулины, краснѣли или блѣднѣли, смотря потому, выигрывали или проигрывали они. Мрачная тишина прерывалась одними проклятіями, вздохами и восклицаніями. Не слышно было инаго шума, кромѣ деревянныхъ лапатокъ, коими банкеры пригребали или отталкивали отъ себя золото. Женщины, которыя не имѣли болѣе денегъ, проигрывали кольца, серьги, гребни, платки или въ театральномъ трактирѣ наскоро продавали свою благосклонность. Сіи прибывшія Французскія нимфы позора, отправляли должность шпіоновъ, и получали за то жалованье отъ полиціи, и также

состояли въ штатѣ Наполеоновыхъ обожателей. Армейскіе маркитанты, заплатя откупъ, разыгрывали въ лотарею награбленныя вещи, большею частію покупаемыя отъ контрибуціонныхъ депо. Въ одной лавкѣ, можно было за грошъ выиграть какую либо вещь, на примѣръ одинъ башмакъ или лоскутъ стараго платья, въ другой съ аукціона можно было купить за безцѣнокъ кусокъ сукна. Кто покупалъ товаровъ на сто рублей, тому по настоящей оцѣнкѣ предоставлялось на его выборъ на 150 рублей. Симъ способомъ контрибуціонныя вещи обращались въ деньги. Въ праздничные дни при хорошей погодѣ, на площади разыгрывалась такъ называемая *денежная лотарея*. Въ пользу казны удерживалась половина изъ собранной суммы; но какъ однажды выигрывшаго самой большой призъ, посадили въ тюрьму, подъ предлогомъ, что онъ такихъ номеровъ изъ лотарейной конторы не получалъ, то народъ и нѣсколькихъ грошей не хотѣлъ проигрывать напрасно. Развращенные нравы побѣдителей вкрались и въ сердца побѣжденныхъ. Толпы игроковъ изъ черни, не имѣя чѣмъ питаться, начали промышлять воровствомъ, чего при Австрійскомъ правительствѣ и слышно не было. Махіавельская политика Наполеона, съ умысломъ допускаетъ таковое развращеніе народа; ибо человѣкъ, въ крайней нищетѣ находящійся, не можетъ сожалѣть о своей свободѣ и въ отвращеніе голодной смерти, охотно ищетъ

оной на полѣ сраженія. Въ Тріестѣ набрано было силою нѣсколько рекрутъ, и сіи несчастные принуждены были бы сражаться противу своего отечества, еслибъ вскорѣ не заключенъ былъ миръ.

Послѣ *Аспернскаго* сраженія, Французы желая прикрыть попперю онаго, выдумывали въ пользу свою разныя обстоятельства, лгали безъ всякой мѣры и вѣроятности. Одинъ Офицеръ, посѣщавшій домъ Баронессы Цанки, у коей предпочтительно принимаемы были Русскіе, съ видомъ увѣрительнымъ и гордымъ, разсказывалъ за новость самую достовѣрную, что одинъ раненой Французской Полковникъ, ѣдучи въ каретѣ, былъ нечаянно окруженъ 6000 колонною Австрійской милиціи, которой начальникъ объявилъ его плѣннымъ; но нашъ храброй Полковникъ, продолжалъ хвастунъ, одними словами, (à force de parole) принудилъ 6000 Австрійцевъ положить предъ нимъ ружье. Пожалуйте, не договаривайте, шутливо возразила на сіе Графиня Воиновича (урожденная Пизани); милостивые государи, обратившись къ прочимъ гостямъ, продолжала Графиня, я свидѣтельствуюсь вами, что нѣтъ женщины болѣе меня болтливой. И такъ радуйтесь, я сей часъ ѣду въ Вѣну, и увѣряю васъ, что я своимъ болтаньемъ (a forza di chiacari) принужу всю Французскую армію положить передо мною ружье.

По заключеніи Вѣнскаго мира, Маршалъ Мармонтъ сдѣланъ былъ Намѣстникомъ Илли-

рійскихъ провинцій. Новые подданные, съ стѣсненнымъ отъ горести сердцемъ, дали присягу въ вѣрности. Одна надежда, что участь ихъ будетъ сноснѣе, уменьшила уныніе; но послѣдствія вскорѣ доказали противное. Каждый владѣлецъ дома или земли долженъ былъ платить въ годъ отъ 10 до 20 процентовъ со ста, не съ доходовъ, а съ той суммы, чего стоитъ его имущество, включая мебели, экипажи и проч... Отъ многихъ тягостныхъ налоговъ, сбираемыхъ съ тоюже строгостію, какъ и военныя контрибуціи, богатѣйшіе люди разорились. Въ Венеціи одинъ изъ театровъ былъ проданъ за 60.000 ливровъ; но какъ скоро деньги сіи были внесены, то городовое правленіе потребовало съ покупщика прежнюю недоимку, простиравшуюся до 140.000 лиръ; а какъ онъ не могъ внести такой суммы, то театръ чрезъ годъ описали въ казну. И такимъ образомъ продавали его три раза за безцѣнокъ.

Континентальная система довершила разореніе Тріеста. Личная ненависть Наполеона противу Англичанъ простерлась до того, что онъ не имѣя флота, которымъ могъ бы отмстить Британцамъ за смѣлыя, несносныя для малодушія его насмѣшки, въ кипѣніи безсильной своей злобы, не усомнился нищетою милліоновъ лучшихъ своихъ подданныхъ, лишить непріятелей выгодъ ихъ трудолюбія и промышленности. Миланскій декретъ доказываетъ, сколь мало Наполеонъ думалъ о благѣ

своего народа. По сему декрету купецъ, отправляющій грузъ моремъ долженъ былъ, чего стоитъ судно и грузъ, обезпечить вносомъ денегъ или вѣрнымъ залогомъ. Если дойдетъ до свѣденія, что судно было осматриваемо Англинскими крейсерами и было ими отпущено, то таковое берется въ казну. Таможенные чиновники имѣя въ виду сіи двѣ статьи, по малѣйшему подозрѣнію, безъ всякихъ доказательствъ могли всякое судно и залогъ присвоивать казнѣ. Не смотря на всю блишельность Французской береговой стражи, Англинскіе товары во множествѣ продавались даже въ самомъ Парижѣ. Наполеонъ думая искоренить торгъ запрещенными товарами, обогашившій Англинскихъ купцовъ, приказалъ всѣ колоніальные товары, находившіеся въ его владѣніяхъ, сжечь. Безразсудность сія, какъ извѣстно, ни мало не остановила тайной торговли: какой убытокъ могли имѣть Англичане, когда Наполеонъ могъ жечь только шѣ ихъ товары, за которые они уже получили деньги?

Произшествія во время пребыванія Россійской эскадры въ Тріестѣ. — Возвращеніе въ Россію.

10-го Іюня 1808 года, Англинскій фрегатъ приходилъ въ Тріестъ подъ переговорнымъ флагомъ; на ономъ получено извѣстіе, что престарѣлый въ добродѣтели Георгъ III, рѣшился во что бы ему ни стало, подать

помощь Испанцамъ и Португальцамъ, возставшимъ съ мечемъ мщенія противу Наполеона. Съ сего времени, не смотря на протесты Французскаго въ Тріестѣ Консула, коего ноты доселѣ значили повелѣнія, дружескія сношенія съ Англичанами продолжались безпрерывно; когда же Эрц-Герцогъ Іоганъ прибылъ въ Тріестъ для образованія земскаго ополченія, то Англинскіе военные корабли останавливались близь гавани и принимая конвои Австрійскихъ купеческихъ судовъ, явно сопровождали оныя мимо Истріи, въ портахъ которой Французы усилили свою гребную флотилію. Австрійцы во уваженіе нашего флага не позволяли Англичанамъ подходить къ эскадрѣ нашей ближе пушечнаго выстрѣла, въ городѣ же мы встрѣчались съ ними довольно часто и обходились попріятельски. 27 Августа пришло первое Испанское купеческое судно, изъ Тріеста также отправились нѣсколько Австрійскихъ судовъ въ Испанію. Союзъ Австріи съ Англіею и Испаніею, хотя и не былъ обнародованъ; но по симъ дружескимъ сношеніямъ никто въ ономъ не сомнѣвался. 9 Ноября Генералъ Маіоръ Бибиковъ, назначенный Посланникомъ ко Двору Мюрата, новаго Неаполитанскаго Короля, въ проѣздъ свой чрезъ Тріестъ, посѣщалъ корабли наши и былъ принятъ съ должною почестію. 13 Декабря на Испанскомъ фрегатѣ прибылъ въ Тріестъ бывшій Посланникъ Баронъ Григорій Александровичъ Строгоновъ. При съѣздѣ его на берегъ, Испанскій

фрегатъ салютовалъ ему 15 выстрѣлами. Если по сему фрегату судить о Испанскомъ флотѣ, то мнѣніе о устройствѣ онаго будетъ не выгодно. Построеніе фрегата не очень красиво, но онъ ходитъ легко, вооруженіе тяжело, люди въ управленіи парусовъ не проворны; они одѣты бѣдно, не опрятны и весь фрегатъ весьма нечистъ.

1809 года Генваря 26, къ общему нашему прискорбію, скончался почтенный и любимый нашъ Капитанъ-Командоръ Иванъ Осиповичъ Салтановъ. Всѣ Австрійскія войска, бывшія въ Тріестѣ подъ командою Бригадира, были при погребеніи. Процессія по военному нашему уставу была самая пышная. Знамена, пушки и барабаны, увитые флеромъ, длинный рядъ священства въ великолѣпныхъ ризахъ, пѣніе и военная музыка, раздирающая сердце, безпритворная печаль напечатлѣнная на скорбныхъ лицахъ окружавшихъ гробъ и колесницу; корабли съ искривленными реями, съ опущенными въ половину флагами и вымпелами; и самые пушечные выстрѣлы чрезъ пять минутъ одинъ за другимъ послѣдовавшія, все это вмѣстѣ сколько трогало зрителей, столькоже и нравилась имъ сія погребальная пышность, какой они доселѣ не видали. Не смотря на дурную погоду, по улицамъ едва было можно протѣсниться. Капитанъ 1го ранга Михайлъ Тимоѳеевичъ Быченскій по старшинству принялъ начальство.

31 го Генваря, для дня рожденія Императора Франца I. корабли наши были разсвѣщены флагами и съ каждаго палили по 31 выстрѣлу. 12 го же Марта по случаю дня возшествія на престолъ нашего Императора, Австрійцы съ крѣпостей также палили изъ всѣхъ орудій. День пасхи 28 Марта провели мы истинно по Христіански. Заутреня была въ Славянской церкви св. Спиридонія. Корабельные священники отправляли службу вмѣстѣ съ приходскими. Пѣвчіе наши стояли на правомъ крылосѣ, пѣніе ихъ восхищало Славянъ; но когда при первомъ словѣ: Христосъ Воскресе, въ глухую полночь съ кораблей нашихъ освѣщенныхъ фонарями раздались пушечные громы, то восторга Славянъ описать было не можно.

Торжество вѣры, конечно, производитъ впечатлѣніе, пріятнѣе всякаго другаго. Добрые Славяне признавались, что они никогда съ такою радостію не встрѣчали великаго праздника, и дня, который препроводили вмѣстѣ съ нами, никогда не забудутъ. Иностранцамъ, особенно Католикамъ нравятся наши церковные обряды; они сознаются, что со всею пышностію въ Греко-Россійскомъ богослуженіи соединено приличное великолѣпіе, вливающее въ душу священное благоговѣніе; но при всемъ томъ, они не иначе называютъ насъ, какъ отступниками (Schismatici), а иногда обряды наши представляютъ совсѣмъ въ превратномъ видѣ. Вотъ тому разительный примѣръ. Одинъ путешественникъ, бывшій во

время Паехи въ С. петербургѣ, описывая торжество сего дня, между прочимъ сказалъ: чувствительно было для меня видѣть, когда всѣ бывшіе въ церкви, безъ различія чиновъ, царедворецъ и солдатъ, крестьянинъ и Генералъ начали обниматься и цѣловать другъ друга въ уста, говоря одинъ другому: Creſtovſky oſtrov, vaſilifky oſtrov, то есть вмѣсто Христосъ воскресе *Крестовскій островъ*, а вмѣсто воистину воскресе *Васильевскій островъ*.

Въ концѣ Марта, война между Австріею и Франціею, давно и съ нетерпѣніемъ ожиданная, началась. Начальствующій эскадрою Капитанъ 1 го ранга Мих. Быченскій, не имѣя ни какихъ повелѣній, въ какомъ отношеніи должны мы были считать себя съ Австрійцами и Французами, для полученія нужныхъ наставленій, 1 го Апрѣля отправилъ въ С. Петербургъ Лейтенанта Кар. Вас. Розенберга. По занятіи Тріеста 6 Маія Французскими войсками, положеніе нашей эскадры сдѣлалось затруднительнымъ; ибо Французскіе и Австрійскіе Генералы при всякомъ случаѣ увѣряли насъ, что мы съ ними въ союзѣ. Недоумѣніе сіе продолжалось до прибытія изъ Вѣны въ Тріестъ бывшихъ Посланниковъ при Сицилійскомъ Дворѣ и Оттоманской Портѣ Тайныхъ Совѣтниковъ Д. П. Татищева и Италинскаго.

10 го Маія, не смотря на множество Англинскихъ крейсеровъ, 10 Французскихъ канонерскихъ лодокъ успѣли прокрасться изъ Ве-

неціи въ Тріестъ. 13 го Маія Министръ морскихъ силъ Италіянскаго Королевства Кафарелли посѣтилъ нашего начальствующаго; ему салютовано было изъ 13 пушекъ. Въ сейже день по причинѣ гнилости корабля Уріила, снята была съ него половина пушекъ, которыя поставили на мулѣ стараго каранпина. (Австрійцы не оставили въ Тріестѣ ни одного орудія). Распоряженіе сіе послужило къ нашей пользѣ, или лучше лишило насъ случая съ выгодою сразиться съ Англичанами. 17 Маія на разсвѣтѣ Англинская эскадра, состоящая изъ 5 кораблей, 3 большихъ фрегатовъ и брига, показалась у мыса Салвора и шла на всѣхъ парусахъ къ Тріесту. Эскадра наша перемѣнила позицію и стала такъ близко берега, что непріятелю пройти между нашими кораблями и атаковать насъ съ обоихъ бортовъ было не возможно (*). Линія, состоявшая изъ 4 кораблей, 2 фрегатовъ и корвета, такъ стѣснена была въ видѣ полуциркуля и защищена съ обоихъ фланговъ береговыми батареями, что Англичанамъ подъ перекрестнымъ огнемъ 250 орудій, трудно было бы подойти и стать противу насъ на шпрингъ (**). Перетянуться въ новую позицію, спустить стеньги и реи на низъ, ошвартовиться (***)

(*) Смотри позицію на картѣ Тріеста.

(*) Поставить корабль на якорь такъ, чтобы помощію канатовъ онъ могъ обращаться во всѣ стороны.

(***) Привязаться къ берегу.

и приготовиться къ бою, было дѣломъ трехъ часовъ. Опасность быть атакованнымъ въ разстройствѣ, было лучшимъ въ сея работѣ нашимъ помощникомъ. Французы не менѣе были дѣятельны въ построеніи береговыхъ батарей и у нихъ къ полудню все было готово. Непріятельская эскадра не дошедъ до пушечнаго выстрѣла по тихости вѣтра стала на якорь. Въ 4 часа по полудни, когда подулъ довольно свѣжій вѣтръ, Англичане снялись съ якоря, подъ всѣми парусами спустились на нашу линію и съ батарей стараго карантина сдѣлали уже нѣсколько выстрѣловъ; мы съ нетерпѣніемъ, съ жадностію считали минуты, когда непріятель приближится на нашъ выстрѣлъ; но къ крайнему сожалѣнію, Англинскій Командоръ осмотрѣвъ вблизи наше положеніе, не осмѣлился сдѣлать нападенія, поворотилъ назадъ и сталъ на якорь на прежнемъ мѣстѣ. Мы досадовали, что поставлены были въ столь выгодной позиціи, намъ даже и потонуть было не можно (чего по вешхости кораблей прежде всего ожидать было должно); ибо подъ кораблями оставалось не болѣе аршина воды. Напасть на насъ значило бы безразсудно отдаться намъ въ руки.

Непріятельская эскадра болѣе мѣсяца была въ виду Тріеста и кажется искала случая къ нападенію; мы съ своей стороны были во всякое время готовы къ сраженію. На картечномъ выстрѣлѣ отъ линіи кораблей

положили на якоряхъ боны (*) и каждый день обучали людей пушечной и ружейной экзерциціи съ огнемъ, а на шлюпкахъ пріучали людей къ абордажу и рукопашному бою. 9 го Іюня Англичане ночью покушались близъ Тріеста наполниться водою, но гребныя наши суда и Французскіе пикеты въ томъ имъ воспрепятствовали. 24 Іюня, когда отрядъ Австрійской милиціи по дорогѣ къ Фіуму сражался съ Французами, Англинская эскадра также приближилась къ гавани; мы были въ великомъ безпокойствѣ: Австрійцы дрались упорно, звукъ пушечныхъ выстрѣловъ приближался и становился слышнѣе. Положеніе наше было самое затруднительное; ибо еслибы Австрійцы взяли городъ, то бы мы должны были или погибнуть безъ славы, или безъ сраженія сдаться. Одинъ изъ Англинскихъ фрегатовъ изъ бухты *Муія* началъ бросать бомбы, которыя ложились близъ кораблей. Наши Офицеры изъ одной Уріильской 48 фунтовой пушки, поставленной на высотѣ у Санп-Андрея, нѣсколькими мѣткими выстрѣлами принудили оный фрегатъ отступить. Французская гребная флотилія вышла изъ гавани для преслѣдованія; но подулъ вѣтръ и Англинскій фрегатъ успѣлъ соединиться съ своею эскадрою

(*) Дѣлаются изъ старыхъ мачтъ, связываются желѣзными цѣпями и служатъ для удержанія непріятельскихъ кораблей въ надлежащемъ разстояніи.

На другой день у сего фрегата починивали подводную пробоину; Австрійцы также отступили и болѣе къ Тріесту не приближались. Ночью Англичане бросили въ городъ нѣсколько Конгревовыхъ ракетъ, одна изъ нихъ попала въ домъ, но безъ дальняго вреда. 17 Іюля Англинскій фрегатъ и бригъ узнавъ, что Французская флотилія пробирается близь берега изъ Венеціи въ Тріестъ, ночью напали на нее столь удачно, что всю ее истребили и взяли въ плѣнъ 7 канонерскихъ лодокъ и 4 шребаки. Сіе было послѣднимъ военнымъ дѣйствіемъ близъ Тріеста. По заключеніи мира Англичане удалились.

Послѣ Аспернскаго сраженія, Наполеонъ для переправы чрезъ Дунай и для служенія на канонерскихъ лодкахъ и батареяхъ, на островѣ Лобау устроенныхъ, имѣя нужду въ искусныхъ матрозахъ, рѣшился воспользоваться покушеніемъ Англичанъ напасть на эскадру нашу въ самой гавани; но дабы преждевременно не открыть своей настоящей цѣли, и зная, что пребываніе наше въ Тріестѣ, со времени занятія онаго Французами, не очень намъ пріятно, прислалъ къ начальствующему эскадры Капитану Быченскому слѣдующее предложеніе: „полагая, что пребы-„ваніе Россійской Императорской эскадры въ „Тріестѣ небезопасно отъ нападенія Англи-„чанъ, я предлагаю вамъ Г. Капитану, вос-„пользоваться удаленіемъ непріятельской эска-„дры отъ береговъ, или какимъ другимъ

„удобнымъ случаемъ, и перейти съ эскадрою „вамъ ввѣренною въ Анкону, гдѣ какъ содер„жаніе людей, такъ и сильная защита сей „хорошо укрѣпленной крѣпости будутъ для „васъ обезпечены. Если же какія обстоятель„ства предпринять походъ сей не позво„ляютъ, то я искренне радѣя о чести флага „моего союзника и друга, предлагаю вамъ „разъоружить корабли и сдавъ всѣ принад„лежности оныхъ моимъ Комисарамъ перейти „съ экипажами въ *Удино*, гдѣ сформировав„шись въ баталіоны, ожидайте дальнѣйшаго „повелѣнія для слѣдованія въ отечество ваше:“ 10 Іюня Лейтенантъ Розенбергъ, возвратившійся изъ С.Петербурга, посланъ былъ въ Вѣну съ отвѣтомъ слѣдующаго содержанія: „по „вешхости кораблей не возможно безъ явной „опасности перейти мнѣ съ эскадрою изъ „Тріеста въ Анкону. Я надѣюсь, что больше „будетъ чести для флага Августѣйшаго мо„его Монарха сразиться съ непріятелемъ, не„жели не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, оста„вить корабли ему на жертву. Въ такихъ об„стоятельствахъ оставить свой постъ безъ „точнаго повелѣнія моего Государя и долгъ „и честь мнѣ запрещаютъ.“

Въ продолженіе войны надежда Австрійцевъ получить нашу помощь столь была общая, что даже послѣ Ваграмскаго сраженія, въ Тріестѣ съ достовѣрностію расказывали, что 100.000 Рускихъ соединились съ арміею Принца Карла. Столько-то Нѣмцы привыкли

видѣть насъ друзьями угнѣтенныхъ и помощниками слабыхъ. Не можно описать чувствъ печали и унынія Тріестцевъ въ ту минуту, когда объявлены были статьи мира, заключеннаго между Франціею и Австріею. Несчастія Франца II омыты были горькими слезами всѣхъ его подданныхъ; прискорбіе же тѣхъ, кои лишались кротkаго, отеческаго его правленія, было поистинѣ жалости достойно.

Когда Ерц-Герцогиня Марія Луиза обручена была Наполеону, лучъ пріятной надежды оживилъ на краткое время Тріестцевъ. Носился слухъ, что Иллирійскія провинціи, будутъ возвращены Австріи; но когда все осталось по прежнему, то всѣ бѣдствія Австрійскаго Императора начали приписывать единственно Рускимъ. Наполеоново счастіе, какъ думали тогда, было уже не преодолимо. Бракосочетаніе его съ Маріею Луизою успокоило огорченныхъ потерями Австрійцевъ; они полагали, что союзъ Австріи съ Франціею поставленъ на твердомъ основаніи. Новые подданные Наполеона, въ неудовольствіи своемъ не предвидя облегченія своей участи, мечтали вмѣстѣ съ Французами о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, о разореніи другихъ и наконецъ ясно говорили, что театръ войны скоро перенесенъ будетъ въ сердце Россіи. Политическое мнѣніе, доселѣ столько лестное для Рускихъ, совершенно перемѣнилось; любовь и уваженіе къ правотѣ нашей очень охладѣли. Долгое отсутствіе изъ отечества, бездѣйствіе, праз-

дность, непріятность жить съ тѣми, кто не желаетъ намъ добра, и самыя удовольствія наши обратили въ скуку и утомленіе. Вообще неизвѣстность, долго ли еще мы будемъ безъ всякаго дѣла, и предчувствіе грозы, которая отвсюду скоплялась надъ отечествомъ, дальнѣйшее пребываніе въ Тріестѣ содѣлывали весьма для насъ непріятнымъ.

Наконецъ къ неизъяснимой всѣхъ радости получено высочайшее повелѣніе отъ 27 Сентября 1809 года: корабли со всѣми принадлежностями къ онымъ, по условленной каждой вещи оцѣнкѣ сдать Французскому правительству, а экипажамъ, находящимся въ Тріестѣ, Венеціи и Корфѣ, соединившись въ одномъ изъ ближнихъ городовъ къ Тріесту, гдѣ назначено будетъ мѣстнымъ начальствомъ, ожидать тамъ дальнѣйшаго повелѣнія для слѣдованія въ Россію. Въ опредѣленіи цѣны кораблямъ и ихъ принадлежностямъ, Французскіе комисары дѣлали большія затрудненія; напримѣръ пушки приняты были только за металлъ, порохъ за селитру, и многія вещи еще годныя къ употребленію оцѣнили въ 24-ю часть противу настоящей ихъ цѣны. Но одинъ поступокъ начальствующаго эскадрою принудилъ ихъ быть справедливѣе. Корабельныя мачты, которыя въ здѣшнихъ безлѣсныхъ мѣстахъ стоятъ очень дорого, не смотря, что нѣкоторыя были довольно прочны, а другія ничѣмъ не повреждены, были однакожъ опредѣлены къ сломкѣ на дрова. Подъ предлогомъ

облегченія кораблей для вводу оныхъ въ бассейнъ новаго карантина, Французскій Комисаръ предложилъ всѣ мачты вынуть нашими людьми и въ цѣлости сложить въ сарай; но какъ въ портѣ не было крана, для вынутія мачтъ необходимаго, то Михайла Тимоѳеевичъ приказалъ ихъ срубить. Едва успѣли срубить одну мачту, Комисаръ убѣдительнѣйше просилъ оставить въ цѣлости другія и симъ принужденъ былъ, какъ мачтамъ, такъ пушкамъ и другимъ вещамъ положить сходную цѣну. Къ 20 Октября военные снаряды, паруса и снасти сложены по сортамъ въ магазейны, пустые корабли введены въ бассейнъ новаго карантина, а люди перешли въ отведенныя въ городѣ казармы.

Капитанъ-Лейтенантъ Сальти, начальствовавшій эскадрою, стоявшею въ Венеціи, разруживъ суда свои ввелъ въ арсеналъ и въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, по повелѣнію Капитана 1го ранга М. Т. Быченскаго оставивъ для оцѣнки и сдачи всѣхъ матеріаловъ Французскому правительству нѣсколько Офицеровъ съ малымъ числомъ матрозовъ, выступилъ изъ Венеціи, и по назначенію Маршала Мармонта, Намѣстника Иллирійскаго, во ожиданіи прибытія морскихъ служителей изъ другихъ мѣстъ, расположился на квартирахъ въ *Оберъ Лайбахѣ*. Лейтенантъ Куломзинъ съ двумя транспортами находившійся въ Боко ди Каттаро, сдавъ суда свои и получивъ квитанцію во что они были оцѣнены, въ Декабрѣ

мѣсяцѣ чрезъ Далмацію прибылъ въ Тріестъ. Капитанъ-Командоръ Лелли, остававшійся во все время въ Корфѣ, встрѣтилъ немалыя затрудненія какъ въ сдачѣ кораблей, призовыхъ судовъ и магазейновъ, такъ особенно въ переправѣ изъ Корфы въ Италію. Не смотря однакожъ на бдительность Англинскихъ крейсеровъ, команды на малыхъ лодкахъ, всѣ благополучно и безъ потери перевезены, и изъ *Лечче*, гдѣ было сборное мѣсто выступили въ дальнѣйшій путь. Между тѣмъ Генералъ-Адьютантъ, Графъ Шуваловъ по повелѣнію Государя, исходатайствовалъ нужную помощь отъ Австрійскаго правительства, и когда отрядъ Капитанъ-Командора Лелли прибылъ въ Венеціанскій округъ, то и мы въ шести колоннахъ 24 Марта 1810 года наконецъ оставили Тріестъ. Командамъ Балтійскаго флота подъ начальствомъ Капитана 1 ранга М. Т. Быченскаго, должно было чрезъ Каринтію, Штирію, Венгрію и Галицію слѣдовать прямо въ Кронштадъ; командамъ же Черноморскаго флота подъ начальствомъ Капитанъ-Командора Лелли изъ Радзивилова предписано идти въ Николаевъ.

Не смотря на перемѣнившіяся политическія обстоятельства, жители Тріеста съ печалію распались съ нами. Въ двух-лѣтнее пребываніе не встрѣтилось ни одного случая, на который могли бы пожаловаться граждане города. Строгая подчиненность матрозовъ и кротость ихъ обращенія пріобрѣли имъ

уваженіе, а проворствомъ и отважностію своею въ утушеніи загорѣвшагося въ каналѣ судна, посреди города находящагося, заслужили они общую благодарность. Пожаръ сей показалъ жителямъ Тріеста безкорыстіе Рускаго народа. По обѣ стороны канала были магазейны полные товаровъ; истребленіе оныхъ разорило бы богатѣйшихъ купцовъ. Полиція не имѣла достаточнаго числа людей для утушенія пожара; купцы, каждый думалъ о спасеніи своего имущества, народъ безъ платы не хотѣлъ подвергать жизнь свою опасности, и между тѣмъ какъ торговались, покойный Капитанъ-Командоръ, съ каждаго корабля приказалъ отправить на берегъ треть экипажа, и вдругъ матрозы наши, одни бросились на горѣвшее судно, другіе отрубивъ канаты вывели всѣ прочія суда изъ канала, и не могши утушить огня, который распространился уже на мачты, прорубили горѣвшее судно, потопили его въ гавани и тѣмъ спасли прочія отъ явной погибели. Къ удивленію купцовъ, которые собирали деньги, дабы отблагодарить матрозовъ, они безъ всякихъ требованій и хвастовства выпивъ по чаркѣ водки у того, кто догадался имъ поднесть, тотчасъ разошлись. Дружескія и семейственныя связи нѣкоторымъ образомъ удерживали самихъ Французовъ въ угнѣтеніи хозяевъ тѣхъ домовъ, гдѣ стояли или принимаемы были Рускіе Офицеры. Предъ самимъ отправленіемъ городовое правленіе, именемъ всѣхъ сословій,

засвидѣтельствовало начальствующему нашему общую благодарность и признательность за сохраненіе порядка, добраго согласія и примѣрнаго поведенія какъ Офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ.

Отъѣздъ Принца Регента Португальскаго въ Бразилію. — Лиссабонскій договоръ.

Когда Принцъ Регентъ Португальскій рѣшился на отъѣздъ въ Бразилію, когда и престарѣлая Королева мать его, доселѣ считавшая невозможнымъ переселиться изъ Европы въ Америку, побуждала его къ скорѣйшему отправленію; то нечаянное прибытіе Россійскаго флота въ Лиссабонъ 3 Ноября 1807 года повергнуло Дворъ въ новое безпокойство. Союзъ нашъ съ Франціею, неизвѣстность, какія повелѣнія имѣетъ Россійскій Адмиралъ, и какое его намѣреніе въ разсужденіи Португальскаго флота, возбудили въ Лиссабонѣ непріятные слухи. Народъ, устрашенный приближеніемъ Французскихъ войскъ и приуготовленіемъ къ отъѣзду Царской фамиліи, требовалъ оружія, большая часть войскъ были уже на корабляхъ, общая ненависть противу Французовъ могли имѣть печальныя послѣдствія; но на канунѣ отъѣзда, слѣдующая прокламація успокоила народъ и убѣдила его въ необходимости отсутствія Королевскаго семейства.

Видъ Дарданель отъ Архипелага.

„Пожертвовавъ драгоцѣннѣйшими выгодами народа, я вступилъ въ союзъ съ державами Европы, исполнилъ всѣ требованія Императора Наполеона (*) и предлагалъ одно условіе, что бы иностранныя войска не занимали предѣловъ Португаллiи; но оно не принято. Французская армія вступила въ мои владѣнія, и я, не будучи увѣренъ въ собственной безопасности, ѣду въ Бразилію; гдѣ мѣстомъ своего пребыванія до заключенія общаго мира, избираю Санъ-Себастіанъ. Разлучаясь съ отечествомъ, прошу моихъ подданныхъ съ терпѣніемъ и покорностію сносить постигшій ихъ жребій. Всякое усиліе къ сопротивленію, было бы напраснымъ пролитіемъ крови. Удержите, вѣрные мои подданные, справедливое ваше негодованіе противу сильнаго врага, побѣдившаго могущественнѣйшіе народы. Богъ, попущающій иногда временныя несчастія, никогда не оставитъ угнѣсненныхъ, и рано или поздно, не укоснитъ наказать несправедливыхъ. Прощаясь съ вами, любезные и вѣрные мои подданные, я не теряю надежды опять съ вами увидѣться.“

17го Ноября въ 9 часовъ утра Королева Марія Франциска Изабелла, Принцъ Регентъ сынъ ея и все Королевское семейство прибыли на флотъ. Въ проѣздъ ихъ чрезъ Лиссабонъ, народъ пронзенный печалію падалъ

(*) 20 Октября объявлена была война Англіи.

ницъ, и не громкими восклицаніями, а почтительнымъ горестнымъ молчаніемъ изъявлялъ свою преданность. У пристани Принцъ Регентъ вышедъ изъ кареты, съ неликимъ умиленіемъ прощался съ остававшимися чиновниками, поручилъ имъ при вступленіи Французовъ стараться сохранить тишину, увѣщевалъ безропотно покориться несчастнымъ обстоятельствамъ. Приказалъ остальныя войска, кои на корабляхъ помѣститься не могли, распустить по домамъ и принявъ благословеніе отъ Архіепископа, сѣлъ на шлюпку и отправился на корабль. Въ 11 часовъ, когда Французскія войска показались въ окрестностяхъ столицы, пушечный выстрѣлъ далъ знакъ къ отплытію и Португальскій флотъ, состоящій изъ 8 кораблей, 6 фрегатовъ, 9 бриговъ и 10 большихъ транспортовъ, снялся съ якоря. Множество купеческихъ судовъ, боясь отстать отъ своего флота, рубили канаты и съ поспѣшностію слѣдовали въ море. Торжественные клики Vivat! Ура! толпы народа, по берегу рѣки съ горестными воплями бѣгущія за Царскимъ кораблемъ, не одна тысяча шлюпокъ въ слѣдъ за нимъже плывущихъ представляли такое зрѣлище, которое каждаго много мыслить заставляло, и какое сердце не смутилось бы уничиженіемъ вѣнценоснаго дома, и чувствами общей скорби, печали и негодованія? Англинская эскадра, подъ начальствомъ *Сира Сиднея Смита*, блокировавшая Лиссабонъ и стоявшая на якорѣ

предъ устьемъ Таго, встрѣтили Принца Регента съ должною почестію. Весь день Португальскія купеческія суда, набитыя такъ сказать народомъ, выходили изъ рѣки, на лодкахъ переѣзжали цѣлыя семейства, въ надеждѣ быть принятыми на свои или на Англинскіе корабли. Тѣснота на военныхъ судахъ и транспортахъ не позволяла принимать болѣе людей. Смятеніе и отчаяніе тѣхъ, кои должны были возвратиться въ руки Французовъ, были неописанны. Лиссабонская чернь, намѣреніемъ сопротивляться вступленію непріятеля угрожала новою бѣдою, внушенія начальства едва могли удержать волненіе народа. Многія семейства, отъ ожидаемаго бунта искали убѣжища на корабляхъ оставшихся въ Таго. Къ умноженію ужаса въ самой тотъ день къ вечеру поднялась жестокая буря, угнавшая въ океанъ бѣгствующій флотъ: не исправность, дурное состояніе многихъ кораблей, заставляло опасаться горестнѣйшихъ потерь.

При отплытіи Португальскаго флота, въ Лиссабонѣ была молва, будто бы Принцъ Регентъ будетъ задержанъ Россійскимъ Адмираломъ. Связь нашего Двора съ Наполеономъ, коему по Тильзитскому миру мы были обязаны помогать и содѣйствовать во всѣхъ его предпріятіяхъ, до того молву сію, распространенную неблагонамѣренными людьми и подтвержденную одною Французскою газетою, въ общемъ мнѣніи утвердила, что и самые

праводушные люди вѣрили, что Сенявинъ не упуститъ воспользоваться случаемъ, который можетъ доставить ему благоволеніе Императора Наполеона. Когда же Португальскій флотъ миновалъ Россійскій, когда и купеческія суда свободно были пропущены, то безпокойное ожиданіе и смутное подозрѣніе народа обратились въ радость. Сей поступокъ Сенявина пріобрѣлъ ему любовь и довѣренность Португальцевъ, почтеніе благомыслящихъ Французовъ, и изумленіе тѣхъ, которые слѣпо слѣдуя Наполеоновой философіи, видѣли въ поступкѣ семъ усиліе добродѣтели, великодушіе необычайное; ибо думали, что священныя права гостепріимства и самая даже честь для сокровищъ, погруженныхъ на Португальскихъ корабляхъ, могли быть нарушены. Послѣдствіе доказало, что Сенявинъ симъ благоразумнымъ подвигомъ заслужилъ уваженіе и самыхъ непріятелей, пріуготовилъ себѣ то Англинскаго Адмирала снисхожденіе, которое спасло честь нашего флага и избавило Россію отъ огорченія видѣть флотъ свой принужденнымъ безъ славы сдаться на уничижительную капитуляцію, или вовсе быть истребленну.

20го Ноября Французская армія числомъ до 20,000 челов: собралась въ окресностяхъ Лиссабона, но опасаясь возмущенія жителей столь многолюдной столицы не прежде какъ 22го Ноября въ 6ть часовъ по полудни вступила въ Лиссабонъ, а въ слѣдующіе дни занявъ

всѣ крѣпости по берегу Таго расположенныя, 25го Ноября въ полдень на оставшихся въ адмиралтействѣ 4 корабляхъ, 10 фрегатахъ и 8 мелкихъ военныхъ судахъ (*), также и на всѣхъ крѣпостяхъ и батареяхъ спустили Португальскіе флаги, а вмѣсто оныхъ подняли Французскіе. При чемъ главнокомандующій Французскими войсками Генералъ Жюно именемъ Наполеона объявилъ, что Браганскій Домъ пересталъ царствовать въ Португаліи.

Не смотря, что Португаллія занята была безъ всякаго сопротивленія, съ нею поступлено было какъ съ завоеванною областію. Первыми дѣйствіями Французскаго правительства были: отобраніе въ казну Англинскихъ товаровъ, коронныхъ имуществъ, наложеніе на государство обременительной контрибуціи и всѣ другія мѣры къ угнетенію и разоренію народа способствующія, что крайне затрудняло распоряженія Сенявина къ продовольствію его эскадры.

Не имѣя еще никакихъ наставленій въ какомъ видѣ, приемлетъ нашъ кабинетъ насильственное заняпіе Португалліи, доселѣ бывшей съ Россіею въ союзѣ; и какъ флотъ нашъ пришелъ въ Лиссабонъ тогда, когда Принцъ Регентъ въ немъ еще властвовалъ, то посему полагая Лиссабонъ, для Россійскаго флага, портомъ Неутральнымъ, Сенявинъ,

---

(*) Купеческихъ судовъ оставалось въ Лиссабонѣ до 300

дабы обезпечить себя на случай дурнаго оборота дѣлъ для Французовъ, рѣшился не принимать ни какого участія въ дѣлахъ новаго союзника, уклонять отъ себя всякіе непріязненные поступки могущіе оскорбить народъ Португальскій; и наконецъ въ дѣйствіи противу Англичанъ, ограничить себя только тѣмъ, чтобы съ собственными силами быть во всякое время готову принять и отразить ихъ нападеніе. Адмиралу стоило большаго труда, соразмѣрить свое поведеніе сказаннымъ образомъ, нужна была необыкновенная осторожность и благоразуміе, дабы выиграть довѣренность Дюка д'Абрантеса, старавшагося вовлечь Сенявина въ свои распоряженія къ угнетенію Португальцевъ клонившіяся, и притомъ не оскорбить Англичанъ съ величайшею недовѣрчивостію наблюдавшихъ его поступки и поведеніе. По счастію Жюно будучи пышный и великолѣпный Французъ былъ притомъ человѣкъ добрый, простой и откровенный въ обхожденіи, и Дмитрій Николаевичъ до того снискалъ его доброе расположеніе, что Маршалъ, поколику строгость предписаній Наполеона ему позволяла, за удовольствіе поставлялъ облегчать участь покровительствуемыхъ Сенявинымъ Англичанъ, съ давняго времени въ Лиссабонѣ поселившихся. Съ другой стороны Адмиралъ Коптонъ, получивъ отъ Сиднея Смита, котораго онъ смѣнилъ, доброе мнѣніе о свойствахъ Сенявина, хотя отправленіе въ Россію Контръ-

Адмирала Грейга и другихъ Англинскихъ Офицеровъ, (*) служившихъ на флотѣ нашемъ, было поводомъ непріятнаго объясненія съ Коштономъ, коему сія великодушная мѣра Правительства нашего показалась ожесточеніемъ противу Англіи; но послѣ сего, сношенія обоихъ Адмираловъ были основаны на взаимномъ уваженіи и приличной вѣжливости.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1808 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе Сенявину, со ввѣренною ему эскадрою состоять въ распоряженіи Наполеона. Но сей вѣроломный союзникъ употреблялъ во зло сдѣланную ему довѣренность: Всѣ повелѣнія, полученныя отъ него, заключали въ себѣ хитрыя намѣренія, устремленныя къ погубленію Россійскаго флота, и Сенявинъ, сколько ни старался подъ разными благовидными предлогами уклоняться отъ исполненія такихъ повелѣній, былъ поставленъ наконецъ въ самое затруднительное и опасное положеніе. Въ сихъ тягостныхъ обстоятельствахъ Сенявинъ, отвергнувъ личную свою выгоду и лестные виды для своего честолюбія, руководимый токмо совершенною приверженностію къ Государю своему и любовію къ отечеству, успѣлъ укрыться отъ прозорливаго и неограниченнаго властолюбія, и естьли Наполеонъ былъ недоволенъ медленнымъ исполненіемъ его воли, то Сенявину обязаны мы сохраненіемъ нашей чести. Одно изъ таковыхъ повелѣній было

(*) 9 Февраля 1808 года.

слѣдующаго содержанія: дабы усилить эскадру нашу Португальскимъ кораблемъ и фрегатомъ, остававшимися въ Лиссабонѣ, Наполеонъ приказалъ, призвавъ людей со шлюпа Шпицбергена, въ портѣ Виго находившагося и откомандировавъ съ каждаго корабля по нѣскольку людей, дополнить экипажъ корабля и фрегата Португальскими и иностранными матросами, которыхъ должно было взять силою. Сенявинъ подъ предлогомъ, что ему нужно быть въ осторожности отъ нечаянныхъ нападеній и въ состояніи дать сильной отпоръ Англичанамъ, началъ починивать по одиначкѣ всѣ корабли свои, и далъ знать, что когда онъ будетъ въ готовности съ своею эскадрою выйти въ море и напасть на непріятеля, тогда приступитъ и къ вооруженіи Португальскаго корабля и фрегата.

13го Маія въ 5-мъ часу пополудни на адмиральскомъ кораблѣ Твердомъ отъ молніи загорѣлась гротъ (*) мачта; огонь столь далеко распространился внутрь, что не было возможности утушить его. Адмиралъ приказалъ срубить мачту, и когда новая была изготовлена, то ее поставили, оснастили корабль и привели изъ Адмиралтейства на свое мѣсто въ линію, не болѣе какъ въ 4-ре часа, за что Капитану и Офицерамъ сигналомъ изъявлена благодарность, а матрозамъ приказано дать по чаркѣ вина.

(*) Средняя и большая.

Въ началѣ 1808 года народная война распространилась по всей Испаніи. Уже патріоты, сражавшіеся съ ожесточеннымъ мужествомъ за драгоцѣнную честь свою и свободу, не смотря на неустройство свое, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣли успѣхъ; всякое сношеніе съ Россіею прекратилось. Надежда на полученіе денегъ къ содержанію эскадры необходимыхъ, совсѣмъ изчезла. Адмиралъ, имѣя кредитивы и личное уваженіе, хотя бы и могъ брать деньги на исправленіе и на другія потребности эскадры отъ Агентовъ; но разсуждая, что при возвратѣ суммъ Агентамъ, казна должна была приплачивать по курсу значительное число процентовъ и за комиссію, и желая отклонить отъ нея столь великой убытокъ, рѣшился употребить на расходы призовую сумму. Но какъ сумма сія составляла собственность пріобрѣтшихъ ее и по закону ПЕТРА Великаго, нынѣ царствующимъ Императоромъ подтвержденному, долженствовала во всякомъ случаѣ, какъ частное имущество, быть неприкосновенною; посему Адмиралъ предложилъ участвующимъ, не согласятся ли они уступить каждый свою часть на издержки по эскадрѣ необходимыя, представляя, что каждый получа свою долю, вѣроятно употребитъ ее на иностранныя издѣлія и возвратится домой со множествомъ бездѣлокъ, но безъ денегъ, увѣряя притомъ всѣхъ, что Государь, конечно съ благоволеніемъ приметъ такое общее къ нему усердіе,

и по возвращеніи въ Россію, каждый получитъ свою часть безъ удержанія. Могли ли подчиненные Сенявина, привыкшіе во всѣхъ его предпріятіяхъ видѣть свою пользу и славу, могли ли, когда онъ самъ значительною своею долею пожертвовалъ казнѣ, не рѣшиться слѣдовать его примѣру? Весь флотъ единодушно согласился, и казна отъ процентовъ, переводу денегъ на иностранную монету и за коммисію банкерамъ, пріобрѣла по самому ограниченному щету, въ свою пользу до 250 тысячъ червонцовъ; вся же призовая сумма и слѣдовавшая на жалованье и прочее простиравшаяся до 600 тысяч. червонцовъ, осталась внутри государства нашего.

Примѣръ Испанскаго народа пробудилъ упадшій духъ и Португальцевъ. 20 Іюня развернулось знамя за честь и свободу отечества. 6 Іюля, въ Опорто начальникъ регулярныхъ Испанскихъ войскъ взялъ подъ стражу Французскаго Генерала Кенеля съ его штабомъ, возвелъ на прежнее мѣсто Губернатора Оливедскаго и вскорѣ подъ предсѣдательствомъ Епископа учредилась Юнта, которая принявъ верховную власть обнародовала извѣщеніе, что съ Испаніею и Англіею возобновлены миръ и дружество, что Королевство Галиція и другія пограничныя Испанскія области готовы содѣйствовать въ отечественной войнѣ. Англичане, въ скоромъ времени высадкою войскъ своихъ въ Опорто и доставленіемъ ружей, пушекъ и пороху подкрѣпили всенародное

возстаніе. Жюно, получивъ о семъ извѣстіе, всѣ находившіеся при его корпусѣ Испанскія войска обезоружилъ и отослалъ на разснащенные корабли, стоявшіе въ Таго. Наполеоновы легіоны дѣйствовали сначала удачно, успѣвали возстановлять спокойствіе; но толпы патріотовъ безпрестанно умножались, въ выгодныхъ позиціяхъ защищались отчаянно, уступали иногда превосходному устройству Французскихъ полковъ; но отъ того не унывали, разсѣявшись собирались снова, нападали, искали смерти, сражались упорно, жертвуя жизнію, не просили и не давали пощады. Духъ геройства оживилъ и мирныхъ поселянъ; мщеніе врагамъ было ихъ военнымъ словомъ, смерть и раны за отечество были ихъ обѣтомъ. Война жестокая и кровопролитная распространилась по двумъ Государствамъ, отъ Пиринеевъ до Кадикса, и отъ Эбро до Таго, весь народъ, старый и малый, даже женщины вооружились и поклялись непримиримою враждою къ имени Французовъ. Наглая неслыханная обида въ лицѣ Испанскаго и Португальскаго Королей исполнила вѣрный народъ изступленіемъ злобы, дикаго геройства, и Наполеонъ сдѣлалъ первый шагъ къ своему паденію; рука Божія на Пиринейскомъ полуостровѣ пріуготовила ему казнь, соразмѣрную его тиранству. Французскія войска видя, что съ ними въ первый разъ осмѣлились обходиться, какъ съ разбойниками, смутились, уничижились духомъ, и побѣждая только въ

своихъ Монитерахъ, въ каждомъ сраженіи безъ пользы теряли они людей; переходя отъ одной битвы къ другой, изъ мѣста въ мѣсто блуждали они какъ въ очарованномъ лѣсу; выгоняли изъ города патріотовъ, и выступая для возстановленія тишины въ другомъ, возвращались, покоряли и уступали одинъ и тотъже городъ по нѣскольку разъ въ одинъ мѣсяцъ. Голодъ и утомленіе уменшали войска ихъ болѣе, нежели самыя битвы; раненые, больные и отставшіе погибали невозвратно; кто попадался въ плѣнъ, тотъ безжалостно былъ убиваемъ народомъ. Французы мстили пожарами и казнями, и сами сгарали на кострахъ непріятельскихъ, умирали отъ руки ночнаго убійцы и отравляемы были ядомъ.

Генералъ Куазонъ, съ сильнымъ отрядомъ отправленный изъ Лиссабона для усмиренія патріотовъ въ Опорто, послѣ безполезныхъ жаркихъ сшибокъ, страшась быть отрѣзаннымъ отъ главнаго корпуса повсюду возстающими поселянами, принужденъ былъ возвратиться назадъ. Сообщеніе съ Французскою арміею въ Испаніи прекратилось, опасность увеличивалась и наконецъ Французскія войска, въ Португалліи находившіяся, были окружены многочисленными еще неустроенными толпами, но уже довольно привыкшими къ огню и бурямъ военнымъ. Въ семъ положеніи дѣлъ Маршалъ Герцогъ д'Абрантесъ издалъ къ жителямъ Лиссабона увѣщательную прокламацію,

исполненную безстыдныхъ увѣщаній и угрозъ; но она ни мало не подѣйствовала, поздно уже было раскаяніе и народъ съ адскою улыбкою точилъ въ тайнѣ кинжалы мщенія. Въ тоже время, дабы усилить защищеніе по рѣкѣ Таго разположенныхъ крѣпостей и произвесть полезное вліяніе на Португальцевъ и Испанцевъ, Жюно настоятельно именемъ Наполеона требовалъ отъ Адмирала Сенявина высадить на берегъ нѣсколько морскихъ солдатъ и матросовъ съ его эскадры. Сенявинъ, какъ сказано выше, поставивъ себѣ правиломъ ничего непріязненнаго не предпринимать противу Лиссабона, отвѣтствовалъ Французскому Маршалу, сколь можно учтивѣе, что въ слѣдствіе повелѣнія Императора Наполеона и въ защиту чести флага Россійскаго, онъ долженъ быть готовъ на каждую минуту отразить всѣми силами непріятельское нападеніе, а потому, къ крайнему сожалѣнію, не можетъ удѣлить ему людей не ослабивъ себя самаго, тѣмъ паче, что малое ихъ число былобы для него безполезно, и вмѣсто помощи, по незнанію языка, болѣе обременительно.

Вскорѣ послѣ сего Маршалъ Жюно принужденъ былъ собрать въ одно мѣсто войска свои и всѣми наличными силами напасть на Англичанъ 5 Августа при *Ролейѣ* и 9го при мѣстечкѣ *Велейро*; но по упорномъ сраженіи будучи разбитъ отступилъ къ Лиссабону, гдѣ возмутившійся народъ поставилъ его въ затруднительное положеніе. 12го числа Мар-

шалъ Жюно для заключенія общей капитуляціи съ Англинскими Главнокомандующими сухопутныхъ и морскихъ силъ, пригласилъ Сенявина въ *Каскайю*; 16го числа увѣдомилъ, что соглашеніе въ *Каскайѣ* не состоялось и 19го Августа Жюно сообщилъ капитуляцію, заключенную имъ въ *Цинтрѣ* съ Англинскимъ Генераломъ *Далрилплемъ*, по обстоятельствамъ весьма для себя выгодную. Въ числѣ статей сей капитуляціи, седьмая была слѣдующаго содержанія:

„Неутралитетъ Лиссабонскаго порта для „Россійскаго флота долженъ быть признанъ, „то есть, когда Англинская армія или флотъ „займетъ городъ и портъ, то Россійскій „флотъ не долженъ быть обезпокоенъ въ про„долженіи его пребыванія въ сей гавани, ни„же остановленъ, когда бы оный пожелалъ ее „оставить, ниже преслѣдованъ, когда бы оный „вышелъ въ море, до окончанія 48 часоваго „срока, по положенію общаго морскаго закона, „принятаго воюющими народами.“

Въ силу прочихъ статей сего договора, съ великимъ неудовольствіемъ принятаго Англинскимъ Правительствомъ и народомъ, Французскія войска должно было перевезть въ ближайшій портъ Франціи, безъ всякаго условія въ разсужденіи ихъ будущей службы, а Португальскія крѣпости немедленно сдать Англинскимъ войскамъ.

20го Августа Адмиралъ Коттонъ, не утвердивъ седьмой статьи капитуляціи, объ-

явилъ Сенявину о невозможности признать неутральнымъ Лиссабонскій портъ ни въ тогдашнемъ его состояніи, ни по выходѣ изъ онаго Французовъ. На другой день на крѣпостяхъ Санъ-Жуліанъ и Бужіа подняты были Англинскіе флаги, а потомъ и крѣпость Белемъ (*) была также занята непріятелемъ. Въ семъ крайне затруднительномъ положеніи, когда эскадра наша была окружена съ моря (**) и сухаго пути чрезмѣру превосходными силами, Адмиралъ призвавъ Капитановъ кораблей, требовалъ мнѣнія, что въ такомъ крайнемъ случаѣ предпринять должно. Капитаны кораблей по общему согласію объявили Адмиралу, что они согласны слѣдовать всякому его постановленію. Дмитрій Николаевичъ, поблагодаривъ за лестную довѣренность, отвѣчалъ Капитанамъ: я предложу Англинскому Адмиралу договоръ; но какъ въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, невѣроятно, чтобы какое либо соглашеніе, кромѣ безусловной сдачи, могло быть принято, то для спасенія чести нашей, я не вижу другаго еще пути, какъ сражаться по всей возможности.

Эскадра наша стояла между крѣпостью

(*) По заключеніи договора, на всѣхъ крѣпостяхъ подняты были Португальскіе флаги.

(**) Англинская эскадра состояла изъ 13 кораблей, 11 фрегатовъ, 5 мѣлкихъ военныхъ судовъ и 200 транспортовъ.

Белѣмомъ и южнымъ берегомъ, въ двухъ линіяхъ полукруга, такъ что непріятельскій корабль нападая на одинъ изъ нашихъ долженъ былъ бы сражаться вдругъ съ двумя и тремя кораблями; подходя же, надлежало ему выдержать огонь всей почти Россійской эскадры. Въ такой позиціи каждый былъ увѣренъ въ возможности дать сильной отпоръ Англичанамъ, не смотря на то, что береговыя батареи были отъ насъ ближе картечнаго выстрѣла. Офицеры и служители, одушевленные мужествомъ, не думали объ опасности, съ нѣкоторымъ торжествомъ готовились къ смерти, не спускали глазъ съ непріятельскихъ кораблей и жаждали перваго выстрѣла. Въ продолженіи переговоровъ, каждый мучимый неизвѣстностію, горѣлъ нетерпѣніемъ сразиться, и при малѣйшемъ движеніи въ непріятельскомъ флотѣ восклицалъ: Англичане снимаются, идутъ наконецъ, слава Богу! Но послѣ тщетнаго томительнаго ожиданія, продолжавшагося цѣлые три дня, отъ Главнокомандующаго отданъ былъ приказъ слѣдующаго содержанія:

Превратныя обстоятельства Португальскаго Королевства доставили наконецъ Англичанамъ совершенную власть надъ Лиссабонскимъ портомъ. Адмиралъ Коттонъ, объявилъ мнѣ, что онъ не признаетъ сего Порта неутральнымъ, ни когда, когда оный былъ занятъ Французами, ни по выходѣ ихъ изъ онаго. Французскій Главнокомандующій Дюкъ d' Абрантесъ 19 го минувшаго Августа заключилъ

нашъ. Въ сіе время дѣлаются знакомства съ такими людьми, коихъ никогда лица не увидишь. Бываютъ обманы довольно забавные; встрѣчаются случаи, которые всегда оставляютъ пріятное воспоминаніе.

Въ продолженіе карнавала фокусники забавляютъ народъ различными представленіями. Собачій балетъ, кукольная комедія, кабинетъ восковыхъ статуй показываются на площадяхъ. Балансеры, несгараемый человѣкъ и тому подобное, иногда показываютъ свое искуство на театрѣ. Ученыя кинарейки наиболѣе мнѣ понравились. Тиролецъ подъ музыку заставляетъ ихъ маршировать, беретъ ими бумажную крѣпость, изъ которой стрѣляютъ изъ пушекъ. Взявъ крѣпость разстрѣливаютъ дезертира, которой по учиненіи изъ пушечки выстрѣла, падаетъ мертвымъ; но когда Тиролецъ положитъ его къ себѣ на руку, кинарейка вдругъ вспорхнетъ и запоетъ. Удивительно, какъ столь малую птичку успѣваютъ пріучить къ повиновенію и къ различнымъ движеніямъ несвойственнымъ ея породѣ. Всего пріятнѣе, когда они числомъ до тысячи, всѣ вмѣстѣ поютъ подъ органъ и умолкаютъ вдругъ, когда Тиролецъ погрозитъ имъ тросточкою.

Подземный гротъ въ Липцахъ.

Удивительной подземной гротъ въ Липцахъ въ 24 хъ верстахъ отъ Тріеста по до-

рогѣ къ Фіуму, возбудилъ во многихъ любопытство. Согласившись наняли мы коляски и въ числѣ одиннатцати человѣкъ рано утромъ отправились къ грошу. Дорога сперва вела насъ мимо загородныхъ красивыхъ домовъ, между пріятными садами; но скоро принуждены мы были подыматься на высокую каменную гору, состоящую изъ плитника, совершенно голаго. Солнце пекло, зной былъ несносный, шагомъ вставшись на вершину, мы остановились, дабы дать отдохнуть уставшимъ лошадямъ. Мы укрылись подъ тѣнію трехъ или четырехъ деревъ, съ нами были трубки и пиво. Отдыхъ былъ пріятнѣйшій. Видъ съ горы вокругъ представлялъ различные предметы. Къ востоку тянулся хребетъ горъ, изрѣдка поросшій мѣлкимъ лѣсомъ, почва земли близъ насъ состояла изъ безплоднаго камня. Бѣдные жищели сихъ горъ имѣютъ свое пропитаніе отъ продажи угольевъ; почему и называютъ ихъ *Карбонарами* (угольниками). Къ сѣверу вдали видѣнъ былъ сѣдой хребетъ Фріульскихъ горъ, также черныхъ и нагихъ, какова и та, на которой мы находились. Близъ Тріеста часть моря, окруженнаго высокими скалами, отъ преломленія солнечныхъ лучей, въ спокойной водѣ блестѣла какъ зеркало. До деревни Безовицы, не было ни какого признаку обитаемости. Вездѣ видѣнъ былъ голый камень, кремнистыя скалы печально стояли посреди пустыни, мрачная тишина

питаны съ должными или слѣдуемыми имъ почестями.

Четвертая. По заключеніи мира корабли и фрегатъ будутъ возвращены Его Величеству Императору Всероссійскому, въ томъже точно состояніи, въ какомъ онѣ нынѣ сданы (*). Изъ числа девяти кораблей, Ярославъ и Рафаилъ останутся здѣсь на рѣкѣ Таго, а Экипажи ихъ размѣстятся на корабли, слѣдующіе въ Англію.

Сіи двѣ статьи будутъ почитаться яко составляющими часть соглашенія, заключеннаго и подписаннаго $\frac{23\ \text{Августа}}{3\ \text{Сентября}}$. Въ удостовѣреніе чего мы подписываемъ двѣ совершенно сходныя копіи. Заключено и подписано на кораблѣ Твердомъ въ Таго и на кораблѣ Гиберніи при устьѣ сей рѣки $\frac{24\ \text{Августа}}{4\ \text{Сентября}}$ 1808 года.

(*) Корабли Сильный и Мощный прибыли въ Кронштадъ въ 1813 году. За прочіе пять кораблей и фрегатъ Англинское Правительство, не смотря, что корабли сіи совершенно сгнили (что конечно случилось бы съ ними и въ Россіи) заплатило такую сумму, чего бы оные стоили новые; пушки и годные снаряды привезены на флотѣ нашемъ, возвратившемся изъ Англіи въ 1813 году.

Корабли, заключающіеся въ договорѣ;

Имена кор.	Имен. Капитан.	Чис. пуш.	Чис. Эк.
1) *Твердый*	Кап. 1 р. Малѣевъ	84 —	736.
2) *Скорый*	Кап. 1 р. Шелтингъ	64 —	524.
3) *Св. Елена*	Кап. 1 р. Ив. Быченскій	74 —	598.
4) *Селафаилъ*	Кап. 2 р. Рожновъ	74 —	610.
5) *Ярославъ*	Кап. 2 р. Мишьковъ	74 —	567.
6) *Ратвизанъ*	Кап. 2 р. Рпищевъ	66 —	549.
7) *Сильный*	Кап. Лей. Мальгинъ	74 —	604.
8) *Мощный*	Кап. Лей. Развозовъ	74 —	629.
9) *Рафаилъ*	Кап. Лей. Бычинскій	84 —	646.
10) *Фр. Кильдюинъ*	Кап. Лей. Дурновъ	32 —	222.

и того 700. пуш. 5685 человѣкъ.

Сохраненіе чести флага, для славы Государя необходимое, есть предметъ великой важности, драгоцѣнный для Генерала, солдата и всякаго сына Отечества. Въ обстоятельствахъ, въ какихъ Эскадра наша находилась, читатели мои могутъ ясно видѣть, въ какой опасности была честь флага Россійскаго, и если служившіе на военномъ поприщѣ и знающіе, что значитъ потерять знамя или флагъ, съ удовольствіемъ прочтутъ сей достопамятный Лиссабонскій договоръ, который по смыслу статей едвали соглашеніемъ назвать можно, то конечно уразумѣютъ они изъ того, что единственно рѣшимости, искусству вести переговоры, а наиболѣе личному къ Сенявину уваженію непріятеля, обязаны мы и потомство наше спасеніемъ чести

флага, той славы, для пріобрѣтенія которой мы охотно жертвуемъ жизнію, и ищемъ смерти съ радостію. Въ военныхъ дѣйствіяхъ пріобрѣтенныя выгоды измѣряются потерею непріятельскою; но часто и тотъ и другой присвоиваютъ себѣ побѣду; почему сличеніе публичныхъ Актовъ воюющихъ державъ есть вѣрное мѣрило истинны реляцій. По уваженію сему, дабы соотечественники мои могли почерпнуть удовольствіе свое изъ огорченія непріятелей нашихъ, я предлагаю здѣсь выписку изъ публичныхъ Англинскихъ бумагъ, поднесенныхъ Королю для сужденія въ Парламентѣ (*):

„Извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ въ „Португалліи Сиромъ Артуромъ Велеслеемъ „17 и 21 Августа Н. т. приняты были наро„домъ всѣхъ состояній съ восторгомъ, но при „появленіи *чрезвычайной газеты*, въ коей объ„явлено было объ освобожденіи Португалліи „отъ Французовъ и о взяшіи на сбереженіе „Россійской Эскадры, неудовольствіе публики „было неописанно. Потеря сраженія чрезъ из„мѣну не произвела бы столько толковъ, „столько уничижительныхъ разсужденій.

„Что опорожненіе Португалліи есть пред„метъ великой важности, сего никто оп„вергнуть не можетъ: но что бы побѣдоно-

(*) Помѣщенные въ морскомъ Хронологическомъ журналѣ. Смотри Naval chronicle 20 томъ страницы 229 и 361.

„сная армія должна позволить разбитому не-
„пріятелю въ числѣ 15, 000, когда Британская
„армія состояла изъ 32,000, отправиться
„съ оружіемъ, аммуниціею, со всею частною
„и казенною собственностію, пріобрѣтенною
„грабительствомъ, и что бы сверхъ того
„должно было перевесть сихъ мародеровъ въ
„ихъ отечество, дабы они могли быть не
„медленно употреблены противу насъ или на-
„шихъ союзниковъ, поистиннѣ сіе каждому
„должно казаться очень непоняпнымъ.“

„Принятіе Россійскаго флота *подъ со-*
„*храненіе*, для безусловнаго возвращенія по
„заключеніи мира, еще болѣе того удивитель-
„но. Препровожденіе же, на нашемъ щетѣ и
„содержаніи въ Рускіе гавани офицеровъ и ма-
„тросовъ, дабы они неукоснительно могли дѣй-
„ствовать противу нашего храбраго и благород-
„наго союзника Короля Шведскаго, есть дѣло
„неслыханное и самая военная исторія не
„представляетъ подобнаго примѣра.“

„Капитуляція, заключенная *въ Цинтрѣ*,
„конечно есть самая непріятная и невыгодная
„для насъ; но есть ли бы Адмиралъ Коттонъ
„согласно съ Генераломъ Дарлимплемъ призналъ
„и утвердилъ седьмую статью сей капиту-
„ляціи, то Россійскій флотъ не могъ бы ус-
„кользнуть изъ нашихъ рукъ. Коттонъ желая
„отличиться въ искуствѣ переговоровъ, предъ
„извѣстнымъ и прославившимся въ деплома-
„тическихъ тонкостяхъ Россійскимъ Адмира-
„ломъ отвергнулъ помянутую седьмую статью

„и подписалъ морской договоръ, чрезъ кото-
„рый гораздо болѣе, нежели Цинтрскою ка-
„питуляціею унижена національная честь, и я
„(*) смѣю утверждать, что естьли бы седь-
„мая статья была Коштономъ исполнена,
„то мы выиграли бы несравненно больше,
„нежели чрезъ его Лиссабонскій договоръ.
„Разсмотримъ обстоятельство сего дѣла: Рос-
„сійскій флотъ вошелъ въ Таго, когда Принцъ
„Регентъ имѣлъ еще власть, слѣдовательно
„онъ былъ портъ неутральный, а какъ портъ
„сей не смотря на то, что временно занятъ былъ
„Французскими войсками, всегда принадле-
„жалъ Португаліи, донынѣ въ союзѣ съ Рос-
„сіею состоящей, то посему какъ до вступ-
„ленія Французскихъ войскъ въ Лиссабонъ,
„такъ и по освобожденіи онаго, во время мор-
„скаго договора мы должны почитать его неу-
„тральнымъ. Принявъ сіе во основаніе, поло-
„жимъ теперь, что Рускому флоту позволили
„выйти въ море и не погнались бы за нимъ
„прежде 48 часовъ, тогда одно изъ слѣдую-
„щихъ обстоятельствъ было бы неминуе-
„мымъ послѣдствіемъ. Наша Лиссабонская эскад-
„ра могла бы догнать оный или нашъ Ка-
„нальный флотъ, или крейсерующій въ Нѣмец-
„комъ морѣ, или наконецъ нашъ Балтійской
„флотъ или Шведской, могли бы встрѣтить-

(*) Лордъ Меръ Градоначальникъ Лондона.

„ся съ нимъ. Положимъ и то, что Россійская „эскадра счастливо преодолѣла бы всѣ пре„пятствія, избѣгнула бдительности нашихъ „крейсеровъ, даже разбила бы всѣ наши флоты, „и благополучно прибыла наконецъ въ Крон„штадъ; то по крайней мѣрѣ Россійскій Ад„миралъ пришелъ бы туда на собственномъ, „а не нашемъ содержаніи. Сверхъ того мы „не должны были бы ломать ветхіе Рускіе „корабли въ своихъ портахъ и платить за „нихъ какъ за новые, не обязаны были бы со„держать того непріятеля, который къ уни„женію достоинства Великобританіи съ раз„вѣвающими флагами въ торжествѣ пришелъ „въ нашъ портъ.

„Во всѣхъ отношеніяхъ Цинтрскій и Лис„сабонскій договоры не подаютъ ни малѣйшаго „утѣшенія, и какъ подробности оныхъ, такъ „и все цѣлое, чрезъ мѣру безславны и уничи„жительны для цѣлой націи.

„Сиръ Келдеръ (Адмиралъ) за совершен„ную побѣду (*) по приговору военнаго суда „получилъ выговоръ; а теперь спустя не „много лѣтъ, человѣкъ столь совершенно по„бѣжденный (Vanquished) Сенявинымъ еще на„чальствуетъ ненаказанно? Честь націи отъ „того жестоко страждетъ и естьли въ со-

(*) Келдеръ разбивъ Французскую эскадру сужденъ былъ за то, почему онъ имѣя возможность взять всѣ корабли допустилъ, что нѣсколько оныхъ ушло.

„браніи Парламента, не будетъ изслѣдовано „поведеніе Главнокомандующихъ Далримпеля „и Коттона, то я желалъ бы, что бы Члены „Парламента послѣ строгаго и безпристра„стнаго сужденія, наказавъ преступленіе, из„бавили себя отъ справедливаго нареканія.“

По сему представленію Лорда Мера, Далримпль отданъ подъ военный судъ и смѣненъ Велеслеемъ (нынѣшнимъ Герцогомъ Веллигтономъ), командовавшимъ передовымъ войскомъ. Велеслей, по повелѣнію главнокомандующаго подписавъ капитуляцію, протестовалъ противу оной. Примѣръ таковаго точнаго повиновенія начальству было первымъ шагомъ славныхъ подвиговъ Герцога въ Португаллiи и Испаніи. Оправданіе Коттона по обстоятельствамъ того времени и доводамъ, въ ономъ приведеннымъ, столько любопытно, что я не излишнимъ считаю сдѣлать изъ онаго краткую выписку.

„Выгоды Англіи и Россіи сопряжены не„разрывно. Петръ Великій и Питтъ такъ „думали; благомыслящіе любители Отечества „обѣихъ націй въ томъ согласны, опыты до„казали намъ пользу союза съ Россіею; — „опытъ же надѣюсь покажетъ, что нынѣшняя „война не принесетъ Россіи, а еще менѣе „Англіи, ни славы и никакой выгоды. Россія „и Англія, по Географическому даже нрав„ственному отношенію, не могутъ и не дол„жны быть соперницами, и, какъ двѣ сестры „имѣютъ нужду только во взаимной любви

„и уваженіи. Истинные патріоты съ край-
„нимъ сожалѣніемъ и прискорбіемъ приняли
„перемѣну, вопреки политической нашей
„связи съ Россіею послѣдовавшую. Мы лиши-
„лись послѣдняго и вѣрнаго друга. Россійскій
„народъ, съ такимъ безкорыстіемъ проливав-
„шій кровь свою для защиты общаго дѣла,
„пріобрѣлъ столько правъ на нашу къ нему
„благодарность и удивленіе, что не смотря
„на разрывъ дружественныхъ связей, неблаго-
„разумно было бы, какъ я думаю, отчуждать
„отъ себя пріязнь могущественнаго народа.
„Націи, бывшія однажды въ войнѣ, никогда
„уже послѣ не могутъ быть искренними
„друзьями. Пролитая кровь и въ побѣдителѣ
„и побѣжденномъ посѣетъ сѣмя вражды: оно
„произрастетъ, дастъ горкіе плоды и сопер-
„ничество въ славѣ обратится со временемъ
„въ ненависть. “

„Служивъ до старости съ полнымъ усер-
„діемъ моему Отечеству, я увѣренъ и надѣюсь,
„что никто не упрекнетъ меня уклоне-
„ніемъ отъ нападенія на Россійскую эскадру,
„которая не смотря на похвальное мужество
„воиновъ, не смотря на рѣшительность пред-
„водителя ихъ, объявившаго мнѣ готовность
„защищаться до крайности, должна бы была
„безъ сомнѣнія уступить превосходной силѣ
„или погребши себя въ Таго. Скорое опорож-
„неніе Португалліи не позволяло медлить;
„твердость непріятельскаго Адмирала заста-
„вляла ожидать печальныхъ слѣдствій его

„отчаяннаго мужества; сраженіе, долженство-
„вавшее произойти такъ сказать въ самомъ
„Лиссабонѣ, должно было причинить жителямъ
„значительный убытокъ, столица могла бы отъ
„битвы двухъ флотовъ истреблена быть ог-
„немъ. По симъ причинамъ я утвердилъ прис-
„ланный отъ Сенявина договоръ — и не упрекая
„совѣсти моей по личному уваженію къ свой-
„ствамъ его, не усомнился подписать двѣ
„дополнительныя статьи о неприкосновенност-
„ти и должной почести Россійскому флагу.
„Благородное и благоразумное поведеніе Сеня-
„вина въ продолженіи десятимѣсячнаго пре-
„бываніе его въ Лиссабонѣ, безпрепятственный
„пропускъ Принца Регента въ Бразилію, до-
„вѣренность пріобрѣтенная имъ въ Порту-
„гальскомъ народѣ, мое и Капитановъ подъ
„моимъ начальствомъ состоящихъ къ нему
„почтеніе убѣдили меня согласиться на нѣко-
„торое должное къ достоинствамъ его уваженіе.
„Честь Россійскому флагу, честь нашимъ недру-
„гамъ, оказанная предъ лицемъ Британіи, пове-
„лительницы морей, да будетъ жертвою приз-
„нательности Англинскаго народа къ Россійс-
„кому. Докажемъ свѣту, что характеръ Бри-
„танцевъ еще не измѣнился; докажемъ, что
„мы умѣемъ отдавать справедливость и не-
„пріятелю! Но вопли народа меня обвиняютъ,
„— съ покорностію ожидаю безпристрастнаго
„суда его, и надѣюсь, что просвѣщенные Па-
„тріоты, простирая взоръ свой на будущую
„перемѣну политическихъ обстоятельствъ, не

„помрачатъ чести моей и моего ревностнаго „служенія Отечеству. “

Коттіонъ, какъ извѣстно былъ оправданъ и не вскорѣ лишился начальства, но потомъ перемѣненъ былъ и мѣсто его заступилъ Вице-Адмиралъ Берклей; только Лорды Адмиралтейства отъ 17 Сентября Н. С. вѣроятно прежде его оправданія дали ему на замѣчаніе, что по заключенной уже капитуляціи, не должно было ему подписывать двѣ дополнительныя статьи.

Продолженіе дѣйствій Россійской эскадры въ Портсмутѣ. Поднесеніе Сенявину Вазы. Прибытіе въ Ригу.

Въ слѣдствіе Лиссабонскаго договора, Экипажи съ кораблей Ярослава и Рафаила размѣщены были на прочіе корабли. При съѣздѣ Капитановъ флаги и вымпелы были спущены съ должною почестію. Для сдачи сихъ двухъ кораблей, оставлены были содержатели матеріаловъ и Ревизоръ съ 30 человѣками матросовъ. 31 Августа Россійская эскадра оставила Лиссабонъ. На корабляхъ нашихъ, проходя корабль Англинскаго Адмирала, ставили людей по вантамъ, равномѣрно и Англинскіе корабли отдавали такуюже почесть нашему Адмиралу. При устьѣ Таго, Англинская эскадра, бывшая подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Тиллера, и состоявшая изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ и 1 брига, соединилась съ нами и построилась подъ

вѣтромъ нашей эскадры въ линію. Въ продолженіи плаванія, на эскадрѣ Сенявина развѣвалъ Императорскій флагъ; Англинскій Адмиралъ уступалъ Сенявину старшинство и отдавалъ ему почести первый. 26 Сентября, лавируя и подходя къ Портсмуту, на кораблях нашихъ подняли флаги. Эскадра Тиллера сдѣлала тоже; но на Англинскихъ корабляхъ, стоявшихъ на рейдѣ, и на крѣпостяхъ флаги спустили. На другой день поутру, слѣдуя кораблю Адмирала Монтегю, главнаго Командира Портсмутскаго порта и на нашей эскадрѣ, вмѣстѣ съ Англинскими кораблями подняты были флаги при барабаномъ боѣ. Необыкновенное зрѣлище видѣть непріятельской флагъ развѣвающимъ въ своемъ портѣ, не понравилось гордому Англинскому народу. Морскіе Офицеры таковое уваженіе Россійскому флагу почитали уничиженіемъ могущества Британскаго на моряхъ. Правительство, дабы не раздражить народа, не публиковало послѣднихъ статей, составляющихъ дополнительные пункты соглашенія; но когда въ Лондонѣ узнали о прибытіи въ Портсмутъ Россійской эскадры подъ своимъ флагомъ, то одни тому не вѣрили, другіе спѣшили видѣть явленіе, какаго никогда не бывало. Разглашеніе о семъ и огорчительныя толки произвели явный ропотъ, и Король по дошедшимъ къ нему непріятнымъ слухамъ, чрезъ Министра морскихъ силъ прислалъ Сенявину слѣдующую ноту.

„Адмиралъ Коттонъ по заключеніи пер-
„выхъ двухъ статей Лиссабонскаго договора,
„не имѣлъ права подписывать двѣ дополни-
„тельныя къ оному статьи. Его Британское
„Величество не признаетъ двухъ сихъ ста-
„тей дѣйствительными и не можетъ позво-
„лить, что бы въ его гавани развѣвалъ не-
„пріятельскій флагъ; почему Россійская эска-
„дра долженствуетъ снять свои флаги, и
„вмѣсто оныхъ до отъѣзда въ Россію, имѣю-
„щаго въ скоромъ времени послѣдовать, ни
„какихъ не поднимать. Ваше превосхо-
„дительство приглашаетесь пріѣхать въ Лон-
„донъ, Капитаны же ваши имѣютъ позволе-
„ніе сойти на берегъ или жить на кораблях
„до возвращенія въ Россію. “

подписали: *Лордъ Мульгравъ*
Вардъ
Дометтъ.

Сенявинъ не могъ не догадаться, что правительство Англинское, отринувъ часть договора, имѣетъ въ виду воспользоваться самомалѣйшимъ его упорствомъ, и чрезъ то получить причину къ уничтоженію и всѣхъ статей онаго; почему и отвѣчалъ Лорду Мулграву въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я никогда не могъ сомнѣваться, что „бы подписавшій Лиссабонскій договоръ не „имѣлъ отъ Англинскаго правительства „достаточнаго уполномочія; почему непризна-

„ніе его Британскимъ Величествомъ дѣйстви-
„тельными послѣднихъ двухъ дополнитель-
„ныхъ статей, тѣмъ болѣе пріемлю я съ
„удивленіемъ и огорченіемъ, что онѣ рати-
„фикованы Адмираломъ Коштономъ вмѣстѣ
„съ первыми и составляютъ часть неот-
„дѣльную отъ настоящаго договора. Съ моей
„стороны я выполнилъ всѣ условія свято.
„Находясь въ портѣ и владѣніи Англинскомъ,
„не могу не исполнить воли его Королевскаго
„Величества; почему и дальнѣйшее исполне-
„ніе договора зависитъ теперь отъ Англин-
„скаго Министерства; всякое другое объясне-
„ніе по сему предмету излишнимъ почитаю.
„Приглашеніемъ пріѣхать въ Лондонъ восполь-
„зоваться не могу, равно и Капитанамъ мо-
„имъ не нахожу приличнымъ жить на берегу.

Сенявинъ.

Адмиралъ Монтегю, по ревности ли къ службѣ, или по данному наставленію, требовалъ немедленнаго исполненія въ слѣдствіе отношенія Лорда Мульграва, и угрожалъ, что если Сенявинъ не спуститъ своего Адмиральскаго и другихъ корабельныхъ флаговъ прежде захожденія солнца, то онъ отошлетъ его на берегъ и никогда не позволитъ поднять флага въ другой разъ. Димитрій Николаевичъ отвѣчалъ на сіе: „во владѣніяхъ Короля волѣ его противиться не могу; почему въ обыкновенное время по захожденіи солнца съ должными почестями корабель-

ные флаги будутъ спущены, мой будетъ снятъ ночью. Если же ваше Превосходительство имѣете право мнѣ угрожать, то нарушая симъ святость договора, вынуждаете меня сказать вамъ, что я здѣсь еще не плѣнникъ, никому не сдавался, не сдамся и теперь, флагъ мой не спущу днемъ, и не отдамъ оный, какъ только вмѣстѣ съ жизнію моею. „Монтегю не осмѣлился болѣе настаивать, — безъ повелѣнія правительства силою принудить спустить флаги, было бы явное нарушеніе договора, еще болѣе уничижительное для Англіи, нежели самое онаго утвержденіе: и такъ онъ послѣ угрозъ своихъ замолчалъ. . . . . Въ слѣдствіе сихъ переговоровъ отданъ былъ по флоту слѣдующій приказъ:

„Отъ Англинскаго Министра морскихъ силъ получено мною извѣстіе, что въ слѣдствіе Лиссабонскаго договора, Его Величеству Королю Великобританскому угодно въ скорѣйшемъ времени отправить насъ въ Россію; а какъ Его Величество находитъ неприличнымъ, что бы флаги наши развѣвались въ его портахъ, ибо они непріятельскіе, то и предлагаетъ, что бы я и Капитаны съѣхали на берегъ взявши съ собою флаги и вымпелы съ увѣреніемъ, что до отъѣзда нашего въ Россію не будетъ поднятъ никакой флагъ на корабляхъ нашихъ. Я не нахожу надобности съѣзжать на берегъ, равно и Гг. Капитанамъ; но не имѣя возможности не исполнить требованія Англинскаго Короля, шѣмъ паче, что

находимся въ его портѣ и его владѣніяхъ, я имѣю въ сей ночи снять мой флагъ и предписываю Господамъ командующимъ кораблями и фрегата снять вымпелы также ночью, — корабельные же флаги по обыкновенію спустишь по пробитіи зари. На кораблѣ *Твердомъ*. 29 Сентября 1808 года. "

Сенявинъ.

Настояніе Монтегю подало поводъ жителямъ Портсмута ожидать, что Сенявинъ будетъ принужденъ спустить свой флагъ, какъ то дѣлаютъ военноплѣнные, сдавшіеся съ присвоеніемъ военныхъ почестей. Но когда сего не послѣдовало, журналисты всѣми силами напали на Коттона, и отдали справедливость Сенявину. Каррикатуры, ходившія въ публикѣ, всѣ были въ похвалу послѣдняго, нѣсколько дней имя Сенявина переходило изъ устъ въ уста, множество любопытныхъ желали видѣть его, и видѣвшіе отъ добраго сердца поздравляли и радовались его торжеству. Кто знаетъ характеръ Англичанъ, тотъ не удивится, что Сенявинъ въ общемъ мнѣніи заслужилъ такое уваженіе. Естьлибъ Дмитрій Николаевичъ согласился ѣхать въ Лондонъ во время продолжавшагося восторга, то весьма вѣроятно, что народъ встрѣтилъ бы его рукоплесканіемъ, криками и понесъ бы его на рукахъ. Во время перваго разрыва съ Англіею въ 1801 году, Нельсонъ прибылъ со флотомъ въ Ревель, когда от-

крыты были переговоры о мирѣ, въ чаяніи отличнаго пріема, онъ просилъ позволенія пріѣхать въ Петербургъ, — Сенявинъ по той же причинѣ отказался видѣть Лондонъ. Какое самонадѣяніе и какая скромность видна въ характерахъ двухъ Адмираловъ.

1 Октября, при отношеніи Лорда Мульграва, явился къ Сенявину Коммисаръ *Мекензи*, назначенный Англинскимъ правительствомъ для приведенія въ исполненіе подробностей Лиссабонскаго договора; на немъже возложено было попеченіе о содержаніи эскадры. Во первыхъ свезенъ былъ порохъ на берегъ, потомъ эскадра перешла къ острову Вайту, гдѣ на *Модерѣ-банкѣ* и стала Фертоингъ (*). На зиму для облегченія кораблей и свободнѣйшаго размѣщенія служителей сложены въ магазейны паруса и артиллерія.

Настоянія Сенявина, для положенія безнужнаго содержанія Офицерамъ и служителямъ, приняшіе больныхъ въ гошпитали и тому подобныя требованія, были безъ труда удовлетворяемы; но побужденіе къ скорѣйшему отправленію экипажей въ Россію стоило ему многихъ непріятностей, великихъ безпокойствъ и произвело щекотливую переписку, продолжавшуюся до самаго отъѣзда изъ Англіи: то отклоняли отправленіе за неимѣніемъ судовъ, то располагались перевезть

(*) На двухъ якоряхъ.

экипажи въ Архангельскъ, то дѣлали несообразныя предложенія, какъ то: оставленіе достаточнаго числа служителей для храненія кораблей и принадлежностей оныхъ до заключенія мира. Наконецъ Англинское Правительство откладывало отправленіе по причинѣ продолжавшейся еще Шведской войны. На послѣднее Сенявинъ представлялъ, что сіе не можетъ касаться до него; ибо когда заключенъ былъ договоръ, то Адмиралъ Коттонъ извѣстенъ уже былъ о войнѣ Россіи съ Швеціею.

Въ концѣ 1808 и въ началѣ 1809 годовъ, Англичане отправляли въ Испанію войска. Почти безпрестанно приходило и уходило въ море по 200 и 300 транспортовъ. 1 Февраля 1809 года прибыли изъ Лиссабона оставшіеся тамъ для сдачи кораблей Рафаила и Ярослава Офицеры и матрозы. 18 Апрѣля Англинскій фрегатъ, при свѣжемъ вѣтрѣ лавируя въ Нидельскомъ проливѣ, сталъ на мель у острова Вайта. Онъ требовалъ сигналами скорой помощи изъ Портсмута, вода была тогда въ самомъ почти возвышеніи и оставалось нѣсколько минутъ до гибельнаго положенія сего фрегата. Въ то самое время сигналомъ съ корабля Твердаго велѣно терпящему бѣдствіе подать помощь. Съ немалымъ трудомъ и опасностію, въ короткое время фрегатъ нашими людьми былъ снятъ съ мели. Адмиралу Коттесу поручено было благодарить Сенявина отъ лица прави-

тельства. Почтенный старикъ прибывъ на корабль Твердый, съ радостію изъявилъ Сенявину признательность народа и между прочимъ сказалъ ему, что Англія почитаетъ его другомъ своимъ. Сенявинъ, столь лестную, многозначущую признательность принялъ съ должнымъ благоговѣніемъ.

Вотъ еще знакъ особенной признательности Англинскаго Правительства къ Д. Николаевичу. Фрегатъ Спѣшный отправленъ былъ изъ Кронштада съ деньгами и разными вещами, потребными на содержаніе арміи и флота въ Средиземномъ морѣ бывшихъ. Капитанъ фрегата по прибытіи въ Портсмутъ, извѣстясь, что эскадра наша возвращается въ Россію, остановился ожидать оной на мѣстѣ. Между тѣмъ послѣдовалъ разрывъ и фрегатъ взяли въ плѣнъ. На немъ былъ серебряный сервизъ, адресованный Адмиралу Сенявину. Англинское Правительство, токмо по личному уваженію, повелѣло выключить оный изъ числа призовъ, яко собственность Сенявина и доставить ему. Англинскіе Офицеры, имѣвшіе случай заслужить вниманіе Сенявина, искали его покровительства, которое съ такимъ уваженіемъ было принимаемо, что доставляло имъ награду или какое либо отличіе. 20 Апрѣля, начали сдавать корабли по описи; 18 Маія 36 транспортовъ назначены были для перевозу командъ въ Россію.

Предъ отъѣздомъ, нѣкоторые Офицеры предложили засвидѣтельствовать Сенявину

общую къ нему благодарность публичнымъ Актомъ. Не ужели, говорили они, съ славнымъ нашимъ начальникомъ разстанемся мы равнодушно? Нѣтъ, возразили другіе, одной признательности недостаточно: — поднесемъ ему вазу, которая была бы его достойна и соразмѣрна той степени усердія и признательности, съ какою мы желаемъ засвидѣтельствовать ему свои чувствованія предъ отечествомъ и свѣтомъ. Мнѣніе сіе принято было съ радостію и единодушно. Тотчасъ приступили къ исполненію: собрали достаточную сумму съ каждаго поровну, выбрали депутатовъ, коимъ поручили сочинить рѣчь, составить рисунокъ, придумать украшенія и проч.; а до тѣхъ поръ, пока ваза будетъ готова, дали слово содержать намѣреніе сіе въ тайнѣ, дабы нечаянностію отклонить отказъ и пріятно удивить Главнокомандующаго. Полковника Вакселя, находившагося въ Лондонѣ, просили изъ многихъ рисунковъ, по совѣту знаменитѣйшихъ художниковъ, нещадя издержекъ, выбрать или сочинить лучшей. Г. Ваксель охотно принялъ на себя всѣ попеченія, чиновники, нашей Миссіи и многіе путешественники остававшіеся въ Лондонѣ, также приняли дѣятельное въ томъ участіе. Составленіе рисунка и работа вазы, поручена славнѣйшимъ въ Лондонѣ Академикамъ и Ювелирамъ. По признанію одного изъ нихъ, наша ваза, какъ во вкусѣ, такъ отдѣлкѣ и изобрѣтеніи эмблемъ, далеко превосходитъ вазу,

поднесенную Лорду Нельсону. Также подношеніе не только достопамятно, какъ отличный знакъ усердія подчиненныхъ къ Начальнику; но паче примѣчательно какъ первый примѣръ сего рода въ Россійскомъ флотѣ, примѣръ важный для потомства, равномѣрно къ чести Начальника и подчиненныхъ относящійся. Многія вазы могутъ быть и богаче и дороже; но подаренная Сенявину украшается наиболѣе мыслями и чувствами столь рѣдко заслуживаемой общей признательности, любви, уваженія и преданности. Видя, что до отъѣзда въ Россію, ваза не могла быть готова, рѣшились они поднесть обстоятельный рисунокъ оной.

1 Іюня, когда Сенявинъ всего менѣе ожидалъ какой либо нечаянности, видитъ, что со всѣхъ кораблей Капитаны съ Офицерами въ полномъ мундирѣ ѣдутъ къ его кораблю. Не зная чему приписать такое движеніе. Дмитрій Николаевичъ спросилъ, что бы сіе значило? Но вдругъ избранные Депутаты Капитаны П. М. Рожновъ, Д. К. Митьковъ и Р. П. Шелтингъ входятъ; за ними, сколько могло помѣститься въ каютѣ, вошли Офицеры. Одинъ изъ Депутатовъ къ пріятному изумленію Сенянина отъ лица всего сословія привѣтствуетъ его слѣдующею рѣчью:

Ваше Превосходительство!

„Вы въ продолженіи четырехлѣтняго главнаго начальства надъ нами, во всѣхъ слу-

чаяхъ показали намъ доброе свое управленіе. Какъ искусный воинъ будучи неоднократно въ сраженіи съ непріятелями, заставили насъ, какъ сотрудниковъ своихъ, всегда торжествовать побѣду. Какъ добрый отецъ семейства, вы имѣли о насъ попеченіе, — и мы не знали нужды, а заботу и труды почитали забавою; вы оное видите на радостныхъ лицахъ нашихъ.

Вы своимъ примѣромъ и наставленіемъ ободряя за добро и умѣренно наказуя за вины, исправили наши нравы и отогнали пороки, сопряженные съ молодостію. Въ томъ порукою наше поведеніе. Будучи въ утѣсненныхъ по несчастію обстоятельствахъ, вы отвратили отъ насъ всякой недостатокъ, даже доставили случаи пользоваться удовольствіями; — съ вами всегда мы были и есть счастливы.

Теперь приближилось время возвращенія въ любезное наше отечество, по прибытіи куда окончится и наше столь продолжительное плаваніе; а можетъ быть, что по необходимости должны будемъ лишиться и вашего надъ нами начальства. Слѣдовательно, остается намъ только возблагодарить за всѣ ваши благодѣянія, но чѣмъ? Прославимъ ли васъ нашею похвалою? мы знаемъ, что прямо достойный человѣкъ похвалъ удаляется; онъ любитъ похвалу заслуживать, а не слушать. — Изъявить ли вамъ наше почтеніе, нашу любовь? но онѣ давно уже обитаютъ въ серд-

цахъ нашихъ; вамъ то извѣстно; да и кто въ томъ усомнишься можетъ? Потщимся ли увѣрять васъ въ своемъ повиновеніи и преданности? Вы видѣли ихъ на дѣлѣ.

Когда народъ непросвѣщенный, неимѣющій другихъ правъ, кромѣ войны; другой надъ собою власти, кромѣ духовной,—и тотъ народъ (*) добровольно вамъ повиновался, почиталъ васъ и любилъ: такъ намъ ли съ ними равняться? Нѣтъ это для насъ неудовлетворительно! Мы хотимъ соорудить такой памятникъ, въ которомъ бы ваши и наши потомки могли видѣть и воспоминать незабвенное добро, вами содѣянное. Мы также хотимъ, что бы вамъ равные видѣли въ семъ памятникѣ достойный примѣръ добраго управленія; мы даже и того хотимъ, что бы нашъ Всемилостивѣйшій Государь, узнавъ нашу къ вамъ приверженность, могъ видѣть, сколь должна быть велика наша къ Нему благодарность за поставленіе надъ нами столь достойнаго Начальника; и наконецъ сами вы смотря на оный, не безъ удовольствія вспоминать будете о тысячахъ приверженныхъ къ вамъ сердецъ.

Сей памятникъ состоять будетъ изъ Вазы съ приличными на оной изображеніями. Скорость нашего отправленія не дозволяетъ намъ дождаться полученія оной изъ Лондона,

---

(*) Черногорцы.

гдѣ она доканчивается; но по прибытіи нашемъ въ Россію, поручено вѣрному человѣку, по изготовленіи доставить въ Санктпетербургъ, гдѣ мы будемъ имѣть удовольствіе Вашему Превосходительству оную поднести. (*) Нетерпѣніе наше такъ велико, что мы въ ожиданіи оной просимъ васъ благосклонно принять рисунокъ, представляющій видъ Вазы съ описаніемъ настоящаго изображенія, которое подастъ вамъ нѣкоторую мысль о подлинникѣ. При семъ приложенъ списокъ Офицеровъ, изъявляющихъ вамъ сію благодарность и сіе начертаніе. Въ заключеніе всего остается намъ желать, что бы Ваше Превосходительство все оное приняли отъ насъ благосклонно, и не сочли что либо лестію, а единственно изъявленіемъ вамъ усердія, любви и благодарности.“

Описаніе Вазы: Ваза вышиною полтора фута, вылита изъ серебра, украшенія изъ чистаго золота, формы Этрурской. На крышкѣ золотой орелъ съ Императорскою короною на главѣ, сидящій на кругломъ щитѣ, въ одной лапѣ держитъ Турецкую Луну, а другою опирается на щитъ, на которомъ вырѣзана слѣдующая надпись: *Въ память побѣды, одержанной Россійскою эскадрою надъ Турецкимъ флотомъ у острова Лемноса въ Архипелагѣ 1807 года Іюня 19 дня.*

(*) До отъѣзда въ Россію Ваза была готова и поднесена въ Портсмутѣ.

Четыре змѣи во знаменованіе мудрости и вѣчности извиваясь составляютъ обѣ ручки Вазы, и головами своими поддерживаютъ широкой золотой поясъ, на которомъ начертана эмалью слѣдующая надпись: *поднесена Его Превосходительству Г. Вице-Адмиралу и Кавалеру Дмитрію Николаевичу Сенявину Россійскими Офицерами, на эскадрѣ подъ его начальствомъ находившимися, во изъявленіе своего къ нему усердія, любви и благодарности. 1809 года.*

На срединѣ Вазы двѣ золотыя вѣтви: одна изъ дубовыхъ, другая изъ лавровыхъ листьевъ, во знаменованіе твердости и славы, съ одной стороны обвиваютъ золотое изображеніе Его Императорскаго Величества съ надписью: *АЛЕКСАНДРЪ I, 1807 годъ*, напоминающею побѣду при Лемносѣ подъ благоденственнымъ царствованіемъ сего Монарха одержанную. Съ другой стороны сіиже вѣтви обвиваютъ гербъ Вице-Адмирала Сенявина.

Нижняя конечность Вазы украшена листьями и цвѣтами *Хотуса*, (растеніе посвященное Нептуну и свойственное только водамъ Архипелажскимъ). На подносѣ три якоря, обвитые канатами, сходясь въ одно средоточіе, поддерживаютъ и служатъ ей основаніемъ.

Адмиралъ никакъ не ожидалъ такого явленія; въ продолженіи рѣчи, смиреніе его боролось съ сердечнымъ наслажденіемъ; по окончаніи же оной, когда поднесли ему изображеніе Вазы, онъ едва прерывисто могъ отвѣчать: „Почтенные мои товарищи,—это уже

слишкомъ много — благородныя ваши чувствованія умиляютъ меня до глубины души — я не имѣю словъ—не умѣю вамъ объяснить мою признательность.... Но могу ли не принять столь неоцѣненнаго подарка — онъ будетъ сокровищемъ моимъ и единымъ завѣтнымъ наслѣдствомъ дѣтей моихъ.,, Едва Дмитрій Николаевичъ принялъ изображеніе Вазы, клики ура! раздались на всей эскадрѣ. Офицеры просили потомъ удостоить принять отъ нихъ угощеніе. Теперь я въ вашемъ распоряженіи, отвѣчалъ Адмиралъ. Послѣ сего всѣ вышли. Между тѣмъ шканцы обратились въ залъ, красиво убранный флагами. Когда сѣли за столъ, хоръ пѣвчихъ сопровождаемыхъ оркестромъ музыки пропѣли Акростихъ, также на сей случай сочиненный:

Се! кто присутствіемъ желанный,
Единъ всѣхъ веселитъ сердца?
Начальникъ славою вѣнчанный,
Являетъ намъ собой Отца.
Враговъ Россіи побѣдитель,
И счастья нашего творецъ;
Надежда всѣхъ и покровитель
Мужъ незабвенный для сердецъ.

5 Іюня Адмиралъ въ знакъ признательности давалъ Офицерамъ балъ и ужинъ. Праздникъ продолжался во всю ночь. Корабль *Твердый* представлялъ въ сіе время нѣчто необыкновенное. Освѣщенный фонарями, оный

казался огромнымъ огненнымъ столпомъ, возникающимъ изъ моря. Шканцы обращены были въ великолѣпный залъ, убранный зеленью, вазами цвѣтовъ, каршинами и разноцвѣтными флагами; Каютъ-кампанія и верхняя палуба до грота мачты, составляли двѣ залы, съ такимъ же вкусомъ убранныя. Буфетъ былъ особеннымъ образомъ устроенъ, бочки рому, лимонаду, портеру, шеры, портвейну и другихъ винъ висѣли на цѣпяхъ. Бахусъ, увѣнчанный виноградными листьями, чрезъ кранъ наливая бокалы, потчивалъ гостей. Въ нижней палубѣ, Констапельская обращена была въ театръ. Такимъ образомъ корабль превращенъ былъ въ трехъ-этажный домъ, въ коемъ ничто не походило на корабль. Кромѣ Англичанокъ украшали балъ и Россіанки, прибывшія изъ Лондона для отплытія въ отечество вмѣстѣ съ экипажами. Угощеніе было истинное Руское: удовольствіе хозяина, ласковость, вниманіе его ко всѣмъ разливали на общество непритворное веселіе; всѣ были счастливы, танцовали, рѣзвились до свѣту. Хоры пѣвчихъ, Рускія и цыганскія пляски, разнообразили занятіе, и гости, особенно Англичане, признавались, что они ничего подобнаго сему не видали.

12. Іюня, Команды, перебравшіяся на транспорты по вспрѣпившейся въ оныхъ надобности для Англичанъ, снова перешли на корабли свои. Вскорѣ 20 кораблей, 15 фрегатовъ, 23 брига и 280 транспортовъ съ войсками отплыли въ Испанію. Наконецъ 31 Іюля, команды размѣстились на 21 тран-

спортъ. Для главнокомандующаго назначенъ былъ фрегатъ *Чалпіонъ*. 5 Августа оставили Портсмутъ. На другой день прошли Дувръ, на короткое время заходили въ Диль и Ярмутъ и 18 прибывъ въ Категатъ за противнымъ вѣтромъ стали на якорь между островами Англьзомъ и Есселемъ. Проходя Бельтомъ, по причинѣ тишины и мѣлей, часто становились и снимались съ якоря и пользовались малѣйшимъ вѣтромъ. 25 Августа, къ конвою нашему, стоявшему на якорѣ у острова *Ромсо*, прибылъ другой, состоявшій изъ 250 Англинскихъ и Шведскихъ судовъ. Англинскій Контръ-Адмиралъ, сопровождавшій оный въ Балтійское море, предложилъ нашему Адмиралу изъ своей эскадры лучшій для помѣщенія фрегатъ *Тартаръ*, на который тотъ же день Сенявинъ съ Штабомъ своимъ и перешелъ. 28 встрѣтился съ другимъ конвоемъ изъ 200 судовъ, возвращавшимся изъ Балтики. 5 Сентября въ виду Шведской Помераніи, нѣсколько судовъ, поднявъ Прускіе флаги, отдѣлились отъ конвоя и пошли въ разныя стороны. Такимъ-то образомъ, не смотря на бдительность Наполеоновой таможенной стражи, взаимныя выгоды купцовъ или лучше народовъ, не могущихъ обойтиться безъ торговли, всегда находили способы производить оную хотя тайнымъ образомъ.

9 Сентября, на вечеръ конвой прибылъ въ Ригу, и команда вступила на берегъ. Симъ кончилась сія достопамятная для Россійска-

го флота кампанія. Въ продолженіи четырехлѣтнихъ трудовъ не однимъ бурямъ Океана противуборствуя, не однимъ опасностямъ военнымъ подверженные, но паче стеченіемъ политическихъ обстоятельствъ неблагопріятствуемые, Россійскіе плаватели наконецъ благополучно возвратились въ свои гавани. Сохраненіе столь значительнаго числа храбрыхъ, опытныхъ матрозовъ, во всякомъ случаѣ для Россіи весьма важно. Сенявинъ исхитилъ такъ сказать ввѣренныя ему морскія силы изъ среды непріятелей тайныхъ и явныхъ, и съ честію и славою возвратилъ ихъ Государю и отечеству.

Эскадра Капитана Гетцена въ Тулонѣ.

Капитанъ 1 ранга Гетценъ, принявши начальство надъ двумя кораблями, св. Петромъ и Москвою, получилъ отъ Вице-Короля Италіянскаго Принца Евгенія своеручное письмо и отъ Французскаго Министра морскихъ силъ Декре (Decrés) оффиціальное увѣдомленіе объ объявленной войнѣ Англіи, и вмѣстѣ съ онымъ извѣстіемъ Императоръ Наполеонъ, находившійся тогда въ Падуѣ, предложилъ эскадрѣ нашей для лучшей безопасности заблаговременно перейти изъ порта Фераіо въ Тулонъ. Капитанъ Гетценъ ожидалъ для исполненія сего предложенія подтвердительнаго повелѣнія отъ Высочайшаго нашего Двора, и для скорѣйшаго полученія нужныхъ наста-

леній писалъ въ С. Петербургъ къ Морскому Министру П. В. Чичагову, въ Вѣну и Парижъ къ Посламъ нашимъ Князю Куракину и Графу П. А. Толстому. Секретарь посольства Алек. Як. Булгаковъ, отправленный отъ Д. П. Татищева изъ Палермы въ С. Петербургъ съ донесеніемъ о сдачѣ фрегата Венуса Сицилійскому Правительству, имѣлъ повелѣніе доставить сію новость командующему кораблями въ портѣ Ферайо. Г. Булгаковъ отправился сначала въ Кагліари, потомъ переѣхалъ въ Корсику, и оттуда послѣ 55 дней труднаго путешествія моремъ на малыхъ лодкахъ и сухимъ путемъ верхомъ, въ безпрестанной опасности отъ Англинскихъ крейсеровъ и разбойниковъ, наконецъ достигнулъ порта Ферайо, и весьма кстати увѣрилъ Капитана Гетцена о точномъ и совершенномъ разрывѣ нашемъ съ Англіею. Князь Куракинъ на отношеніе Капитана отвѣчалъ: что рапорты его въ С. Петербургъ отосланы и если будутъ какія Высочайшія повелѣнія, то изъ Вѣны отправятся съ нарочнымъ.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля 1808 года, полученъ Высочайшій рескриптъ, коимъ предписано Капитану Гетцену со ввѣреннымъ отрядомъ, какъ и всѣмъ морскимъ силамъ внѣ Россіи находящимся состоять въ полномъ распоряженіи Императора Наполеона и повелѣнія его исполнять въ точности и неукоснительно. Вмѣстѣ съ симъ рескриптомъ Министръ морскихъ силъ Декре, прислалъ

предписаніе немедленно слѣдовать въ Тулонъ; а командующій тамъ Адмиралъ Гантомъ прислалъ Бригъ и Шхуну съ Лоц-офицерами, въ распоряженіе Капитана Гетцена, коему доставлены были Французскіе сигналы и нужное наставленіе. Въ слѣдствіе сихъ повелѣній, на третій день по полученіи оныхъ, отрядъ нашъ оставилъ портъ Фераіо. Первыя сутки штилевали у Ливорны, а въ третьи по выходѣ изъ Фераіо, корабли съ сильнымъ попутнымъ вѣтромъ идучи по 20 вер. въ часъ въ виду Англинскихъ 14 линейныхъ кораблей, бывшихъ не болѣе 5 верстъ подъ вѣтромъ, прибыли благополучно въ Тулонъ. Французскій флотъ, стоявшій на рейдѣ, состоялъ изъ 13 кораблей, (въ томъ числѣ были два стопушечныхъ) 5 фрегатовъ и нѣсколькихъ малыхъ судовъ.

Корабли наши тотчасъ помѣщены были въ линію и исправлены по возможности. (*) Главнокомандующій Адмиралъ Гантомъ и вообще всѣ его подчиненные дѣлали въ честь Россіянамъ пышныя угощенія. Необыкновенное

(*) Съ 1 Генваря 1809 года всѣ морскія силы, находящіяся въ портахъ Французскихъ, по особому соглашенію должны были получать содержаніе отъ Французскаго Правительства, съ прибавкою чего не доставало по нашему штату отъ нашего Адмиралтейства; но кромѣ двухъ кораблей, бывшихъ въ Тулонѣ, другія эскадры, находившіяся во Французскихъ портахъ, подъ разными предлогами отъ Французскаго Правительства содержанія не получали.

и доселѣ не бывалое соединеніе Россійскаго флота съ Французскимъ было конечно имъ пріятно, и они при добромъ, ласковомъ обхожденіи расточали всѣ угожденія. Однакожъ при малѣйшей перемѣнѣ обстоятельствъ, обнаруживалось подозрѣніе и дѣйствіе политическаго барометра иногда возмущало взаимное согласіе и уменьшало откровенность. Особенно сія перемѣна была чувствительна въ 1809 году, когда возгорѣлась война между Австріею и Франціею, и когда Наполеонъ потребовалъ въ супружество Эрц-Герцогиню Марію Луизу. Послѣ сего всѣ дѣйствія Французскаго наружнаго учтивства были пріемлемы въ настоящемъ ихъ видѣ. Долговременное пребываніе въ Тулонѣ, продолжавшееся 22 мѣсяца, надежды на скорое возвращеніе въ любезное отечество особенно, когда по ветхости кораблей нашихъ, Французское Правительство многократно предлагало перемѣнить оные своими новыми; страхъ, что по данной власти каманды наши разобьютъ по Французскимъ кораблямъ и отправятъ, Богъ знаетъ, куда; томленіе въ неизвѣстности, недѣятельная хотя и веселая жизнь, и наконецъ столь продолжительное удаленіе изъ отчизны, повергли многихъ въ скуку и уныніе.

Нѣкоторыя замѣчанія, доставленныя мнѣ однимъ изъ товарищей, бывшемъ въ Тулонѣ, о устройствѣ или лучше недостаткахъ Фран-

цускаго флота, были бы очень занимательны и даже полезны; если бы не опасался я, что такое описаніе походить будетъ на критику, въ дурномъ расположеніи нрава написанную. . . . . Довольно сказать, что Французскій флотъ выходитъ въ море только для того, что бы бѣгать отъ Англичанъ, а встрѣчается для того, что бы спускать флагъ.

Наконецъ, по уваженіи вѣтхости кораблей вовсе неспособныхъ къ продолженію службы, получено Высочайшее повелѣніе отъ 27 Сентября 1809 года: по условленной всѣмъ вещамъ оцѣнкѣ сдать корабли Французскому Правительству, а экипажамъ возвратиться въ Россію. Радостное сіе повелѣніе, не смотря на нѣкоторыя затрудненія въ сдѣлкахъ, при продажѣ кораблей встрѣчавшихся, было исполнено и въ началѣ 1810 года команды обоихъ кораблей оставили Тулонъ. Адмиралъ Ганшомъ отношеніемъ своимъ Гетцену свидѣтельствовалъ ему свое удовольствіе и похвалилъ доброе и примѣрное поведеніе какъ Офицеровъ такъ и нижнихъ чиновъ. 1 Апрѣля команды прибыли въ Маинцъ, а оттуда чрезъ Франкфуртъ въ Веймаръ. Ея Высочество великая Княгиня Марія Павловна, удостоила мореходцевъ нашихъ особеннаго вниманія. Она сама встрѣтила ихъ и угостила Рускимъ столомъ. Зрѣлище необыкновенное для жителей Веймара, честь и счастіе неожиданное для мореплавателей, путешествующихъ по сушѣ! Удовольствіе Великой Княгини, въ пер-

вый еще разъ по отъѣздѣ изъ Россіи видѣть себя окруженною Рускими, говорить съ ними и вмѣстѣ воспоминать о милой родинѣ, конечно было не малое. Его Величество Король Прускій въ Бесновѣ также почтилъ ихъ милостивымъ вниманіемъ. 17 Маія команды переступили на свою границу.

Шлюпъ Шпицбергенъ въ портѣ Вито.

По выходѣ изъ Корфы въ ночь съ 26 на 27 Сентября 1807 года, шлюпъ Шпицбергенъ, при крѣпкомъ вѣтрѣ упалъ подъ вѣтръ отъ флота у острова Маритимо. Въ продолженіи Октября мѣсяца шлюпъ выдержалъ двѣ жестокія бури и постоянно боролся съ сильнымъ вѣтромъ, наконецъ по недостатку воды принужденъ былъ 2 Ноября спуститься въ Гибралтаръ. Капитанъ *Горъ* Англинскаго 74 пуш. корабля *Реванжа* прислалъ на шлюпъ офицера поздравить съ прибытіемъ и предложить услуги. Съ такимъ же привѣтствіемъ пріѣзжалъ на шлюпъ и Капитанъ надъ портомъ. По отбытіи его Капитанъ-Лейтенантъ Алек. Ром. Качаловъ Командиръ шлюпа ѣздилъ благодарить Капитана Гора и вмѣстѣ съ нимъ посѣтилъ Губернатора Генералъ-Лейтенанта *Далримпля*, который весьма вѣжливо предложилъ зависящее отъ него пособіе.

6 Ноября шлюпъ вышелъ изъ Гибралтара. 10, у мыса Сантъ-Винцента встрѣтился съ фрегатомъ Венусомъ, и получа свѣдѣніе, что

флотъ находится въ Лиссабонѣ, 15 Ноября прибылъ къ устью Таго. Англинская эскадра, состоящая изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ и брига, лавировала у мыса Рока. Командующій эскадры Контръ-Адмиралъ *Сидней Смитъ* прислалъ Лейтенанта съ объявленіемъ, что Лиссабонъ имъ блокируется и шлюпъ въ рѣку войти не можетъ. Капитанъ Качаловъ самъ ѣздилъ къ Сиднею Смиту, но онъ повторилъ ему невозможность соединиться съ эскадрою, и позволилъ послать офицера къ Сенявину, дабы получить отъ него повелѣніе куда итти. На другой день, когда Мичманъ Завалишинъ на лодкѣ отправился на корабль Твердый, Сидней Смитъ прислалъ на шлюпъ нѣсколько провизіи и уголья. 17 Ноября Португальскій флотъ вышелъ изъ Лиссабона, Смитъ салютовалъ Принцу Регенту со всѣхъ своихъ кораблей, ему отвѣтствовано было съ одного корабля и брига. Въ ночь поднялась столь жестокая буря отъ Юга, что шлюпъ за пасмурностію и дождемъ на другой день не видалъ уже соединенныхъ флотовъ. Штормъ продолжался трои сутки, на шлюпѣ изорвало всѣ паруса, руль повредился и въ водорѣзѣ открылась опасная течь; къ счастію на четвертый день вѣтръ нѣсколько стихъ и 25 Ноября при противномъ вѣтрѣ и великомъ волненіи шлюпъ успѣлъ войти въ Вигской заливъ.

Испанское начальство, взявъ честное слово съ Капитана, что на шлюпѣ нѣтъ боль-

ныхъ, отъ карантина освободило. Губернаторъ Виго, Бригадиръ *Донъ Никола Майо* принялъ Качалова очень вѣжливо. Взялся отправить бумаги къ Сенявину въ *Лиссабонъ*, къ Барону Строгонову въ Мадритъ и предложилъ для исправленія поврежденій перейти далѣе въ заливъ, въ *портъ Родонделло* къ мѣстечку *Портела*. Шлюпъ салютовалъ крѣпости изъ 13 пушекъ, а съ оной отвѣтствовано изъ 14. На рейдѣ стояли 3 Испанскихъ корабля: *Сантъ-Яго*, *Л' Америкъ*, и *Сантъ-Яго де-Спанья*, фрегатъ *Сабина*, 6 канонерскихъ лодокъ и Французскій корабль *Атласъ*, съ коего салютовали шлюпу изъ 21 пушки, ему отвѣтствовано равнымъ числомъ. Послѣ взаимныхъ посѣщеній Испанцы съ усердіемъ предложили свое пособіе, отпустили провизіи и прислали своего корабельнаго мастера для починки шлюпа, въ коемъ кромѣ руля и водорѣза, открылись многія другія поврежденія.

1808 годъ: 21 Маія, народъ присягалъ Фердинанду VII, и объявлено было общее вооруженіе противу Французовъ. *Галіасъ* Капитанъ корабля Атласа, послѣ тщетныхъ переговоровъ принужденъ былъ безъ сраженія сдаться военноплѣннымъ. 23 Іюля въ Виго праздновали союзъ Испаніи съ Англіею и Португаліею. Во весь день слышны были клики, да здравствуетъ Фердинандъ! да здравствуетъ Испанія! 2 Августа пришелъ на рейдъ Англинскій фрегатъ *Діана*, Капитанъ онаго *Грантъ* пріѣзжалъ на шлюпъ съ посѣщеніемъ. Въ день

шезоименитства нашего Императора Испанскіе корабли и крѣпости салютовали слѣдуя шлюпу. 15 Сентября получено отъ Адмирала Сенявина увѣдомленіе, что онъ съ эскадрою отправился въ Англію, а шлюпѣ предписываетъ впредь до перемѣны обстоятельствъ оставаться въ Виго. 20 Сентября Капитанъ Гавкинсъ Англинскаго фрегата Минервы хотѣлъ ночью напасть на шлюпъ; но Испанское начальство объявило Англинскому Капитану, что Императорскій шлюпъ находится подъ покровительствомъ Испанскаго народа—и смѣлый Капитанъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. 1 Октября Лейтенантъ Князь Путятинъ отправленъ съ депешами къ Министру въ Мадритъ. Баронъ Строгоновъ, исходатайствовавъ отъ Испанскаго Правительства повелѣніе починить и снабдить шлюпъ нужнымъ, отправился 23 Октября въ Тріестъ. Еще до отъѣзда Министра, выдачу провіанта прекратили, и хотя Качаловъ ссылался на повелѣніе Князя Мира, но Губернаторъ Туйской провинціи отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ средствъ исполнить предписаніе Его Свѣтлости, а предлагаетъ двухъ купцовъ, которые на слово будутъ отпускать съѣстные припасы съ тѣмъ, что имъ неукоснительно будетъ платиться наличными деньгами. 16 Ноября на 145 транспортахъ прибыли въ Виго Англинскія войска, которыя тотчасъ были высажены и выступили въ походъ. 29 Декабря Коншръ-Адмиралъ Самуелъ

Гудъ, принявъ на эскадру свою, состоявшую изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ и 305 транспортовъ, отстушившія Англинскія войска, поспѣшно отправился въ море.

1809 годъ. 2 Генваря, по недовѣрчивости, изъявленной Англинскимъ Адмираломъ Гудомъ, что шлюпъ можетъ вспомоществовать Французамъ къ занятію Редонделлы, Комендантъ города Виго и Губернаторъ провинціи Туи, предложилъ Качалову перейти подъ батарею *Капо-де-Алайе*. Капитанъ Качаловъ, оставшись на томъже мѣстѣ и приготовясь на всякой случай къ бою, отвѣчалъ Испанскому Коменданту: что онъ, по существующему союзу между Россіею и Испаніею, не приметъ никакого участія въ дѣйствіяхъ Французовъ; что онъ, находясь въ Испанскомъ портѣ, будетъ наблюдать строгій неутралитетъ и притомъ одинъ шлюпъ не можетъ подать никакого основательнаго подозрѣнія для Англинскаго флота. 12 Генваря народъ въ Редонделлѣ и Ранди возмутился. Комендантъ Виго, дабы избѣжать могущей отъ черни послѣдовать непріятности, вторично предложилъ, чтобы шлюпъ перешелъ въ Виго подъ крѣпостныя пушки; но по приближеніи Французскихъ войскъ, народъ скоро усмирился и шлюпъ по прежнему остался въ Редонделлѣ. 19 Октября при появленіи небольшаго отряда Французской конницы, вооруженные поселяне разбѣжались и Виго со всѣми крѣпостями занята была безъ сопротивленія.

25 Генваря. Французскій дивизіонный Генералъ Баронъ де Бель пріѣзжалъ на шлюпъ; ему салютовали изъ 9 пушекъ, и Генералъ сей взялъ на себя отправленіе рапортовъ въ Россію. 28 Генваря Маршалъ Сультъ проходя Виго, прислалъ своего Адъютанта предложить всѣ роды пособій, какихъ въ самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ. Народъ, оправившись отъ перваго страха, снова вооружился. Французы бродя по окрестностямъ для усмиренія, скоро сами должны были думать о своей безопасности. 5 Марта жители Виго взбунтовались. Французы по упорномъ сраженіи были выгнаны изъ города и осаждены въ крѣпости. На другой день Англинскій фрегатъ Венусъ пришелъ для блокады оной. Капитанъ сего фрегата Крафортъ прислалъ на шлюпъ отъ Вице-Адмирала Берклея, Главнокомандующаго Англинскаго флота, объявленіе, что между Россіею и Англіею открыты переговоры о мирѣ. 7 Марта Шалотъ, Комендантъ крѣпости Виго, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, просилъ Капитана Качалова снабдить его для 800 человѣкъ на 10 дней провіантомъ, обѣщая, что Король Испанскій (Іосифъ) и Императоръ Наполеонъ за такую помощь вознаградятъ его сродною имъ милостію. Положеніе шлюпа въ сихъ обстоятельствахъ было крайне опасно, ни денегъ, ни провіанта негдѣ было получить, только благоразумная предосторожность Капитана Качалова могла избавить экипажъ отъ погибели. Онъ отвѣчалъ Шалоту въ слѣ-

дующихъ выраженіяхъ: „со времени моего сюда прихода, я не получилъ отъ Правительства моего никакого повелѣнія; посему и не знаю въ союзѣ ли мы съ вами. Требуемой вами провіантъ превосходитъ количество нужное для содержанія моего экипажа на три мѣсяца; я имѣю онаго только на одинъ; и посему помочь вамъ въ бѣдственномъ положеніи никакъ не могу, паче по тому, что не сохраня должнаго неутралитета въ разсужденіи Испаніи, подвергну себя опасности быть взятымъ Англичанами, которые по уваженію тѣхъже правъ неутралитета доселѣ меня не безпокоили. Не огорчитесь отказомъ и вѣрьте, что во всякомъ другомъ случаѣ за удовольствіе бы себѣ поставилъ быть полезнымъ вашему Королю и Императору.“ 15 Марта патріоты въ числѣ 4000, подкрѣпленные 200-ми регулярныхъ солдатъ, напали на Французовъ, которые, дабы избѣгнуть неистовства черни, сдались двумъ Англинскимъ фрегатамъ, и на другой день были перевезены на купеческія суда, стоявшія въ Виго.

18 Марта Испанскій Губернаторъ Бернардо Гонзалецъ просилъ снабдить его нѣкоторымъ количествомъ сухарей, порохомъ, пушками и ружьями. Капитанъ Качаловъ, дабы и впредь отклонить такія не совмѣстныя съ неутралитетомъ требованія, далъ замѣтить Губернатору, что настоянія его показываютъ наклонность къ разрыву согласія, доселѣ счастливо сохранившагося. „Если же, писалъ онъ между прочимъ,

союзъ между Россіею и Испаніею прерванъ, и если вамъ то извѣстно, то прошу о семъ меня увѣдомить.,, Въ продолженіи осады Виго, многіе знаменитые Испанцы, въ томъ числѣ и преждебывшій Министръ внутреннихъ дѣлъ, Генералъ Лейтенантъ и Каноникъ монастыря св. Іакова Донъ Педро Окунья, опасаясь неистовства черни, искали убѣжища на Рускомъ шлюпѣ, были приняты и сохранены. Кинлей, Капитанъ Англинскаго фрегата *Лайвли*, также прислалъ на шлюпъ двухъ особъ, увѣривъ при томъ, что онъ отъ своего начальства имѣетъ повелѣніе почитать Россійскій флагъ дружескимъ. По успокоеніи народа, когда малые Французскіе отряды, бродившіе въ окрестностяхъ, были истреблены, благородный Гонзалецъ именемъ центральной Юнты подтвердилъ, что народъ Испанскій во всякихъ обстоятельствахъ будетъ почитать Рускихъ своими друзьями и благодарилъ за покровительство, данное на шлюпѣ именитымъ особамъ. Но такое доброе согласіе скоро было нарушено слѣдующимъ произшествіемъ: до освобожденія Виго Французскій Аббатъ былъ принятъ на шлюпъ въ званіи Переводчика и съ вѣдома Испанскаго Правительства оставленъ въ распоряженіи Капитана Качалова.—Не смотря на ненависть народа къ Французамъ, Аббатъ полагаясь на то, что онъ въ Руской службѣ, осмѣлился показаться въ городѣ. Чернь тотчасъ его окружила и схватя представила Губернатору, который съ трудомъ могъ его избавить отъ

смерти и возвратишь на шлюпъ. На другой день въ городѣ распространился слухъ, что на Рускомъ шлюпѣ хранится сокровище, принадлежащее Французамъ и скрывается опасный шпіонъ. Губернаторь Гонзалецъ для предупрежденія своевольства черни, отъ которой зависѣла защита отечества, требовалъ, что бы Аббатъ былъ перевезенъ на Англинскій фрегатъ. Капитанъ Качаловъ принужденъ былъ выдать Аббата, увѣривъ, что у него ничего нѣтъ принадлежащаго Французамъ, и народъ готовый къ возмущенію успокоился. Въ сіе время снабженіе экипажа съѣстными припасами было почти не возможно. Къ счастію сыскался добрый и честный купецъ Абелаира, который самъ вызвался на кредитъ доставлять нужное и не смотря на всѣ затрудненія слово свое сдержалъ какъ благородный и безкорыстный Испанецъ.

2. Апрѣля проходящій отрядъ Французскихъ воискъ, числомъ до 4000, сожегъ Редонделлу. Поселяне дрались отчаянно. 18 сегоже мѣсяца Французы въ большемъ числѣ покушались взять Виго, но были съ урономъ отбиты. 30 Апрѣля прибыли въ городъ 5000 чел. регулярнаго Испанскаго воиска; Французы также усилились въ окрестностяхъ. Въ продолженіи Маія мѣсяца сраженія не прекращались, пожары не угасали; наконецъ Французы совершенно разбитые принуждены были съ малыми остатками отступить и въ началѣ Іюня военныя дѣйствія въ окрестностяхъ Виго кончились;

провинція Туя и другія сосѣдственныя области отъ ига Французовъ были освобождены. Въ продолженіи военныхъ дѣйствій, разными требованіями Испанскихъ начальниковъ Капитанъ Качаловъ былъ поставленъ въ самое непріятное положеніе. 12 Маія, отказъ Вигскому Губернатору въ порохѣ и двухъ пушкахъ для защищенія моста, ведущаго къ городу, гдѣ были три раза самыя упорныя сраженія, огорчило Испанцевъ; посему они и искали случая поддержать свои требованія сильнымъ предлогомъ. Капитанъ фрегата Ифигеніи Жуанъ Карранзо 26 Маія, извѣстивъ о объявленіи войны Россіи противу Франціи и объ одержанной Австрійцами побѣдѣ надъ Принцемъ Евгеніемъ въ Фріулѣ, предложилъ, чтобы Капитанъ шлюпа принялъ участіе въ защищеніи Виго противу Французовъ. „Согласіе, сказалъ онъ въ своемъ письмѣ, увѣритъ меня въ вашемъ хорошемъ расположеніи къ Испаніи, подъ покровительствомъ коей вы столь долго находитесь; отказъ же приму за непріязненное намѣреніе.“ Со времени моего сюда прихода, такъ отвѣчалъ Качаловъ, не получалъ я отъ Правительства моего никакого извѣстія о возобновленіи дружескихъ связей съ Англіею и о разрывѣ мира съ Франціею. Вы конечно, судя по своей службѣ, не можете не согласиться со мною, что я ничего не могу предпринять не дождавшись точнаго повелѣнія отъ моего начальства. Повелѣнія сего ожидаю съ нетерпѣніемъ; надѣюсь, что оное вскорѣ будетъ ко

мнѣ прислано, и тогда съ большимъ удовольствіемъ готовъ буду по моей возможности противустать общему нашему непріятелю.„

Всѣ подобныя симъ требованія происходили отъ крайней нужды въ порохѣ, пушкахъ, а часто и въ провизіи. Должно отдать справедливость Испанскому Правительству, что оно было столь великодушно и снисходительно къ Россійскому флагу въ такое время, когда мы были въ союзѣ съ Франціею, и хотя нашъ Посланникъ оставилъ Мадритъ, но оно не перемѣнило своего поведенія. Конечно иное Правительство не потерпѣло бы и одного дня въ своемъ портѣ такого союзника, который будучи другъ его непріятелямъ не хочетъ принять никакого участія въ его дѣлахъ. Испанское Правительство всегда отличалось особеннымъ благородствомъ. Политика его Двора всегда была самая праводушная. Вотъ тому примѣръ: въ 1796 году, Англинскіе крейсеры еще до объявленія войны взяли два Испанскихъ фрегата, шедшихъ изъ Америки въ Кадиксъ съ золотомъ и серебромъ; всѣ Испанскія суда, бывшія въ Англіи, были арестованы, напротивъ того Англинскія суда, бывшія въ портахъ Испанскихъ, были отпущены и собственность Англинскихъ купцовъ объявлена неприкосновенною.

По возстановленіи совершенной тишины въ окресностяхъ Виго, Опортскій Консулъ доставилъ на содержаніе экипажа шлюпа 37.000 Исп. шалеровъ. Съ сего времени по

претерпѣніи многихъ беспокойствъ и недостатка, по крайней мѣрѣ со стороны продовольствія были наши люди обезпечены. Въ концѣ года Капитанъ Качаловъ выдержалъ послѣднее нападеніе Испанскаго Начальства, и съ сего времени оставленъ былъ въ покоѣ на прежнемъ неутральномъ положеніи. Вотъ письмо Капитана Испанскаго корабля *Гера*, отъ 11 Декабря.

Государь мой!

Король, мой Государь, опредѣлилъ, чтобы шлюпъ, вами командуемый, былъ задержанъ. Во исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, дивизіонному моему Адьютанту приказано принять отъ васъ порохъ и сгрузя оной на канонерскую лодку свезть на берегъ, яко единственный обрядъ въ подобныхъ случаяхъ. Шлюпъ вашъ имѣете разоружить. Впрочемъ вы можете подымать свой флагъ, офицеры и экипажъ могутъ остаться на шлюпѣ и пользоваться совершенною свободою. Доброе ваше поведеніе, опытомъ дознанное, заслуживаетъ всякое съ нашей стороны вниманіе и облегченіе. Имѣю честь быть готовый къ услугамъ.

Томасъ Ромари.

Милостивый Государь!

Письмо ваше отъ $\frac{11}{23}$ Декабря, коимъ вы предлагаете мнѣ разоружить Императорскій

Россійскій шлюпъ подъ моимъ начальствомъ состоящій, я имѣлъ честь получить. Позвольте мнѣ Г. Капитанъ вамъ замѣтить, что дурное состояніе, въ которомъ шлюпъ находится и война еще продолжающаяся съ Англіею, не позволяютъ мнѣ безъ точнаго повелѣнія моего Правительства выйти изъ сего порта. Даю вамъ честное слово, что не выду отсюда не давъ вамъ о томъ знать; повелѣніе ваше выгрузить порохъ исполнить не могу; ибо сіе послужитъ пятномъ Императорскому флагу, который честь мнѣ повелѣваетъ защищать до послѣдней капли крови. Надѣюсь, что вы не принудите меня къ предосудительному поступку; увѣряю васъ, что я не перемѣню моего поведенія и буду вести себя согласно съ дружбою и союзомъ, существующими между нашими высокими Дворами. Имѣю честь быть и проч.

Алексѣй Качаловъ.

Испанскій Капитанъ, какъ видно изъ послѣдствій, не имѣлъ повелѣнія отъ Правительства задержать шлюпъ плѣннымъ; но имѣлъ только нужду въ порохѣ, для полученія котораго употребилъ сію хитрость.

1810 и 1811 годы прошли въ совершенномъ бездѣйствіи. Столь долгое отсутствіе изъ отечества, неизвѣстность, чѣмъ кончится такое непріятное положеніе, безпрестанная опасность быть взятымъ Англичанами

или Испанцами и наконецъ неполученіе изъ Россіи въ продолженіе четырехъ лѣтъ никакого повелѣнія, были достаточными причинами къ скукѣ. Смерть священника лишила и послѣдняго утѣшенія вѣры. Почтенный старецъ, чувствуя свой конецъ рѣшился исповѣдаться у Баталера, (*) причастившись св. таинъ, онъ вздохнулъ, прижалъ къ груди сосудъ и умеръ какъ праведникъ. (**) Капитанъ Качаловъ посылалъ въ городъ Тую офицера просить тамошняго Епископа, чтобы позволилъ похоронить священника въ монастырѣ или при другой какой церкви, и приказалъ бы своему духовенству совершить обрядъ погребенія съ должною честію. Къ сожалѣнію отвѣтъ Епископа былъ недостоинъ его сана. Онъ отказалъ въ погребеніи священника по той единственно причинѣ, что покойный не признавалъ власти Папы и не былъ въ зависимости его Святѣйшества. Такой отзывъ показываетъ, до какой степени суевѣрно Испанское Духовенство; но впрочемъ нетерпимость Римской Церкви къ другимъ вездѣ шаковаже. По необходимости обрядъ погребенія совершилъ, какъ умѣлъ, тотъже Баталеръ; тѣло погребено было на особомъ кладбищѣ, отведенномъ для прежде умершихъ матрозовъ.

(*) Помощникъ Комисара, имѣющаго смотрѣніе за съѣстными припасами.

(**) Его звали Петръ Андреевъ.

Въ 1811 году по осмотрѣ шлюпа Испанскимъ мастеромъ, присланнымъ изъ Ферроля, оказалось: кильсонъ и внутренняя обшивка совершенно сгнили, изъ 64 шпангоутовъ 64 найдено негодныхъ; посему мастеръ и отказался чинить шлюпъ какъ уже болѣе къ службѣ неспособный. Въ началѣ *1812 года* получены изъ Россіи первыя бумаги, и Капитанъ-Лейтенантъ Качаловъ, по высочайшему повелѣнію объявилъ себя Капитаномъ 1 го ранга. Наконецъ къ неизъяснимой всѣхъ радости 21 Іюня получено повелѣніе отправиться въ Россію. Въ тотъже день шлюпъ перешелъ изъ Портелло въ Виго и началъ готовиться къ отъѣзду. 5 Іюля въ домѣ и въ присутствіи Губернатора и другихъ чиновниковъ шлюпъ проданъ съ аукціоннаго торга за 10,000 Испанскихъ талеровъ. 16 Іюля на двухъ купеческихъ судахъ, наятыхъ нашимъ Консуломъ Дубочевскимъ въ Лиссабонѣ, экипажъ отправился въ Россію.

Такимъ образомъ флотъ нашъ по заключеніи Тильзитскаго мира лишенный сообщенія съ Россіею, безъ надежды на помощь, оставленный посреди непріятелей и ложныхъ друзей, стремившихся явно и тайно къ уничиженію чести и славы нашей, счастливо сохраненъ. Одна часть флота, въ виду враговъ, повелѣвающихъ морями, благополучно достигла союзныхъ гаваней; другая, состоящая изъ кораблей, многими сраженіями и долго-

временнымъ плаваніемъ разслабленныхъ, въ позднихъ дняхъ грозной осени, бурею разбита и видимо рукою Божіею спасена. Послѣ того стѣсненная непріятелемъ превосходнымъ въ силахъ и средствахъ, и стольже друзьями какъ и врагами угражаемая, благоразумною осторожностію и твердостію духа Главнокомандующаго изъ опасности, какъ изъ пламени, изхищена; ни одинъ корабль не достался въ руки непріятелю; всѣ экипажи опытомъ и храбростію извѣданные, трудами и заслугами отечеству драгоцѣнные, безъ потери возвратились въ Россію. И наконецъ Правительство наше за старые неспособные къ службѣ корабли, которые въ своихъ портахъ долженствовали бы сгнить безъ пользы, получило чрезъ продажу оныхъ за границею такую сумму, на которую у насъ можно построить новые корабли.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ и ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОПЕЧАТКИ

Въ четвертой части.

стр:	строк:	Напечатано:	Читай:
7	30	Тапо	Гапо
24	30	*Caſsava*	*Caſsada*
30	23	составляетъ	составляютъ
55	27	обмануло	обманули
62	22	одушевляла	одушевляло
64	15	безмятежную	беззаботную
72	19	ихъ	его
80	2	ихъ	его
94	23	составленную	составленною
106	22	званія	знанія
118	9	зивисящихъ	зависящимъ
119	1	зная	знающъ
133	22	гавани, его	гавани его,
138	25	домашнему	другимъ
139	30	Валь ди Демота	Валь ди Демона
174	11	Утику	Устику
180	27	каршину	каршу
181	13	*Санадонъ*	*Танхдонъ*
188	1	краснокатымъ	красновашымъ
189	12	*Saugue*	*Sangue*
190	6	Санаго, Юнія и Оссаро	Санего, Юнія и Осеро
191	12	Солворъ	Салворъ
191	16	Имѣя	имѣвъ
201	20	изъ 18-ши	изъ 16-ши
214	19	ограничиваесшя	ограничивается
215	16	время препровожденія	времяпрепровожденіе
233	29	переходами, сшѣны, пещеры	переходами сшѣны пещеры
238	19	Резешши	Розешши
241	4	предсшавя	предосшавя

Стр:	Строк:	Напечатано:	Читай:
292	10	*Лекціо*	*Лекціо*
281	20	*Статья*	*Статьи*
235	17	Н. т.	Н. Ст.
287	9	обстоятельство	обстоятельства
302	1	Также	такое

ИМЕНА ОСОБЪ,

Подписавшихся на полученіе книги.

	экзем.
Въ Москвѣ.	
Его Высокопревосходительство Дмитрій Павл. Ташищевъ	1.
Его Высокоблагородіе Сергѣй Иванов. Толбузинъ	1.
——— Александр. Григор. Неболь-синъ	1.
Его Благородіе Петръ Михайлов. Рудинъ	1.
Въ Твери.	
Его Высокоблагородіе Иванъ Степанов. Новокщеновъ	1.
Въ Ряжскѣ.	
Капитанъ-Лейтенантъ Дми. Макси. Бунинъ	1.
Въ С. Петербургѣ.	
Его Превосходительство Графъ Гав. Кири. Моденъ	1.
Неизвѣстный	1 вел.
Неизвѣстный	3 вел.
Его Превосходительство Алекса. Серг. Никольскій	1.
Его Высокородіе Пет. Ива. Комаровъ	1.
Его Превосходительство Ник Мих. Лонгиновъ	1.
Неизвѣстная	1 вел.
Его Превосходительство Григ. Ив. Вилламовъ	1.
Неизвѣстная	1 вел.
Книгопродавецъ Леон. Леон. Свѣшниковъ	3.
Его Благородіе Мих. Нико. Юрьевъ	1.

Въ Усманѣ.

экзем.

Его Высокоблагородіе Ив. Ив. Ѳедоровъ - - - 1

Въ Рязани.

Его Высокопревосходительство Иванъ Иванов. Князевъ - - - - - - - - - - 1.

Въ Болховѣ.

Его благородіе Яковъ Иванов. Горяиновъ - - - 1.
——————— Алексѣй Алексѣев. Володиміровъ - 1.

Въ Смоленскѣ.

Его Высокоблагородіе Сер. Зах. Женевскій - - 1.
——————— Кар. Ив. Шуфъ - - - - 1.
——————— Сергѣй Захаров. Жевской 1.

Въ Белевѣ.

Его Благородіе Павелъ Мих. Загряцкой - - - 1.
Его Сіят. Графъ Андрей Андреев. Толстой - 1.
Его Высокоблагородіе Андрей Иванов. Полонской 1.
Его Благородіе Петръ Николаев. Жердинскій - 1.

Въ Тулѣ.

Его Превосходительство Евг. Ив. Оленинъ - - 2.
Его Преосвященство Епископъ Тульскій и Белевскій Авраамъ - - - - - - - - - 1.
Его Превосходительство Евг. Алек. Головинъ - 1.
——————— Ник. Петр. Ивановъ - 1.
Его Высокобла. Анд. Анд. Калзаковъ - - - - 1.
Александровское дворянское училище - - - 6.
Его Высокоблагородіе Дми. Степ. Нечаевъ - - 1.
Его Высокоблаг. Степ. Дмитр. Нечаевъ - - - 1
Гв. Полковникъ Александръ Сем. Игнатьевъ - 2.
Его Высоблагородіе Дми. Серг. Друговцовъ - - 1.
——————— Алекса. Аѳан. Хрулевъ - - - 1.
——————— Наде. Ѳедо. Гамалеева - - - 1.

экзем.

Полковникъ Петръ Мих. Каменской - - - 1.
Его Благородіе Андреянъ Ник. Левшинъ - - - 1.
Его Высокоблагородіе Пав. Васи. Киндяковъ - 1.
Ея Благородіе Дарья Савин. Хотяинцова - - 1.
Его Благородіе Ив. Петр. Крюковъ - - - 1.
Его Высокоблагородіе Ник. Ива. Валуевъ - - 1.
Его Благородіе Егоръ Яковл. Тихошской - - 1.
Его Высокоблагородіе Егоръ Иванов. Скрыплевъ 1.
———————— Козма Семенов. Сокольниковъ 1.
———————— Ираклій Алек. Левшинъ - 1.
Вице-Губерн. Николай Владиміров. Кулепановъ - 1.
Полковн. Данило Дмитріев. Засядко - - - 1.
Губерн. Предвод. Дмитр. Сергѣев. Мансуровъ - 1.
Его Превосход. Евграфъ Машвѣев. Храповицкій - 1.
Его Высокоблагородіе Павелъ Аѳанасьев. Игнатьевъ 1.
———————— Лука Алексѣев. Левшинъ - 1.
Его благородіе Гаврило Кузмичъ Сокольниковъ - 1.
Неизвѣстный - - - - - - - - - 3.

Въ Ряжскѣ.

Оберъ-Провіантмейстеръ Семенъ Иванов. Темерязевъ - - - - - - - - - - - 1.

Въ Симбирскѣ.

Его Высокородіе Алексѣй Раманов. Бачтановъ - 1.

Въ Новосилѣ.

Его Высокоблагородіе Ник. Васи. Шатиловъ - 1.

Въ Епифани.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Алекса. Писаревъ 1.

Въ Одоевѣ.

Его Высокоблагородіе Ник. Петр. Воейковъ - 1.

тысем.

Въ Крапивнѣ.

Полковникъ Григ. Алексѣй. Козловъ-Угринъ - - 1.

Въ Воронежѣ.

Дерп. Кон. Эгер. полка Полковникъ Влад. Ив. Сонинъ 1.
Нѣжи. Кон. Эг. полка Подполковникъ Як. Ѳед. Гардеевъ - - - - - - - - - - 1.
Его Благородіе Яковъ Вас. Туленовъ - - - 1.
Его Высокоблаг. Князь Влад. Васи. Кейкуатовъ 1.
Его Благородіе Ив. Алексѣев. Александровъ - 1.
———————— Нико. Иван. Паренаго - - - 1.
Его Благородіе Влад. Васи. Ключаревъ - - - 1.

Въ Липецкѣ.

Тира. Кон. Эге. Пол. Полковникъ Оси. Дан. Ольшевскій - - - - - - - - - - 1.
Подполковникъ Вильг. Фили. Баронъ Бушъ фонъ Минихъ - - - - - - - - - 1
Флигель-Адьютантъ Е. И. Б. Маіоръ Князь Влад. Серг. Голицынъ - - - - - - - - 1.

Въ Ефремовѣ.

Его Превосходит. Иванъ Иванов. Миллеръ. - - 1

Въ Коломнѣ.

Его Благородіе Иванъ Иванов. Мещаниновъ - - 1.
Его Благородіе Павелъ Петров. Колеминъ - - 1.

Гос. Историч. Научн. Б-ка НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.